

В. Ф. МАМОНОВ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ

Том 1

Екатеринбург — Челябинск
1995

Российская Академия Наук. Уральское отделение
Институт истории и археологии
Челябинский государственный университет
Институт гуманитарных исследований

В. Ф. МАМОНОВ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ

Том I

Екатеринбург — Челябинск
1995

ББК 63.3 (2Р36)
М22

Мамонов В. Ф.

М22 История казачества России: Монография. Т. 1.

Екатеринбург: Ин-т истории и археологии Уральского отделения РАН, Челябинск: Челяб. гос. ун-т, Ин-т гуманитарных исследований при ЧГПИ, 1995. — 236 с.
ISBN 5-85716-045-6

Монография профессора В. Ф. Мамонова посвящена проблемам зарождения казачества России. Работа выполнена в рамках республиканской комплексной научной программы «Народы России: возрождение и развитие». Рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов, всех, кто интересуется историей.

Научный редактор:

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор Челябинского государственного университета
Г. В. Форстман

Рецензенты:

Кафедра отечественной истории и культуры Челябинского государственного технического университета;
Н. А. Миненко, доктор исторических наук, профессор

ISBN 5-85716-045-6

© Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 1995.

© Челябинский государственный университет, 1995.

© Институт гуманитарных исследований при ЧГПИ, 1995.

ВВЕДЕНИЕ

Ни одно явление в нашей отечественной истории не таит в себе, кажется, столько чудесного и загадочного, как история казачества. Перелистывая ее страницы, мы нередко наталкиваемся на вещи, не просто небывалые — фантастические. Разве не фантастична, например, от начала и до конца история донского казака Емельки Пугачева, объявившего себя императором Петром Федоровичем? И не просто объявившего, а сумевшего увлечь за собой десятки тысяч людей, сформировавшего из них громадную и вполне боеспособную армию, с которой самозванный Петр Федорович сумел до основания потрясти все здание Российской империи. Разве не фантастика — удачные походы донских казаков и запорожцев к берегам Анатолии и в окрестности самого Стамбула «за зипунами»? Причем совершались эти походы во времена, когда Блистательная Порта считалась крупнейшей мировой державой. И разве объясним, реален с обыденной точки зрения подвиг Ермака Тимофеевича, с горсткой казаков завоевавшего Сибирь и бившего челом о принятии ее в подданство Московскому государю Ивану Грозному.

Но что говорить об отдельных, пусть даже самых ярких фактах в истории казачества. Дело в конечном счете не в них, а в том, что само возникновение и существование казачества было на протяжении веков дерзким вызовом установившимся в России, да и не только в России, порядкам и обычаям. Вдумаемся хотя бы в такой факт: в условиях, когда больше половины населения государства Российского составляли крепостные, когда рабство считалось естественным состоянием людей, а самые важные вельможи именовали себя, обращаясь к царю, «холопами», в это же самое время на далеких окраинах страны складываются, развиваются и живут вольные казачьи общины, управляемые на основе демократических порядков. Они на равных заключают договора с Москвой и Краковом, Бахчисараем и Стамбулом. Они не ломают шапку ни перед кем, никого не боятся, отстаивают пикой и острой шашкой право жить так, как сами того хотят.

Но и город наш Дон. Тихий Дон.
Дон, наш Батюшка.
Бусурманину век не кланялся.
У Москвы как жить не спрашивался
А с Туретчиной по потылице
Шашкой острою век здоровался.

Так пелось в старинной казачьей песне. В ней, даже если сделать необходимую поправку на романтическое приукрашивание прошлого, которое и вообще свойственно песням, есть все-таки немалая доля истины.

Казачьи порядки, казачья жизнь поражали воображение людей. О казачьих вольностях ходили легенды. И не случайно, что само слово «казак» в сознание русских людей прочно вошло в сочетании со словом «вольный». Казаки представлялись русским людям порой сказочными богатырями. Очень характерно, что самого популярного героя русского богатырского эпоса — Илью Муромца — былины нередко зовут «старым казаком».

О казаках написано, кажется, немало. Казачья тема вдохновляла наших самых талантливых писателей и поэтов от Пушкина, Лермонтова и Толстого до Шолохова и Трифонова. На эту тему писали лучшие наши отечественные историки — Карамзин, Костомаров, Соловьев, Ключевский. И сегодня эта тема одна из более модных. Публикуются десятки книг и тысячи статей, переиздаются многие старые монографии.

А при всем том, как мало в сущности знают даже профессиональные историки (не говоря уже о «широкой публике») подлинную историю казачества. Взять к примеру происхождение самого слова «казак». Вот уже больше двухсот лет ученые спорят о том откуда взялось это слово и что оно означало на самом деле у татар, половцев, киргизов, русских и венгров. Больше восьмидесяти лет назад В. Х. Казин, составивший по поручению Императорской Главной Квартиры справочную книжку о казачьих войсках, таким образом суммировал эти ученые споры:

«Слово «казак» различными авторами толкуется и производится различно.

- 1) от «косоков» — народа Кавказского;
- 2) от «казар» — народа Скифского;
- 3) от «Касахии» — Закавказская область, упоминаемая Константином Багрянородным;

4) от «каз» — турецко-татарского слова, означавшего «гусь»;

5) от «ко» и «зах» — монгольских слов, означающих: первое — «броня, латы, защита», а второе — «межа, граница, рубеж»; откуда «ко — зах» значит — «защитник границы»;

6) от именованья этим именем у татар бессемейных и бездомных воинов — бродяг, составлявших авангард татарских полчищ в XIV веке;

7) от наименования этим именем у бухарцев — киргизского народа;

8) от значения этого слова на половецком языке — «страж», «передовой».

Но ни одно из этих толкований не может быть признано безусловно правильным¹.

Надо сказать однако, что даже этот перечень далеко не полон. Некоторые историки и лингвисты считали слово «казак» производным, то от слово «косы», то от слова «козы», то от «козявок», то от «Кипчака», то от слов «гусар», «гусарить», «гусарица»². Перечень такого рода объяснений происхождения термина «казак» можно было бы продолжать почти до бесконечности. Каждое из этих объяснений может считаться лишь более или менее остроумной догадкой, что, конечно, не свидетельствует в пользу их правильности.

В общем же соблюдая известную осторожность, можно предположить, что слово «казак», по-видимому, восточного, скорее всего тюрского происхождения. У разных народов оно обозначало разные понятия, хотя даже без особого труда между этими понятиями можно уловить известную связь. Например, в половецком словаре 1303 года слово «козак» значило «сторож». У татар оно обозначало первоначально, кажется, что-то вроде «вольный человек», «удалец», и термином этим действительно назывались бессемейные и бездомные одинокие воины, служившие авангардом при походах передвижениях татарских орд. У ханов Золотой орды и других монгольских государств были даже целые казачьи отряды, порой довольно крупные.

Конечно, все эти объяснения отнюдь еще не гарантируют правильность вывода о восточном происхождении слова «казак». Но они по крайней мере убеждают в том, что такое предположение все-таки наиболее правдоподобное. В целом же подводя итоги многолетней дискуссии о происхождении и значении термина «казак» можно сделать все

тот же малоутешительный вывод о том, что это первая, но далеко не единственная загадка в истории казачества, которая сегодня чрезвычайно далека от разрешения.

Но если не вполне разрешен вопрос даже о происхождении термина «казак», то проблемы генезиса российского, украинского и польского казачества являются еще более запутанными. Во многом это связано со скудностью той историко-этнографической базы, на которую поневоле вынуждены опираться ученые, исследующие историю казачества. Существенно и то, что наиболее крупные профессиональные историки занимались изучением истории казачества лишь попутно, в связи с рассмотрением других сюжетов. Специальные же работы на эту тему, если речь вести об исследованиях общего характера, а не локальных, принадлежит главным образом дилетантам, иногда блестящим дилетантам, но чаще дилетантам просто недостаточно грамотным в том, что касается истории. Так было в прошлом, так обстоит дело и в наши дни.

При всем том российская историография казачества чрезвычайно богата и многообразна. Уже наши древнейшие летописцы, начиная с XV — XVI веков, сообщая о крупнейших событиях в жизни Российского государства, постоянно отмечали в них роль казачества³. Один из первых по существу русских историков князь А. М. Курбский в своей знаменитой работе о взятии Казани Иваном Грозным неоднократно упоминал об участии в нем казаков⁴.

Однако начало действительно научному изучению истории казачества России было положено в XVIII веке работами И. Н. Болтина, В. Н. Татищева и в особенности Г. Ф. Миллера. В 1760 году Г. Ф. Миллер публикует одновременно две статьи «О начале и происхождении казаков» и «Известия о запорожских козаках»⁵. Эти работы были по существу первыми попытками дать сколько-нибудь цельное научное представление об истории возникновения российского и украинского казачества. Г. Ф. Миллер считал, что первоначально зародилось малороссийское казачество, затем донское, и уж позднее другие казачьи общины. Исходным пунктом для формирования малороссийского казачества, по его мнению, был 1340 год, когда поляки завоевали юго-западную Русь и многие русские, «опасаясь чужой власти, побуждены были жилища свои оставя, в нижних по реке Днепру местах искать себе убежища». Эти-то переселенцы «для защищения своего от безпрестанных нападений и набегов соседственных

Поляков, Литовцев и Татар, завели у себя воинское учреждение, хотя в оном и не воспитаны были»⁶.

К середине XVIII века относятся и первые научные работы, посвященные проблемам возникновения казачьих общин в отдельных районах страны. Кроме очерка Г. Ф. Миллера о запорожских казаках с этой точки зрения чрезвычайно большое значение имел главный труд Миллера «История Сибири»⁷. В этой работе на основе глубочайшего изучения исторических документов (по большей части введенных впервые в оборот самим же Г. Ф. Миллером) рассмотрены важнейшие вопросы, связанные со знаменитым походом в Сибирь Ермака Тимофеевича. Фактически «История Сибири» положила начало изучению учеными проблем зарождения и формирования сибирского казачества.

Важное значение имели также работы П. И. Рычкова, сумевшего собрать колоссальный фактический материал, относящийся к истории возникновения уральского и оренбургского казачьих войск⁸. Работы П. И. Рычкова для нас особенно важны еще и потому, что он описывал события хорошо известные ему по собственной служебной деятельности и, судя по всему, опирался на многие документы, не дошедшие до наших дней. В конце XVIII века были написаны также капитальные труды А. И. Ригельмана по истории запорожского и донского казачества, изданные, правда, уже в XIX веке⁹. Ряд чрезвычайно ценных сведений по истории казачества России содержится также в работе П. С. Палласа «Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии наук»¹⁰.

Отмечая серьезный вклад названных авторов в разработку проблем истории российского казачества, нельзя, однако, не отметить, что из них единственным профессиональным (и весьма квалифицированным) историком был только Г. Ф. Миллер. Другие авторы занимались историческими исследованиями лишь попутно, что естественно сказывалось на научном уровне их работ. В трудах Рычкова, Ригельмана, а отчасти и Палласа имеется довольно большое количество непроверенных и даже явно баснословных «фактов», в связи с чем их использование невозможно без серьезного критического анализа. Но в общем-то этот недостаток был весьма характерен для тогдашнего состояния российской исторической науки.

Интерес к российской истории как таковой и истории казачества в частности резко вырос в XIX веке. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. Сказывалось прежде всего то, что именно на рубеже XVIII — XIX столетий в России, ставшей тогда одной из действительно мировых держав, возросло национальное самосознание. Это особенно характерно для эпохи войн с Наполеоном, завершившихся, как известно, блестящей победой Российского государства. Никогда, пожалуй, международный престиж России не был столь высок, как в это время. Казаки же принимали самое активное участие в прославивших Россию победах Румянцева, Суворова, Кутузова. Самый мощный противник России — Наполеон — говаривал, что будь у него солдаты равные по своим боевым качествам казакам, он сумел бы завоевать весь мир. Слово «казак» с уважением, а порой и со страхом произносилось тогда на всех европейских языках.

Не случайно поэтому, что, начиная с Н. М. Карамзина, российские историки XIX века уделяли казачеству первостепенное внимание. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, кроме большого числа частных сообщений, касавшихся вопросов зарождения и развития запорожского, донского, яицкого, терского, волжского, сибирского казачьих войск, сделана попытка проанализировать, на основе известных тогда документов и письменных сведений, различные версии истории зарождения казачества. Склоняясь к тому, что казачество зародилось, по-видимому, еще в Киевской Руси, причем основу его составили тюркские племена, известные в летописях под названием черных клобуков (они были поселены на границах русских земель киевскими князьями), Карамзин был в своих высказываниях на этот счет чрезвычайно осторожен. Он ссылаясь при этом на нехватку документов, относящихся к первым страницам истории казачества, делал многочисленные оговорки, которые должны были подчеркнуть некатегоричность его на сей счет суждений¹¹. Тем не менее, именно его весьма осторожные и корректные высказывания положили по существу начало целому направлению в историографии российского казачества, благополучно существующему и ныне. Странники этого направления склонны, опираясь главным образом на неподтверждаемые документами догадки, отодвигать возникновение казачества даже не на века, а на целые тысячелетия. При этом, в отличие от Н. М. Карамзина, они формулируют свои на сей счет соображения резко и категорично.

Крупнейшие российские историки XIX — нач. XX вв. Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и ряд других, анализируя процессы зарождения российского казачества, стремились остаться полностью на почве имевшихся документов. Поэтому они не пытались, подобно Н. М. Карамзину, найти в глубине веков «протоказачков», а сосредоточили основное внимание на изучение проблем генезиса российского казачества, как социального явления. С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» связывает зарождение казачества с протекавшими особенно интенсивно в XV — XVI веках на окраинах Российского и Польско-Литовского государств колонизационными процессами. По его мнению, казачество вообрало в себя наиболее активные и энергичные элементы населения, переселявшегося на границу русских земель с владениями многочисленных монгольских ханств и орд. Чрезвычайно важны замечания, высказанные С. М. Соловьевым, относительно этнических корней казачества. По его мнению, хотя казачество, в том числе и запорожское, сложилось на полиэтнической основе, причем с серьезнейшими примесями тюркских элементов, все-таки в основе своей казаки — это славяне, русские. Он считал возможным, что черные клобуки могли играть роль в формировании малороссийского казачества, но при этом подчеркивал, что уже в домонгольские времена черные клобуки признавали власть русских князей и по сути дела слились с русскими. В любом случае русский элемент при формировании казачества, по его мнению, доминировал¹².

Оригинальную точку зрения по проблеме возникновения казачества сформулировал Н. И. Костомаров. Он в сущности вообще отказывался обсуждать вопрос о каких-либо племенах нерусского происхождения, положивших будто бы начало казачеству. Н. И. Костомаров считал, что процесс зарождения казачества связан прежде всего с утверждением на Руси самодержавия. «Казачество тогда возникало, — писал он, — когда удельная стихия падала под торжеством единой самодержавия, оно было противодействием старого новому. Ряды казачества наполнялись недовольными... теми, кто не уживался в обществе, для кого не по натуре были его узы»¹³.

Таким образом именно в казачестве Н. И. Костомаров видел охранителей традиций древних русских вольностей, уничтоженных отчасти благодаря монгольскому завоеванию, отчасти же благодаря естественному ходу событий. Надо отметить, что эта мысль Н. И. Костомарова, лично относив-

шегось к казачеству скорее с сочувствием, была весьма широко подхвачена теми, кто негативно оценивал роль казаков в истории Российского государства. Если казаки отстаивали старые, отжившие порядки, то значит они выступали против прогресса. А поклонение прогрессу было едва ли не главной чертой российской, да и мировой исторической науки в XIX — XX веках.

В работах В. О. Ключевского, особенно же в курсе русской истории во многом продолжались традиции, заложенные Н. И. Костомаровым и особенно С. М. Соловьевым: Как и они, В. О. Ключевский рассматривал зарождение казачества сквозь призму развертывавшихся в Российском государстве социально-политических процессов. Он отмечал, правда, значение монгольского фактора для формирования казачества, но в целом все-таки акцентировал внимание на том, что казачество формировалось и пополнялось за счет недовольных усилением крепостного права элементов, а также на связи развития казачества с колонизационными процессами, протекавшими на южных и юго-восточных окраинах Российского государства¹⁴.

Труды С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского не ставили, однако, задачей специально рассмотреть проблемы генезиса российского казачества. Высказанные в них замечания на сей счет носили более или менее частный характер. Правда, маститые историки и внесли наибольший вклад в разработку именно частных проблем истории казачества. С. М. Соловьев особенно интенсивно разрабатывал вопрос о роли служилого казачества, ему принадлежит также не потерявший значение до наших дней очерк истории похода в Сибирь Ермака. Н. И. Костомаров дал блестящий, в том числе и в литературном отношении, очерк о Ермаке Тимофеевиче, высказал целый ряд плодотворных идей о роли казачества накануне и в период Смутного времени. Надо отметить, однако, что при всей важности работ этих авторов какой-либо целостной концепции истории зарождения и развития казачества они не дают.

В XIX — начале XX веков историей казачества довольно активно занимались многие профессиональные ученые. Правда, они опять-таки обычно исследовали не историю казачества в целом, а либо частные проблемы, либо же историю отдельных казачьих войск, прежде всего, конечно, самых древних и самых крупных — запорожского, донского, яицкого, сибирского. Особенно значительные результаты были

достигнуты в изучении истории малороссийского казачества, и прежде всего запорожского войска. В работах Д. И. Эварницкого, М. С. Грушевского, Л. В. Падалки, А. А. Скальковского, И. И. Срезневского и ряда других украинских и русских историков¹⁵ введен в научный оборот значительный по объему и чрезвычайно интересный фактический материал, касающийся зарождения казачества на Украине, взаимоотношений казаков с польским и русским правительствами, особенностей внутреннего устройства и порядков казачьей республики, роли казаков в обороне Польско-Литовского государства и входивших в него русских земель от набегов крымских татар и турок. Чрезвычайно большое место было уделено изучению роли украинского казачества в освободительной борьбе против польско-литовских захватчиков.

Довольно активно разрабатывалась также история донского казачьего войска, правда, прежде всего, ее военные аспекты. В работах К. К. Абазы, В. М. Броневого, И. И. Краснова, А. Попова, В. М. Пудавова, А. М. Савельева, М. Х. Сенюткина, В. Д. Сухорукова и других авторов были предприняты интересные во многих отношениях попытки проанализировать процесс зарождения казачества на Дону, его роль в обороне границ от набегов кочевников, а также проблемы участия донских казаков в социальных конфликтах, потрясавших Российское государство (особенно в Смутное время и времена разинщины)¹⁶. В XIX — начале XX веков ряд авторов, преимущественно, правда, не профессиональные историки пытались обосновать тезис о том, что именно донское казачество является той основой, на которой сформировались позднее другие казачьи войска России, в частности терское, яицкое, сибирское.

Серьезные успехи в XIX — начале XX веков были сделаны в изучении истории казачества восточных районов страны. В работах П. И. Авдеева, Н. А. Бородина, В. Н. Витевского, И. И. Железного, А. И. Левшина, П. И. Небольсина, А. Н. Рябинина, Ф. М. Старикова, А. И. Кривошекова и других исследователей анализировались проблемы зарождения и развития казачества Урала¹⁷. А. П. Васильев, Н. И. Эпов, Ф. Н. Усов, Г. Е. Катанаев, Н. Г. Путинцев и ряд других авторов исследовали историю казачества Сибири¹⁸. И. И. Дмитриенко, П. П. Короленко, И. А. Дукмасов, Ф. А. Щербина, И. В. Бентковский, И. Д. Попко, В. А. Потто и ряд других авторов — вопросы зарождения и развития казачества на Кавказе¹⁹. Появляются чрезвычайно интерес-

ные работы И. Д. Беляева, Д. И. Багалая, В. Б. Антоновича, П. Голубовского, Д. И. Иловайского, Н. А. Маркевича, О. А. Фотинского и ряда других авторов, посвященные проблеме начального этапа зарождения казачества России в порубежных районах, отделявших Российское государство от кочевых племен и народов²⁰.

В конце XIX — начале XX веков предпринимаются серьезные попытки дать исторический очерк зарождения и развития российского казачества на основе имевшихся к тому времени в распоряжении историков документов и материалов, с учетом достижений в разработке частных проблем истории казачества. Наибольший интерес в этом смысле представляет вышедший в свет в 1902 году одиннадцатый том предпринятого генеральным штабом (в связи со столетием военного министерства) издания, посвященного истории и современному состоянию войск России. Этот том посвящен целиком казачьим войскам Российского государства. Надо отметить, что составитель тома (А. И. Никольский) не был профессиональным историком и тем более специалистом по истории казачьих войск. Он базировался исключительно на тех данных, которые были добыты к тому времени другими исследователями. Но, готовя издание тома, посвященного казачеству, составитель самым добросовестным образом изучил имевшиеся документальные материалы и посвященные истории казачества работы. Поэтому книга получилась довольно квалифицированной и объективной. Она по существу подводит итог разработке проблем, связанных с историей казачества в дореволюционный период. Но и это издание не свободно от существенных недостатков. Главный из них — отсутствие единой концепции, единого видения проблемы в целом. Как и всякая компилятивная работа, она является весьма неоднородной, состоит из плохо увязанных между собой частей, внутренне противоречива. Дело доходит до того, что порой в соседних главах содержатся прямо противоположные утверждения²¹.

В этом смысле выгодно отличается работа Е. П. Савельева, посвященная истории казачества от момента зарождения. Она вышла в свет пятью отдельными выпусками в 1915—1916 годах²², а сейчас переиздана и стала сегодня одной из наиболее популярных книг о казачестве. В отличие от книги, подготовленной генеральным штабом, Е. П. Савельев разработал свою собственную концепцию истории казачества. К сожалению, автор при написании своей книги не захотел

органичиться лишь тем материалом, который поддается действительно серьезной научной проверке. Будучи горячим патриотом казачества вообще и донского казачества особенно, Е. П. Савельев, видимо уже в силу свойств своей увлекающейся натуры, не мог пройти мимо интереснейших поэтических преданий и легенд, окружающих историю казачества. Без сколько-нибудь основательной критической проверки он включил эти предания в свою книгу, выдавая за истину в последней инстанции. Разумеется, что при этом работа Е. П. Савельева очень выиграла в занимательности, но серьезно проиграла с точки зрения достоверности. Это касается особенно первого выпуска книги, относящегося к начальному этапу зарождения казачества, который Е. П. Савельев отодвигает в глубину веков до времен Троянской войны и даже еще раньше. Впрочем, такого рода подход к исследованию истории казачества был в прошлом и остается сейчас очень распространенным. В пользу работы Е. П. Савельева говорит во всяком случае то, что она и до сегодняшнего дня является одной из немногих, где в комплексе даны важнейшие проблемы истории казачества.

Начало XX века было временем, когда, по разным причинам, казачья тема разрабатывалась особенно интенсивно. Сказывалась здесь в немалой степени подготовка к трем юбилейным датам, которые пришлось на какие-нибудь пять лет: столетие Отечественной войны 1812 года, двухсотлетие Полтавской битвы и трехсотлетие дома Романовых. Поэтому многие работы, вышедшие тогда по истории казачества, носили явно юбилейный характер, отличались несколько упрощенным и идеализированным взглядом на вещи.

Так или иначе, работы эти в определенной степени способствовали расширению знаний о российском казачестве, ввели в оборот достаточно большой по объему фактический материал, и в этом смысле оказались далеко не бесполезны. В целом же в дореволюционный период было сделано особенно много для изучения истории казачества. Именно тогда наметились главные научные направления, дожившие до наших дней.

Довольно существенную черту дореволюционной историографии казачества представляла чрезвычайно острая борьба различных научных направлений и школ. Конечно, здесь серьезно сказывалась общеполитическая обстановка, которая в XIX — начале XX веков была крайне накалена. Политические страсти сплошь и рядом уводили дискуссию о

казачестве в русло взаимных политических обвинений, даже таких, что напоминали доносы. История казачества в подобных ситуациях была чем-то вроде орудия в межпартийной борьбе. Политические взгляды авторов слишком часто определяли их отношение к конкретным вопросам истории казачества. Например, историки консервативного лагеря обычно стремились тем или иным способом затушевать факты участия значительной массы казаков в антиправительственных выступлениях Болотникова, Разина, Пугачева. Идеализируя прошлое, они изображали казаков преимущественно как верных слуг царя и отечества, игнорируя или затушевывая противоречившие этой версии факты. Правда, были среди историков консервативного лагеря и исключения в этом смысле. П. А. Кулиш, например, еще в семидесятых годах прошлого века достаточно четко сформулировал точку зрения, согласно которой казачество являлось в сущности антигосударственным социальным элементом, враждебным правительственной власти, частной собственности и общественной морали. Дело дошло до того, что он обвинил малороссийских казаков XV — XVII веков ни много ни мало, как в социализме и даже в коммунизме²³.

С другой стороны, либеральные и в еще большей степени демократически настроенные историки зачастую вразрез с достаточно твердо установленными фактами, то воспевали казаков как борцов против угнетения и социальной несправедливости, то рисовали их как что-то весьма похожее на агентов политического подавления, сыска, как «царских опричников».

Даже крупные ученые не были свободны от этого недостатка. Н. М. Карамзин, например, весьма эмоционально и далеко не всегда справедливо называет казаков то «ворами» и «злодеями», то «сволочью», то воителями за русское государство и православную веру. Причем поистине замечательна та легкость, с которой вчерашняя «сволочь» превращается в рыцарей без страха и упрека²⁴.

Буквально накануне революции 1917 года своего рода итог дискуссиям о казачестве подвел М. Н. Покровский в своей «Русской истории с древнейших времен», обосновав точку зрения, согласно которой казачество было в сущности ничем иным как мещанством, насквозь пропитанным мелкобуржуазным духом²⁵.

Разумеется, что над такого рода крайностями можно сколько угодно иронизировать. Несомненно однако, что даже

и они свидетельствуют о том, насколько активно и интенсивно шла разработка истории казачества (причем, в самых различных направлениях), насколько велик был общественный интерес к истории казачества.

К сожалению, после революции 1917 года отмечается серьезное снижение интереса ученых к истории казачества. Правда, нельзя сказать, что изучение ее совершенно прекратилось. И внутри страны, и за рубежом среди эмигрантов появлялись время от времени работы, посвященные истории казачества. Внутри страны довольно активно велось в частности исследование проблем, связанных с участием казаков России, Украины, Польши в крестьянских войнах XVII — XVIII веков. Благодаря тому, что были открыты многие остававшиеся секретными до 1917 года архивы, опубликованы многие документы, относящиеся к пугачевщине и другим антиправительственным выступлениям, ученые получили возможность разрабатывать проблемы участия казачества в социальных конфликтах в Российском государстве. Был опубликован ряд работ, посвященных восстаниям Болотникова, Разина, Пугачева, Булавина²⁶.

Публиковались исследования, посвященные истории отдельных казачьих войск²⁷. Таких исследований было, правда, сравнительно немного и авторы их использовали преимущественно прежнюю источниковедческую базу, кроме, пожалуй, документов, относящихся к социально-экономическим аспектам истории казачества. Но в общем-то изучение истории большинства казачьих войск существенно не продвинулось. До известной степени исключением является история запорожского казачьего войска, по которой было опубликовано довольно большое число работ²⁸. Это связано с тем, что вопросы воссоединения Украины с Россией в XVII веке считались и в советское время важными с политической точки зрения. Роль же запорожского войска в этом деле являлась бесспорной.

Довольно активно разрабатывалась учеными тема о Ермаке и его походе в Сибирь. Ей был посвящен целый ряд интересных исследований, которые существенно дополнили представления о роли казачества в освоении Сибири русскими²⁹. Надо сказать, однако, что в этих работах внимание на казачьей теме все-таки не акцентировалось, хотя она и не затушевывалась.

Для исследований по истории казачества в этот период были характерны:

Во-первых, постоянное подчеркивание неоднородности российского казачества и прежде всего в плане социальном. Самым тщательным образом ученые старались фиксировать противоречия действительные и мнимые между домовитыми казаками и казачьей гольтьбой. Разумеется, что известные основания для такой постановки вопроса имелись. Иное дело, что они отнюдь не исключали существования в реальной жизни также общеказачьих интересов, которые нередко доминировали даже в XX веке (когда дифференциация в казачьей среде зашла довольно далеко), не говоря уже о XV — XVI веках (когда дифференциация только намечалась).

Во-вторых, работы, посвященные истории казачества отличал весьма избирательный подход к выбору конкретных проблем, считавшихся «общественно значимыми» и тех, которые, если не прямо, формально, то фактически являлись запретными. Так, общественно значимыми и актуальными считались, например, темы, связанные с историей борьбы запорожских казаков за независимость Украины от Польско-Литовского государства и тем более за присоединение Украины к России. А вот вопросы участия запорожских казаков в походе на Москву в составе польско-литовской армии в Смутное время считались «неактуальными». Несомненно заслуживающей внимание считалась тема участия казаков в Отечественной войне 1812 года. Участие же их в среднеазиатских походах затушевывалось (речь шла все-таки о «колониальных войнах» Российской империи). История покорения Сибири считалась несомненно заслуживающей внимания, история же некрасовцев — недостаточно назидательной.

В-третьих, в работах, относившихся к новейшей истории российского казачества серьезно сказывалось вульгарное социологизирование, особенно же в том, что касалось участия казаков в событиях революции и гражданской войны. Фактически в советской историографии утвердилась универсальная формула: «беднейшие казаки поддержали рабоче-крестьянскую власть, середняки колебались, но в конечном счете тоже выступили на ее стороне, кулачество было контрреволюционным». Конечно, эта формула совершенно не отвечала реалиям периода революции и гражданской войны, но зато полностью соответствовала заданным «Кратким курсом истории ВКП(б)» стереотипам, которые гласили, что трудящиеся России и в том числе «трудовые казаки» в по-

давляющем своем большинстве поддержали советскую власть.

В-четвертых, в советской историографии всегда считалось достаточно твердо установленным, что казачество, как и другие сословия бывшей царской России, упразднено, а поэтому специально разрабатывать историю казачества после окончания празданской войны совершенно бессмысленно. Казаки перестали быть казаками, а раз так, то о какой же истории казачества в годы советской власти можно вести речь. Правда, отдельные факты, касавшиеся «бывших казаков» на советской территории все-таки отмечались исследователями. В связи с тем, что во время Великой Отечественной войны была сделана (и безуспешная) попытка формирования казачьих частей и соединений, особенно кавалерийских, термин «советское казачество» употреблялся какое-то время в пропагандистской работе и из этой сферы проник в литературу по истории. Но это существенно не меняло ситуации. Сколько-нибудь серьезного исследования судеб российского казачества после гражданской войны практически не велось.

В общем же, подводя итоги советской историографии казачества, можно сделать вывод о том, что масштабы и интенсивность изучения истории казачества после революции серьезно сократились. Многие проблемы считались закрытыми. Изучение других велось нередко весьма тенденциозно и во всяком случае было подчинено установившимся в стране идеологическим стереотипам.

Необходимо отметить, что в послереволюционный период изучение истории казачества довольно интенсивно велось людьми, оказавшимися в эмиграции. По большей части это были, конечно, не профессиональные историки, а военные, происходившие как правило из казачьих семей. За перо они брались по двум причинам: либо стремились осознать и осмыслить тот колоссальный по своим последствиям крах, который постиг Российскую империю и правившие ею сословия; либо их влекла к истории ностальгия по утраченной (тогда казалось, что навсегда) Родине. Они не думали уже в этом случае о сведении политических счетов, а искренне стремились рассказать читателям, в том числе западным читателям, о старой России, ее истории. Разумеется, что в том и другом случаях речь шла не столько о профессиональной исторической науке, сколько о более или менее талантливой исторической публицистике.

В эмиграции были написаны мемуары А. И. Деникина, П. Н. Краснова, И. Г. Акулинина, А. Г. Шкуро, Г. В. Енборисова, А. В. Зуева, А. Макеева и ряда других активных участников событий периода революции и гражданской войны. Эти работы весьма ценны тем, что в них содержится колоссальный фактический материал об участии казаков в борьбе с советской властью³⁰. Любопытная черта этих работ: при том, что они были посвящены, казалось бы, самым животрепещущим тогда политическим проблемам, авторы считали необходимым обычно дать более или менее развернутые справки об истории российского казачества. Конечно, в данном случае сказывалось прежде всего то, что белоэмигранты поневоле вынуждены были ориентироваться во многом на западного читателя, который имел весьма смутное представление об истории казачества. Но, по-видимому, дело не только в этом. Сплошь и рядом экскурсы в историю были необходимы авторам для того, чтобы более правильно, более полно оценить события, происходившие в России в 1917—1920 годах и роль в них казаков. В работах белоэмигрантов содержится довольно большое количество фактов, касавшихся жизни за границей поневоле оказавшихся там казаков.

Наряду с мемуарной и публицистической литературой в эмиграции появляются и чисто научные работы, посвященные истории казачества, или по крайней мере претендующие на научность. Именно в эмиграции был подготовлен и издан трехтомный справочник о российском казачестве³¹. Он не свободен от многих недостатков. Прежде всего поражает весьма субъективный выбор тем для написания статей. Например, казачество восточных районов страны и наиболее видные его лидеры явно недостаточно показаны в справочнике. Зачастую чувствуется отсутствие в распоряжении авторов статей необходимой литературы и материалов. Субъективны и односторонни оценки многих деятелей и событий в истории российского казачества. Но при всех этих недостатках справочник не имеет сегодня аналогов и простое его издание в России способствовало значительному расширению представлений о казачестве не только у широкого круга читателей, но отчасти и у специалистов.

Кроме работ, посвященных частным проблемам, в эмиграции были сделаны две довольно любопытные попытки дать единый целостный очерк истории российского казачества. В этой связи надо сказать прежде всего о брошюре П. К. Харламова «Казачество», изданной в Париже в 1956 году³². П. К.

Харламов не был профессиональным историком и использовал в своей брошюре сравнительно небольшой по объему фактический материал. Но материал этот весьма своеобразно скомпонован в соответствии со стержневой мыслью автора о том, что казачество — не составная часть русского народа, а особый, вполне самобытный народ, имеющий иное, чем русский народ происхождение, свою, отличную от русской, историю. Конечно, строго говоря, эта мысль не нова. Во времена императора Павла I ее высказывали казачьи офицеры братья Грузиновы, засеченные по приговору суда в Новочеркаске. Во время революции и гражданской войны подобные мысли (хотя и в смягченной форме) пропагандировали атаман А. М. Каледин и А. И. Дутов. П. К. Харламов доводит их до логического завершения и пытается исторически обосновать.

Очерк «Казачество» по-своему получился достаточно стройный, последовательный. Судя по нему казаки едва ли не самый древний народ на территории Восточной Европы, причем народ, всегда отличавшийся особой смелостью, умом, воинским мастерством. Казаки нанесли поражение войскам Александра Македонского, не говоря уже о противниках более мелких и менее знаменитых — вроде персидских царей. Именно казаки первыми среди славян и на несколько веков раньше русских приняли православие. Именно они построили в Киеве первую православную церковь. И хан Батый завоевал русских главным образом потому, что его в этот момент поддерживали казаки, и русские победили татар на Куликовом поле потому, что казаки тогда перешли на их сторону. А чтобы у читателя на этот счет не было уже никаких сомнений автор уточняет, что и вообще в тех случаях, когда русские решались одни, без помощи казаков, сражаться против татар, они неизменно были биты. Брошюра написана в весьма развязном тоне, содержит не столько полемику со старыми нашими дореволюционными историками, сколько обвинения большинства из них в недобросовестности, в стремлении преуменьшить роль казачества в истории Российского государства и других не менее тяжких грехах. Разумеется, что даже тени научной аргументации в брошюре нет. При всем том точка зрения П. К. Харламова имеет немало сторонников как в России, так и за рубежом.

Концепция П. К. Харламова лежит в основе более серьезной по своему характеру работы, посвященной истории казачества. Речь идет здесь о книге А. А. Гордеева «История ка-

заков», изданной в 1968 году в Париже³³. Книга состоит из четырех частей и охватывает практически всю известную историю российского казачества. Сейчас она издана массовым тиражом в России и является едва ли не настольной книгой многих участников движения за возрождение казачества. В отличие от П. К. Харламова А. А. Гордеев — человек несомненно довольно грамотный и изучивший к тому же значительное число работ по российской истории вообще и истории казачества в особенности. К тому же книга написана легким, доступным, живым языком и воспринимается неспециалистами как серьезное научное исследование.

По мнению А. А. Гордеева казаки — особый народ и именно тот народ, о котором упоминает Константин Багрянородный. Правда, А. А. Гордеев считал также, что во времена монгольского владычества на Руси ряды казаков серьезно были пополнены русскими. Фактически именно с русскими, которых ханы Золотой орды включили в свое войско и использовали для различных военных надобностей, А. А. Гордеев связывает широкое распространение казачества на Руси. Судя по сообщаемым А. А. Гордеевым сведениям казаки сыграли едва ли не решающую роль в разгроме войск хана Мамай, свержении монгольского ига вообще, да и в формировании Русского государства. Надо отметить, однако, что эту мысль А. А. Гордеев проводит в более смягченной, чем его предшественники форме.

Что касается аргументации, то она не отличается особой убедительностью, не говоря уже о том, что содержит большое количество фактических неточностей. Порой ошибок и неточностей набирается так много, что невольно начинает казаться будто читаешь не научное исследование, а специально составленный тест для того, чтобы научить читателей выявлять как можно больше логических натяжек и фактических ошибок. А. А. Гордеев пишет, например: «Император Константин Багрянородный в конце X века в своих записках писал, что среди Кавказских народов живет народ, носящий название «казаки»³⁴. Здесь что ни слово — перл. Начать с того, что Константин Багрянородный умер в 953 году и поэтому в конце X века писать ничего не мог. Когда же он был жив, то писал не о народе «казаках», жившем на Кавказе, а о стране, и называл ее, собственно, не Казакия, а Казахия. Это не говоря уже о том, что созвучие названий, само по себе, ничего не доказывает. Но разумеется, что на непрофессионалов ссылка на Константина Багрянородного и других

древних авторов производит самое отрадное впечатление. Книга читается нарасхват.

На рубеже 80—90 годов интерес к истории казачества резко вырос. Это связано прежде всего с теми крупными изменениями, которые происходят в стране, в частности с процессом возрождения казачества. Казачья тема стала как никогда модной. Поэтому статьи и книги, посвященные истории российских казаков, издаются даже не десятками, а сотнями. Большая часть из них написана, правда, не историками, а литераторами, краеведами, учителями, непосредственно участниками движения за возрождение казачества. Довольно широко ведется переиздание дореволюционных и эмигрантских книг. Уже сейчас можно сказать, что эти процессы в основе своей позитивны. Вместе с тем нельзя не видеть и серьезные издержки подхода к изучению истории казачества как к модному увлечению. Сплошь и рядом, например, переиздаются массовыми тиражами не самые интересные и действительно важные книги, а те, что написаны бойким стилем, но и содержат зато наибольшее количество ошибок.

С другой стороны, литераторы и журналисты, берущиеся писать по истории казачества, нередко не обладают необходимыми знаниями и навыками для этой серьезнейшей работы. На основе случайных непроверенных данных, а порой и данных, опровергнутых давно уже наукой, составляются довольно причудливые сочетания правды и вымысла. При этом вымысел обычно доминирует постольку какая же правда может тягаться по своей занимательности с вымыслом. В 1993 году международный фонд славянской письменности и культуры издал, например, массовым тиражом книгу с весьма многообещающим заголовком «За други своя или все о казачестве»³⁵. При чтении ее выясняется, однако, что это заявленное «все» является на поверку лишь пересказом наиболее фантастических вымыслов о казаках, кстати говоря, вымыслах давно уже опровергнутых наукой.

Надо отметить, однако, что за последние пять-шесть лет значительно активизировали работу по изучению истории казачества профессиональные историки. Издан целый ряд монографий, посвященных истории отдельных казачьих войск, а также общим проблемам истории казачества³⁶. Проведены несколько научных конференций, по результатам которых опубликованы сборники тезисов и статей³⁷. Создан ряд научных коллективов, которые разрабатывают крупные проблемы истории казачества. Эта работа обнадеживает. Вместе с тем

нельзя не видеть того, что сегодня по-прежнему нет книг, которые на уровне современной исторической науки давали бы систематичное и целостное изложение проблем истории казачества России. Предлагаемая вниманию читателя монография является первым томом «История казачества России». В ней рассматриваются преимущественно проблемы, связанные с зарождением и формированием российского казачества. Хронологические рамки тома: от самых первых страниц в истории казачества, до конца XVI века, когда на окраинах Российского и Польско-Литовского государств сформировались крупные казачьи общины и казачество превратилось в чрезвычайной мощную военную и общественную силу.

Книга рассчитана не только на специалистов в области истории, но и на широкий круг читателей.

Г Л А В А I.

РОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА: ЛЕГЕНДЫ, ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ

§ 1. Легенда о казаках

Люди любят загадочное в истории. Но еще больше они любят разгадывать загадки. Наверное, так уж устроена человеческая натура, что она не может примириться с ограниченностью знаний. Сталкиваясь с загадкой, человек пытается ее разгадать, не особенно считаясь даже с тем, есть ли для разгадки достаточный материал. Для разгадывания загадок в истории это особенно характерно. Даже профессиональные историки (не говоря уже о дилетантах) далеко не всегда склонны ограничиваться только тем фактическим материалом, который достаточно надежен. Напротив, если его не хватает, историки начинают анализировать менее достоверные факты, затем от них переходят уже в область догадок, более или менее правдоподобных. Чем меньше фактов, тем сильнее разыгрывается фантазия. В результате загадка отгадана. Ответ найден. Все дело только в том, насколько он верен.

Кажется ни в одном крупном вопросе нашей отечественной истории литераторы и историки не переходили с такой легкостью грань между твердо установленным, гипотетичным и совсем уже фантастичным. Нигде, пожалуй, мифотворчество не было столь интенсивным, как в вопросе об истории казачества, особенно ее первых страницах. Чем более сдержаны и скупы на факты исторические источники, тем большее поле открывалось для мифов и легенд.

Первые упоминания в летописях о казаках относятся к середине XV века. К концу XVI века источники упоминают казаков уже довольно часто, причем речь идет о казачьих общинах на Дону, Волге, Яике, Тереке, а также в Малороссии. При этом о казачестве сообщается как о явлении вполне сформировавшемся. Но когда оно сформировалось? Данных для сколько-нибудь серьезных и аргументированных выводов об этом нет. Поэтому в дело включается фантазия. При чтении многочисленных популярных и даже претендующих на научность книг, брошюр, статей, освещающих первые страни-

цы истории казачества, поражаешься прежде всего обилию романтических подробностей и деталей, которыми они насыщены. Впечатление такое, будто они написаны не столько историками, сколько поэтами или сочинителями былин и легенд. При ближайшем ознакомлении с ними убеждаешься: так оно на деле и было.

Эти легенды, именно потому, что они творились многими людьми, содержат многочисленные варианты, каждый из которых противоречит другим. Есть, однако, в них некие общие черты, связанные прежде всего со стремлением идеализировать историю казачества. Так, большинство вариантов легенд о зарождении казачества указывает на то, что казаки — коренные жители северного Причерноморья. Обычно речь идет о низовьях Дона и Приднепровья. Правда, разные авторы спорят о том, кто были предки казаков: скифы или анты, саки или варяги, парфяне или же легендарные амазонки¹. Но в любом случае этих «предков» непременно помещают в районы, где позднее сложились казачьи общины. Феномен этот легко объясним. В данном случае речь идет об обосновании прав казаков на ту землю, которая принадлежала им в XVIII—XIX веках.

Практически, все легенды указывают на изначально высокие личные качества «протоказаков»: их доброту и гостеприимство, их смелость и мужество, умение владеть оружием и сражаться, отстаивая свою отчизну. Казаки всегда побеждают самых знаменитых своих противников, будь то троянцы, персидские цари Дарий или Кир или же Александр Македонский.

Наконец, практически все варианты легенд сходятся на том, что появление казаков на исторической арене надо датировать не XV веком, а временами, значительно более ранними. В большинстве случаев зарождение казачества отодвигается вглубь времен даже не на века, а на тысячелетия. Так, в упоминавшейся уже книге «За други своя или все о казаках» дается в весьма живой, популярной и занимательной форме квинтэссенция этих легенд. Составители книги А. М. Гнеденко и В. М. Гнеденко пытаются ни много ни мало вывести родословную казачества от героя «Илиады» Ахилла. Вот что пишут они по этому поводу: «...Чуждый выдумок, греческий летописец Арриан говорит, что Ахиллес был скифом, родившимся на берегах Азовского моря. Он был изгнан со своей родины за необузданность нрава и гордость. Поселившись в Греции, он прославился замечательной храбростью,

которая, кстати сказать, была у наших предков обычной нормой поведения. Очевидными признаками скифского (славянского) происхождения Ахиллеса, по словам Арриана, были его русые волосы, голубые глаза и необычайная ярость в бою, а также и скифский покрой его одежды с характерной застежкой. По преданию место, откуда отправился в Грецию Ахиллес, находится в исконных землях Запорожского войска — на оконечности знаменитой Кинбурнской косы. Не случайно на протяжении веков место это называлось у греков ахиллесовым берегом»².

Итак, больших доказательств кажется нечего и искать. Поскольку Ахиллес носил, по словам Арриана, скифскую застежку и был яростен в бою, он, конечно, предок запорожских казаков. Правда, есть в этой версии маленькие неувязки. Во-первых, Гомер, как известно, дает совершенно иную генеологию Ахиллеса. А он все-таки был на несколько веков ближе к Троянской войне, чем «чуждый выдумок Арриан». Во-вторых, светлые волосы и голубые глаза были не только у скифов, воинская доблесть также. В-третьих, сегодня ни один серьезный историк не ставит знака равенства между славянами и скифами. В-четвертых, что же вообще доказывает название оконечности знаменитой Кинбурнской косы «Ахиллесовым берегом»? В Северном Ледовитом океане есть, например, земля Франца-Иосифа. Что же это свидетельствует о том, что там родился император Австро-Венгрии Франц-Иосиф?

Этот небольшой пример с изданной совсем недавно книгой по-своему весьма характерен. Он показывает в сущности ту весьма распространенную «методологию», которую используют при попытках восстановить древнейшую историю казачества очень многие литераторы, да и историки тоже. Метод поиска предков казаков на основе выявления народов и племен глубокой древности, названия которых созвучны со словом «казаки» (или по крайней мере кажутся таковыми исследователям), играл в прошлом и играет сегодня чрезвычайно большую роль в формировании мифов и легенд.

А если к тому же вдруг выяснится, что племя или народ, носившее созвучное со словом «казаки» название, было кочевым, сражалось на конях, было храбрым или умным, то это уже считается совершенно бесспорным доказательством того, что данный народ или племя и есть знаменитые «протоказаки». Дальше все идет уже очень просто: историк дополняет свои соображения ссылками на Гомера или Геродота, Пто-

демея или Арриана, Страбона или Константина Багрянородного. После этого кто же усомнится в правильности версии. С Птолемеем и Геродотом не поспоришь! Именно так возникли, упрочились и дожили до наших дней версии о происхождении казаков от саков, киргиз-кайсаков, хакасов. Как быть: между словом «казак» и словами «сак», «хакас», «киргиз-кайсак» действительно ведь есть некоторое сходство.

Амазонок делают предками казаков на том основании, что они, по сведениям древних авторов, жили на Дону, сражались на конях, были храбрыми и обаятельными. Скифов — постольку, поскольку (по словам Геродота) они были самым умным народом³.

Е. П. Савельев в «Древней истории казачества» называет в числе предков казаков амазонок уже вполне однозначно, пишет об этом как о чем-то, само собой разумеющемся. Он собственно даже и не стремится особенно обосновать эту свою мысль, а сосредоточивает внимание на подробнейшем описании боевых подвигов амазонок, встречи царицы амазонок Фалестрии с Александром Македонским, а также на том, как была одета царица и ее свита, упомянув и то, что «платье амазонок не совсем покрывало их тело: левая сторона у груди была обнажена, остальные части были прикрыты до колен». Вот, оказывается, какие детали и подробности из истории казачества могут быть установлены «вполне научно» исследователями. Е. П. Савельев, сообразив, правда, что, быть может, в поисках «протоказаков», он зашел слишком далеко, счел необходимым для подтверждения своей версии о происхождении казаков от амазонок добавить, что во время знаменитого «Азовского сидения» (в 1641 году) в боях с турками на стороне казаков участвовало несколько сот женщин, что женщины сражались в рядах русской армии также в первую мировую войну⁴. Совсем как древние амазонки! А раз так, то какие же еще нужны доказательства того, что амазонки и в самом деле были их предками.

Не более убедительны и другие «доказательства», связанные с подробностями этнографии. Великолепный пример тому — попытка обоснования А. А. Гордеевым теории о происхождении казаков от хакасов, хакасов от казаков или во всяком случае их какой-то этнической общности. Оказывается, что кроме созвучия слов «казаки» и «хакасы», доказательством этой теории является то, что те и другие носили в прежние времена в ушах кольца⁵. Но кольца в ушах носили и носят, как известно, также еще и папуасы. Является ли это

доказательством происхождения казаков от папуасов или папуасов от казаков? Существует ли между ними какая-либо этническая связь?

Уже Н. М. Карамзин, подустав от малопродуктивной работы по разъяснению «на полном серьезе» нелепости теорий, базирующихся на такого рода «доказательствах» восклицал: «Да можно ли быть таким легковерным!» Однажды он вышел из себя настолько, что даже позволил сделать весьма язвительное замечание по поводу «исследований» подобного рода. Перечислив целый букет нелепостей, содержащихся в некоем летописном сочинении «О казаках Запорожских», он саркастически добавил: «Сия басня изобретена одним из ученых Запорожцев»⁶. Со времен Н. М. Карамзина количество таких «ученых запорожцев» увеличилось довольно сильно. Они издают свои манускрипты нередко массовыми тиражами, причем если не историки, то по крайней мере широкая публика принимает их вполне всерьез.

В общем же, проанализировав многочисленные издания, авторы которых делали более или менее остроумные попытки восстановить генеалогию казачества вплоть до времен Кира, Дария и Александра Македонского, надо признать их неудовлетворительными. Эти попытки вряд ли стоит сегодня продолжать, по крайней мере до тех пор, пока не будут открыты какие-то новые, очень важные источники, способные пролить дополнительный свет на эту проблему. К сожалению, возможность открытия сегодня таких источников более чем сомнительна. Что же касается источников, имеющихся сейчас в нашем распоряжении, то новые и новые попытки интерпретировать сообщения древних авторов вряд ли могут что-либо изменить. Нельзя базировать сколько-нибудь серьезную теорию на таком зыбком фундаменте, как созвучие слов в названиях, упоминаемых древними авторами племен со словом «казаки». Это не говоря уже о том, что и сами сообщения древних авторов по возможности тоже следует проверять, поскольку сообщали же они, например, что жители Восточной Европы на полгода закапываются в снег, засыпают и пребывают в этом состоянии вплоть до потепления.

Но если чрезвычайно мало убедительными выглядят рассуждения ряда авторов о древнейшей со времен Александра Македонского истории казачества, то совсем иное дело предпринимавшиеся многими историками попытки найти корни казачества в Киевской Руси во времена домонгольского нашествия. Здесь мы вступаем уже из области совершенно фан-

тастических догадок в область более или менее обоснованных научных гипотез.

Действительно, если в летописных известиях XV—XVI веков казачество предстает перед нами, как нечто вполне уже сформировавшееся, то было бы логично предположить, что к тому времени оно имело свою более или менее длительную историю, которая не получила по тем или иным причинам своего отражения в летописных известиях (как и многие другие явления, о которых мы сегодня достаточно твердо знаем). Не могло же в самом деле казачество появиться на свет божий сразу, вдруг, как Афина Паллада из головы Зевса — в шлеме, латах и в полном одеянии (в отличие от амазонок). Видимо, оно формировалось какое-то, возможно довольно долгое, время. Но, разумеется, что одно дело — понимание этого обстоятельства, стремление каким-то образом реконструировать пусть по косвенным данным процесс формирования казачества, совсем иное — вопрос о том, насколько удачна та или иная попытка подобной реконструкции. Именно недостаток сколько-нибудь надежных документальных данных порождает большое количество разногласий и споров о том, когда именно и при каких обстоятельствах зародилось казачество. А также, опять-таки большое количество мифов.

Наиболее часто это мифотворчество базируется на упрощенной трактовке богатырского эпоса, в первую очередь былин киевского цикла. Практически все, кто занимался историей казачества отмечали, что во многих былинах Илью Муромца называют по «старым казаком», то «матерым казаком», то «казаком» просто. Что и говорить, этот факт достаточно интересен сам по себе, так как он свидетельствует о том, каким громадным престижем и какой любовью в народе пользовалось казачество. Отметив это обстоятельство наиболее осторожные историки обычно и ставят точку. Иное дело непрофессионалы, движимые горячим желанием разгадать наконец загадку происхождения казачества. Они вместо того, чтобы попытаться по возможности точнее определить время возникновения былины, ее трансформацию, когда в этой былине появилось слово «казаки», принимают былинку как стопроцентную истину.

А. М. Гнеденко и В. М. Гнеденко так, вполне категорично и пишут: «С именем Ильи Муромца связано и само понятие «казак», ибо он был первым из русских богатырей, кто назвал себя казаком и гордился этим званием»⁷. А. А. Гордеев как само собой разумеющееся, мимоходом отмечает: «До по-

явления монгодов название «казаки» на Руси также было известно. В числе ее богатырей первым был «матерый казак Илья Муромец»⁸. И уж совсем категорично выглядит утверждение П. К. Харламова, который не просто доказывает, что казаки появились в Киевской Руси, но и «разоблачает» тех, кто не согласен с этим. «Некоторые русские историки, — пишет П. К. Харламов, — считают, что слово казак — татарского происхождения, т. е., что оно появилось только в XIII в. Но киевские былины, относимые этими же историками (Соловьев и др.) к X в., называют Илью Муромца «старым казаком» и «атаманом»⁹.

Итак, С. М. Соловьев (и др. историки) вполне уличены в противоречии, если не в чем похуже: сами относят былины к X веку и утверждают тем не менее, что слово «казак» татарского происхождения, хотя всем хорошо известно, что татары на Руси появились только в XIII веке! П. К. Харламов пришел, увидел и вскрыл их противоречие. Правда, если хотя бы чуть-чуть внимательнее вчитаться в былины, то можно было бы легко установить, что Илья Муромец, судя по ним, только и делает, что воюет с татарами. Следует ли из этого, что татары на Руси тоже появились не в XIII, а в X—XII веках, когда былины создавались? Наверное все-таки нет. Наверное все-таки прав С. М. Соловьев и другие «эти же самые историки», считающие, что хотя былины были созданы в основном в X веке, но со временем они видоизменялись. Татары появились в них не раньше XIII века, а Илья Муромец стал «матерым казаком» видимо и того позднее.

Но разумеется, что ошибки или явные передержки, допускаемые тем или иным автором, отнюдь не служат еще доказательством ошибочности самой теории о зарождении казачества в Киевской Руси в домонгольский период. Надо подчеркнуть, что у этой теории имелось достаточно большое число сторонников, начиная с Татищева, Болтина и Карамзина. Существование теории сводится к тому, что ядром казачества при его формировании были племена и народы («народцы» — по выражению С. М. Соловьева), расселенные киевскими князьями на южной и юго-восточной границах государства специально для обороны его от набегов кочевников.

Наиболее четко, последовательно и убедительно эта точка зрения была сформулирована Н. М. Карамзиным. Вот что он писал на этот счет в пятом томе «Истории государства Российского»: «Летописи времен Василия Темного в 1444 году упоминают о казаках Рязанских, в особенном легком войске,

славном в новейшие времена. Итак, Козаки были не в одной Украине, где имя их сделалось известно по Истории около 1517 г., но, вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия, и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались Черкасами: Козаки также. Вспомним Касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну Казахию, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Осетинцы и ныне именуют Черкесов Касахами; столько обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, называясь Черкасами, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; принимали к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем Козаков составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки, образовали воинскую Христианскую Республику»¹⁰.

В приведенном выше отрывке обращает на себя внимание прежде всего то, что Н. М. Карамзин формулировал свою точку зрения крайне осторожно. Даже утверждение о том, что казаки на Руси древнее Батыева нашествия сопровождалось оговоркой «вероятно». Историограф в сущности ничего категорически не утверждал. Очень специфично употребление им слова «народ». Он говорил о казаках как о едином народе, который сделался совершенно русским. Таким образом, фактически карамзинская трактовка термина «народ» очень сильно отличается от нашей нынешней: речь идет не о какой-то этнической общности, обособленной от собственно русского народа, а именно о его составной части. Одно это уже делает не вполне корректными ссылки на Н. М. Карамзина сторонников теории о казачестве как отдельном народе, особом по отношению к русскому. Существенно и то, что доказательство положения о торках и берендеях, как предках казаков, сводилось собственно к одному: как казаки, так и торки с берендеями назывались черкасами. Но это как раз наиболее уязвимое звено в рассуждениях Н. М. Карамзина. Ведь казаков могли называть черкасами уже по той причи-

www.elan-kazak.ru

не, что в районе, где они обитали, имелся город Черкасы. И надо еще доказать, что население его составляли именно потомки торков и берендеев. Доказательств тому, строго говоря, на сегодня нет никаких. Характерно и то, что обобщившая идею, согласно которой ядро казаков, по крайней мере в период формирования казачества, составляли потомки обрусевших торков и берендеев, Н. М. Карамзин подчеркивал, что они принимали к себе многих россиян, бежавших от угнетения, смешались с ними. Таким образом, в сущности даже и сам Н. М. Карамзин разрабатывая идею о протоказаках, склонен был допустить мысль, что и в период формирования казачества именно россияне, наряду с торками и берендеями, принимали самое непосредственное участие в его организации.

Еще осторожнее в этом смысле С. М. Соловьев. Отмечая, что на днепровской окраине еще во времена самостоятельного существования Руси было много «разноименных народов» полукочевых, полуседлых, признававших власть русских князей и известных по летописи под названиями «торков, берендеев, коуев, турпеев, которые носили общее название черных клобуков», что по мнению летописцев тождественно названию «Черкас», он в то же время пишет: «Но если упомянутые народцы действительно составили зерно малороссийского казачества, то, с другой стороны, в Литовской Руси не было также недостатка в причинах, по которым к этому зерну присоединились многочисленные толпы казаков чисто русского происхождения, ибо днепровская Украина по географическому положению своему должна была издавна странною военных поселений»¹¹.

Таким образом, не возражая прямо Н. М. Карамзину, С. М. Соловьев по существу настолько меняет акценты, что от признания концепции Карамзина о черных клобуках как «протоказаках» фактически мало что остается. В этом смысле наиболее важны, на наш взгляд, два момента: во-первых, в отличие от Н. М. Карамзина С. М. Соловьев говорит о формировании не казачества вообще, а украинского казачества (или малороссийского по его терминологии). Следовательно, вопрос о генезисе российского казачества остается открытым и происхождение его фактически не связывается с торками, берендеями и другими «малыми народцами». Во-вторых, даже и в отношении к малороссийским казакам С. М. Соловьев лишь допускает возможность участия в их формировании

«черных клобуков», но далеко не уверен в том, что все обстояло именно таким образом.

Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев дали по существу наиболее убедительную с научной точки зрения версию о протоказаках. Выдвижение этой версии, как отмечалось выше, сопровождалось довольно существенными оговорками. Но даже и с оговорками, даже в интерпретации таких корифеев, как Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, версия эта выглядит по целому ряду причин далеко не бесспорной. Прежде всего необходимо напомнить, что торков, берендеев, коуев и черных клобуков вообще сторонники теории о протоказаках выводят с Кавказа: то из Казахии Константина Багрянородного, то от черкесов, обитающих на Кавказе и сейчас.

Что можно сказать по этому поводу? С Казахией все более или менее ясно: ничего, кроме беглого упоминания о ней у Константина Багрянородного нет, какой народ или народы обитали в ней мы не знаем и можем только фантазировать на этот счет. Предположение о том, что в Казахии обитали непременно казахи или казаки, или, тем более, черные клобуки — всего лишь пример подобного фантазирования, не более того. Что же касается черкесов, то если представить, что именно они (точнее черкесские племена черных клобуков) были ядром формировавшихся казачьих общин, то казалось бы какие-то элементы в языке, обычаях, культуре потомки должны были бы унаследовать: от своих предков. Ничего подобного, однако, не было и нет. Пытавшийся опытным путем проверить родство тех и других Н. А. Маркевич еще в середине прошлого века в самый разгар дебатов о казаках, коуях и берендеях хотел организовать беседу потомков запорожцев с кавказскими черкесами. Результат этой беседы получился не очень-то обнадеживающий для сторонников теории о протоказаках. Послушав кавказского гостя, потомки запорожцев в один голос твердили: «Батечку! Не тямymo, ще нехрыст каже»¹².

Еще более существенны были простые арифметические подсчеты, которые произвел Н. А. Маркевич с целью определить чисто физическую возможность количественного роста казачества на основе черных клобуков. Выяснилось вполне удовлетворительно: если бы означенные черные клобуки ничем другим, кроме забот, связанных с увеличением народонаселения не занимались вообще, и если бы не только каждая женщина, но и каждый мужчина регулярно рожали каждые полгода, то и тогда очень сомнительно, чтобы числен-

ность казаков увеличилась до того уровня, какого она достигла к середине XIX века¹³.

В целом же, суммируя литературу, обосновывающую теорию о черных клобуках, как ядре российского казачества, можно сделать вывод о том, что она по-прежнему остается лишь одной из возможных гипотез — не более того. Правда, если в конце XIX — начале XX веков эта гипотеза считалась почти единодушно профессионалами весьма маловероятной, то сейчас популярность ее значительно выросла. Легендарные, а порой и явно фантастические детали, которыми она расцвечена, вновь вошли если не в научный оборот, то, по крайней мере, в многочисленные издания, претендующие на научность. Разумеется, что это не делает версию более убедительной. Скорее наоборот. При всем том, сама по себе гипотеза, особенно в той интерпретации, в какой она дана у С. М. Соловьева, и сегодня имеет право на существование, независимо от тех пережестов, которые допускают самые горячие ее сторонники. В любом случае нам представляется весьма плодотворной мысль о том, что при формировании казачества большое значение имел опыт обороны границ от кочевников, накопленный еще в Киевской Руси, особенно же опыт военных поселений и сторожевых (богатырских) застав. Конечно, совсем не обязательно, чтобы носителями его были непременно потомки черных клобуков. В Рязане, Владимире, и тем более в Москве черных клобуков, как известно, не было. Тем не менее лишь только Русь немного оправилась от монгольского нашествия и появилась возможность сопротивляться если не ханам Золотой орды, то, по крайней мере, многочисленным шайкам мелких монгольских хищников, ежегодно приходившим грабить, князья пограничных русских земель возрождают практику сторожевых застав и военных поселений на границах. Из них вырастают потом знаменитые засечные линии, в обороне которых казакам принадлежала действительно огромная роль.

Другая, не менее популярная гипотеза происхождения казачества связана с поисками его корней в Золотой орде и вообще в рамках монгольской державы. Сама по себе эта идея тоже очень не нова. Еще Н. М. Карамзин отмечал неоднократно тюркские корни самого термина «казак», а также то обстоятельство, что в составе монгольских войск были отряды легко вооруженных конных воинов, называвшихся казаками. Сегодня достаточно хорошо известно, что ордынские казаки выполняли различные функции, но, главным образом,

вели разведку, охраняли границы монгольских княжеств и ханств, конечно, в том смысле, в каком о границах монгольских государств можно говорить вообще — на практике они были чрезвычайно подвижны. Наконец, обычно именно казаки сопровождали монгольских послов и были сами чем-то вроде низших посольских чиновников — дипкурьеров, широко использовавшихся в этом качестве.

О татарских казаках довольно широко сообщают русские летописи, документы дипломатической переписки, а также восточные авторы (Абульгази Баядурхан и другие). Поэтому для историков наличие казаков в составе монгольской державы никогда не было тайной или сенсацией. Иное дело — вопрос о том, в какой степени татарское казачество было родоначальником казачества российского, если, конечно, связь между двумя этими явлениями была на деле, а не только по названию.

Еще в прошлом веке были предприняты попытки обосновать гипотезу о том, что российское казачество по существу ведет свое происхождение из недр Золотой орды. Заслуживает внимание то, что эту гипотезу поддерживали, с одной стороны, наиболее радикальные патриоты казачества, с другой — его наиболее решительные критики и разоблачители. Первые, обосновывая идею о татарском происхождении казачества, надеялись тем самым доказать, что казачество — особый народ, причем, скорее всего, не русского и не славянского происхождения. Вторые доказывали, что казачество всегда было по существу антиобщественным, антигосударственным элементом и представляло собой едва ли не обычный уголовный сброд, «сволочь». С этой точки зрения весьма заманчивой выглядела мысль о том, что «сволочь» к тому же на поверку оказывается нерусского происхождения и даже неславянского.

В конечном счете те и другие изыскали довольно большое количество фактов, которые можно было так или иначе использовать для обоснования гипотезы о монгольском происхождении российского казачества. Пожалуй, наиболее концентрированное выражение этой точки зрения сегодня содержится в первой части «Истории казаков», написанной А. А. Гордеевым. Эта часть собственно так и называется: «Золотая орда и зарождение казачества».

Необходимо отметить, что, вообще говоря, А. А. Гордеев — сторонник теории о том, что казачество зародилось еще до монгольского нашествия, причем «протоказаками» он счита-

ет вышедшие с Кавказа племена, предки которых упоминались Константином Багрянородным. Речь идет все о тех же торках, берендеях, коюях, словом о черных клобуках. Здесь возникает, кажется, совершенно неразрешимое противоречие: если казаки появились на Руси в домонгольскую эпоху, то причем же здесь Золотая орда, а если казачество возникло в Золотой орде, то какое отношение к казакам имеют черные клобуки и Киевская Русь домонгольских времен вообще? Выход из этого противоречия найден, однако, довольно простой и даже изящный. Казаки, по мнению А. А. Гордеева, это прежде всего потомки людей, которых зависимые от орды русские княжества вынуждены были поставлять монгольским ханам в виде десятины. Таким образом, и обрусевшие черные клобуки тоже могли попасть в число монгольских казаков русского происхождения.

Доказательства? Они просты. Во-первых, напоминает Гордеев, слово «казак» явно восточного, скорее всего монгольского происхождения. Во-вторых, Русь действительно платила десятину людьми и ханы получали в свое распоряжение довольно большое число русских юношей, зачисляли их (хотя и не всех) в свое войско, порой формировали из них особые отряды. Но значит ли это, что именно от таких отрядов произошло российское казачество? Это именно тот самый «пустячок», который следовало бы доказать А. А. Гордееву. Он и пытается это сделать. Но фактов нет. Поэтому вместо них в ход идут общие рассуждения. Но чем слабее аргументация по существу, тем зато решительнее у А. А. Гордеева тон, которым он высказывается против всех, кто был, есть или может быть не согласен с его точкой зрения. Вот один из таких, весьма энергичных пассажей А. А. Гордеева по поводу несогласных с ним историков (всех скопом):

«В истории России многие события по политическим и национальным соображениям не получили достаточного и беспристрастного освещения и обойдены наукой или просто преданы забвению. Время татарского ига, длившегося около трехсот лет, по патриотическим соображениям в историю вошло кратким эпизодом, не имевшим существенного влияния на внутренний быт и культуру русского народа. Нет сведений о внутреннем устройстве монголов, частью которых являлись русские княжества; организации вооруженных сил этой части, количества русского народа, ее составлявшего, и дальнейшей его участи. Отсутствие сведений о внутреннем устройстве Золотой орды не могло дать и правильного представле-

ния о всей важной для русского народа эпохе, а вместе с тем о происхождении казачества. Отсутствие сведений или умалчивание их со стороны историков привело к ложной теории происхождения казаков»¹⁴.

А далее А. А. Гордеев уже напрямую говорит о сознательном умалчивании историками о том, что в «московских хрониках» имелись сведения о существовании казаков в составе войск Золотой орды и об участии их в войсках русских князей — предшественников Ивана Грозного. Итак, сознательное умалчивание... Как это бывает довольно часто научная дискуссия быстро переросла в политико-идеологические обвинения, не говоря уже об обвинениях в элементарной недобросовестности. Правда, достаточно даже бегло пролистать труды Карамзина, Соловьева, Ключевского, чтобы увидеть: «краткому эпизоду» владычества монголов на Руси они посвящают даже не десятки, а сотни страниц. Отнюдь не умалчивают они и об участии казаков в походах войск Золотой орды, а также в составе войск российских князей. Факты эти давно и достаточно хорошо известны, выдавать их за сенсацию не приходится. Иное дело — интерпретация этих факторов.

Если, вообще говоря, бесспорна мысль о влиянии монгольского владычества на развитие Московского государства и русского народа в целом, формирование казачества в частности, то доказать, что казаки великих князей Московских — прямые потомки русских людей, насильно взятых монголами к себе на службу из зависимых от них русских княжеств, ни А. А. Гордеев и никто из историков сколько-нибудь удовлетворительно не могли и не могут. Еще более проблематичной представляется идея о том, что эти русские казаки, воевавшие в войсках Золотой орды — потомки черных клобуков и, в конечном счете, жителей Казахии Константина Багрянородного. Напротив, казаки, находившиеся на службе Московских князей — предшественников Ивана Грозного, были зачастую не русскими, не христианами даже, а именно татарами или монголами.

Конечно, очень соблазнительно сделать из этого вывод о подлинно монгольских корнях казачества. Пусть не русские, не черные клобуки, оказавшиеся в Золотой орде, а природные монголы были родоначальниками казачества и принесли его традиции на Русь. Увы, даже и для такого вывода нет достаточных оснований. О монгольских казаках на службе у русских князей летописи сообщают лишь под 1471 годом, об

ордынских казаках впервые упомянуто в 1481 году, а казаках азовских — в 1499 году. О казаках же русских — значительно раньше.

Как видим и гипотеза о зарождении казачества в недрах Золотой орды также оказывается далеко не безупречной. Если же речь вести о монгольском влиянии на формирование казачества, то в пользу этого можно привести немало аргументов. Существенно прежде всего то, что российское казачество великолепно усвоило монгольские приемы и методы ведения войны. Оно нередко использовало их именно против монголов.

Говоря о многочисленных легендах, связанных с начальными страницами истории казачества, нельзя умолчать о разного рода сюжетах на тему о борьбе казаков, причем не только городских, но и вольных против монгольского владычества. Многие из этих легенд кочуют из издания в издание, считаются едва ли не обязательной составной частью любого рассказа, посвященного зарождению казачества в России. Кроме былин об Илье Муромце и других русских богатырях исключительно важное значение для формирования такого рода легенд имели возникшие по-видимому в XVII—XVIII веках предания. Их не критическое использование было настолько распространенным в прошлом, да и сейчас, что зачастую трудно или даже невозможно поставить это в вину какому-либо конкретному историку или литератору.

Примером такого рода может служить легенда об участии донских казаков в Куликовской битве. Историки, специально изучавшие этот вопрос, каждый раз останавливались перед одной и той же неразрешимой, кажется, загадкой: никаких, сколько-нибудь надежных документальных или летописных свидетельств существования донских казаков в 1380 году по существу не было и нет, а легенд об их участии в Куликовской битве — великое множество, и до сегодняшнего дня нельзя сказать определенно, когда и как эти легенды впервые появились. Достоверно известно лишь одно: в написанном «тщанием архимандрита Антония» в апреле 1692 года предисловии ко вкладной книге Московского ставропигиального Донского монастыря говорится, между прочим, что обитель эта наречена была Донской по названию иконы Пресвятой Богородицы Донской, которую поднесли великому князю Дмитрию Ивановичу казаки донские «уведавши о пришествии великого князя Димитрия Иоанновича в междоречии Дону и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству

пришли баше и сей Пречистые Богоматере образ в дар бла-
говерному и великому князю Димитрию Иоанновичу и всему
православному воинству в сохранение, а на побеждение не-
честивых агарян вручили»¹⁵.

Итак, 1692 год. Три века прошло со времени Куликовской
битвы до составления предисловия ко вкладной книге мона-
стыря. Что может доказывать такое известие? Фактически
только одно: а именно то, что в конце XVII века в Москве
существовало предание об участии донских казаков в Кули-
ковской битве. Конечно, если принять в соображение то, что
казачество возникло, по-видимому раньше, чем о нем было
впервые упомянуто в летописях, то ничего невероятного ле-
генда об их участии в Куликовской битве не содержит. Такое
было вполне возможно. Но, если оставаться на почве лишь
твердо доказанных фактов, здесь и надо ставить точку.

Однако соблазн пойти чуть-чуть дальше твердо установ-
ленных фактов был слишком велик. Видимо поэтому в рабо-
тах целого ряда авторов о поднесении казаками иконы Дмит-
рию Донскому на Куликовом поле упоминается уже как о
чем-то вполне проверенном и общеизвестном. Об этом пишут,
в частности, А. Ригельман, М. Хорошкин и ряд других. Г. Аб-
рамов уточняет даже, что это сказание, взятое из древней
летописи, высечено на камне, помещенном при образе Греб-
невской Божьей Матери, что в Москве, на Лубянке¹⁶. И этот
«факт» тоже начинает упоминаться то одним, то другим ав-
тором. Уж очень он колоритен.

Дальше — больше. Эпизод с поднесением образа Божьей
Матери донскими казаками на поле Куликовом от книги к
книге обрастает все новыми и новыми подробностями. Уже
становится украинским казаком Боброк Волынский, коман-
довавший Засадным полком вместе с князем Владимиром
Андреевичем. Потом как-то потихоньку он превращается из
простого казака в предводителя отряда казаков, который
Боброк привел будто бы на Куликово поле. Наконец, П. К.
Харламов в своей брошюре «Казаки» суммирует взя-
тые у разных авторов «сведения» в следующей замечатель-
ной версии Куликовской битвы. С развитием и усилением
Московского княжества великие князья, бывая часто в Золо-
той орде, начали искать между входящими в нее народами
себе союзников в борьбе против татар. Используя в качестве
веского аргумента христианскую веру казаков и их свободо-
любие, великий князь Московский Дмитрий Иоаннович за-
ключил с ними союз против татар, пишет П. К. Харламов.

«По заключению тайного союза, Дмитрий прибыл со своей
ратью на Куликовское поле. По свидетельству Снегирева,
Донское казачество поднялось сверху донизу реки Дона от
верховьев Хопра до Суража, и прибыло на соединение с мос-
ковской ратью. В знак христианского союза казаки поднесли
Дмитрию икону Божьей Матери (Донской).

Хорошо зная силу и военную тактику татар, казаки при-
менили присущую им военную хитрость. Они предоставили
московской рати вступить в бой с татарами, а сами отошли
за прикрытие.

После продолжительной и кровопролитной сечи москов-
ская рать дрогнула и обратилась в бегство. Заметим кстати,
что московская рать, выступая самостоятельно, и после этого
несла от татар только поражения: победа хана Улу-Махмета;
поражение князя Василия Васильевича и взятие его в плен
татарами в 1445 г. под Суздаlem и др.

В этот трагический момент Куликовской битвы, 20 сентяб-
ря 1380 г., имевшей колоссальную важность в борьбе Европы
с Азией, вышла из-за прикрития грозная казачья орда («За-
садный» полк воеводы Боброка)... Татары дрогнули и обра-
тились в бегство. Казаки вписали еще одну славную страницу
в свою историю»¹⁷.

Вот, оказывается, как много можно извлечь из одного
предисловия к книге, написанной через 300 лет после Кули-
ковской битвы и надписи, высеченной на камне. Между тем,
еще в начале XX века недоверчивый составитель XI тома
книги «Столетие Военного Министерства» А. И. Никольский,
не ограничившись современными ему и весьма подробными
описаниями знаменитого камня, сам отправился в монастырь
на Лубянку, чтобы посмотреть этот камень. Он не нашел в
монастыре ни надписи на камне, ни даже самого камня.
Правда, сказание об основании монастырской церкви найти
все-таки удалось — оно было написано на двух деревянных
досках, помещенных в рамах на стенках арки против иконо-
стаса и на действительно каменных досках, помещенных у
ворот ограды (с западной стороны храма — на Мясницкой
улице). Но там речь шла о тексте, составленном метрополи-
том Рязанским и Муромским Стефаном Яворским (уже не в
XVII даже, а в XVIII столетии)¹⁸. Все это выяснено было
больше восьмидесяти лет назад. Между тем рассказ об уча-
стии донских казаков в Куликовской битве продолжает тира-
жироваться во все новых и новых изданиях, причем от ав-
тора к автору, от книги к книге обрастает новыми подро-

ностями. Как видим, мифотворчество и любовь к созданию легенд вовсе не является чертой лишь XVII—XIX веков. Сотворение легенд продолжается и сегодня, причем при активном участии историков.

Надо отметить, что уже в прошлом веке, по мере того, как развивалась российская историческая наука, в ней усиливалось направление историков, которые стремились поставить исследования о прошлом казачества на почву твердо установленных фактов. Они уже поэтому оставляли за скобками попытки построить генеалогические таблицы казачества, найти в глубине веков и тысячелетий знаменитых «протоказак». Собственно такой подход не исключался даже и Н. М. Карамзиным, который, как мы знаем, весьма осторожно формулировал свои соображения, касавшиеся черных клобуков. С. М. Соловьев, хотя и отдал должное модным тогда теориям о протоказаках, тем не менее, касаясь проблем генезиса российского и украинского казачества, на первый план выдвигал уже фактор социальный. Наконец, В. О. Ключевский практически полностью отбрасывает попытки анализировать казаков как этническую общность, подходя к вопросу об их формировании целиком и полностью с точки зрения социальной.

«Казачество, — писал В. О. Ключевский, — составляло слой русского общества, некогда распространенный по всей Руси. Еще в XVI в. казаками звали наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам людей, без определенных занятий и постоянного места жительства. Таково было первоначальное общее значение казака»¹⁹.

При такой постановке вопроса сами попытки поиска этнических «протоказак» становятся совершенно бессмысленными. Но в данном случае речь идет все-таки о казачестве России в целом, что, конечно, не исключает (по крайней мере теоретически) возможность иного подхода при рассмотрении вопросов о формировании отдельных казачьих общин. Однако именно в этом смысле В. О. Ключевский проявлял весьма характерную для него последовательность. Он, например, и вообще отрицал то обстоятельство, что первым началом формироваться запорожское казачество, отмечая, причем вполне справедливо, что прежде него в летописях встречаются указания на существование рязанских казаков.

В том же, что относится непосредственно к вопросу о формировании казачества на Украине. В. О. Ключевский опять-таки делал акцент на моменты социальные, причем особенно

оговаривал их общность у украинских казаков с казаками великорусских земель. Он подчеркивал, что происхождение и первоначальное общественное обличие днепровских казаков «было также просто, как и в других местах». «Из городов Киевского, Волынского и Подольского края, даже с верховьев Днепра выходили партии добычников в дикую степь «казаковать», промыслять пчелой, рыбой, зверем и татаринном. Весной и летом эти прихожие казаки работали на «уходах», промысловых угодьях по Днепру и его степным притокам, а на зиму стягивались со своей добычей в приднепровские города и здесь осаживались, особенно в Каневе и Черкасах, ставших ранними и главными притонами казачества. Иные из этих казаков, как и в северной Руси, нанимались в батраки к мещанам и землевладельцам», — писал В. О. Ключевский²⁰.

Таким образом, здесь нет уже никакого упоминания о так называемых «протоказаках» — торках, берендеях и вообще черных клобуках. Зато социальные аспекты, связанные с формированием казачества, не просто доминируют, они фактически выглядят как единственные. Точка зрения В. О. Ключевского получила в начале XX века чрезвычайно широкое распространение, хотя и тогда не признавалась даже историками-профессионалами единственно возможной.

После революции 1917 года в работах большинства исследователей по истории казачества акцент на социальные элементы еще более усиливается, хотя, например, применительно к украинскому казачеству считалось необходимым всячески подчеркивать также его славянское, русское происхождение. Это было связано с тем, что украинских казаков было принято изображать главным образом как борцов за национальную идею против иноверцев, иноплеменников и борцов за идею воссоединения Украины с Россией. В литературе утверждается весьма приглаженный отретушированный образ казаков, как борцов против социального угнетения, бежавших на окраину государства от гнета помещиков в поисках вольной жизни и подлинно справедливого общественного устройства. И это тоже в сущности была легенда, только сконструированная на свой особый манер. Интересно, что идеализированные представления о первых веках существования российского казачества, в конечном счете утвердившиеся в марксистской научной и научно-популярной литературе, кардинально расходились с точкой зрения несомненно самого крупного нашего отечественного историка-марксиста М. Н. Покровского, не раз иронизировавшего по поводу подобных

утверждений²¹. В этом смысле советские историки казачества были в гораздо большей степени последователями В. О. Ключевского, чем М. Н. Покровского. Иное дело, что серьезно упрощалась и точка зрения В. О. Ключевского.

В конечном счете, если суммировать сказанное, мы имеем сегодня по вопросу о происхождении казачества большое количество романтизированных преданий и легенд, которые при всей их привлекательности имеют, однако, тот существенный недостаток, что они не подтверждаются фактами. В нашем распоряжении также ряд более или менее обоснованных научных гипотез, объясняющих каждая по-своему историю зарождения казачества. Ни одна из этих гипотез не выглядит бесспорной. Поэтому обратимся от гипотез и легенд к более или менее твердо установленным фактам.

§ 2. Русские норманны

Обращаясь к фактам, связанным с историей зарождения казачества, нельзя не отметить прежде всего то, что они очень мало соответствуют ходячим мнениям и вполне установившимся штампам о том, какими должны быть казаки. Например, в представлении большинства людей казаки — это в первую очередь лихие кавалеристы, совершавшие свои подвиги на конях с саблями и пиками в руках. Во многом именно с такими представлениями связана популярность теорий о зарождении казачества в недрах Золотой орды или какого-то еще монгольского государства. Но представление о казаках как о кавалеристах по преимуществу фактически сложилось лишь в XIX — начале XX веков. Тогда оно в общем-то соответствовало действительности.

Если же речь вести о временах более ранних, то легко убедиться, что этот хрестоматийный образ совершенно не согласуется с имеющимися в распоряжении историков источниками. Первое, что в этой связи обращает на себя внимание: старейшие общины вольных казаков сложились по крупнейшим рекам, имевшим выход в море. Запорожское казачество сложилось на Днепре, Донское — на Дону, Волжское — на Волге, Терское — на Тереке, Яицкое — на Яике. Конечно, при желании, наверное, можно было бы попытаться объяснить этот феномен тем, что реки традиционно были, а в какой-то степени и сейчас являются важными оборонительными рубежами. Но дело в том, что казаки обычно селились одновременно по обоим берегам рек, а не только на берегу, защищенном рекой от кочевников. И другое: фактически большин-

ство источников, относящихся к XV—XVI векам и даже к временам более поздним, свидетельствуют, что казачий промысел был связан именно с важнейшими водными магистралями. Большую часть своих походов запорожцы, донцы, яицкие казаки совершали на судах по рекам и морям. К волжским казакам это относилось еще в большей степени. Казачьи артели, сложившиеся на Волге, и промышляли-то главным образом в море Хвалынском, а также нападая на купеческие караваны, проходившие по самой реке. Ермак, отправляясь завоевывать Сибирь, организовал свой поход опять-таки не на конях, а на судах, используя достаточно хорошо развитую водную систему Урала и Западной Сибири. Да и сто лет спустя казаки Стеньки Разина свои походы в Персию, а затем на Москву совершали опять-таки не на конях с саблями в руках, а на судах.

Объяснить все это с точки зрения теории происхождения казачества от отрядов, отбившихся от Золотой орды и даже от богатырских застав Киевской Руси, очевидно нельзя. Здесь нужны были иные приемы и методы ведения военных действий и иной опыт. И такой опыт на Руси действительно был. Он связан с чрезвычайно любопытным явлением, широко распространенным на Руси во времена, непосредственно предшествовавшие появлению казачества, — с ушкуйничеством. Нельзя сказать, что тема ушкуйничества совершенно не разрабатывалась в нашей литературе. Об ушкуйниках довольно много писал Н. И. Костомаров¹. Н. М. Карамзин, неоднократно упоминавший на страницах «Истории государства Российского» о подвигах ушкуйников в XIII—XIV веках, называл их русскими норманнами². Впрочем есть и другие определения ушкуйников, значительно менее поэтические. Изданный в 1902 году «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона называет ушкуйников русскими пиратами³. В летописях же XIV—XV веков сплошь и рядом ушкуйников характеризуют еще более нелюбезно, называя их «ушкульничьими-разбойничьими»⁴. Несомненно, однако, что все эти определения до известной степени страдают односторонностью. Конечно, ушкуйники отчасти напоминали и пиратов, и разбойников, и викингов, в страхе перед которыми жители Европы в VII—XI веках не уставали возносить небесам горячую молитву: «A furore Normanorum libera nos, Domine!»⁵.

Но, конечно, ушкуйничество при всем том — явление достаточно своеобразное и сложное, отнюдь не исчерпываемое этими определениями. Сами термины «ушкуйники», «уш-

куйничество» происходит от слова «ушкуй» (ускуй, вушкул и т. д.), которым обозначалось судно, получившее значительное распространение на Руси в XIV—XV веках. Специальное изучение вопроса, проведенное в 50-х годах В. Н. Бернадским (а до него отчасти А. И. Никитским), дает возможность более или менее точно охарактеризовать эти суда. Они действительно до известной степени напоминали корабли викингов. Ушкуи — это довольно большие гребные суда, использовавшиеся, по-видимому, преимущественно для плавания по большим рекам. Существуют разные точки зрения по поводу вместимости этих судов. А. И. Никитский считал, что обычно в них размещалось примерно до 12 человек. В. Н. Бернадский, опираясь на относящиеся к концу XIV века сообщения летописей, сделал вывод о том, что ушкуи вмещали по 20—30 человек⁶. По-видимому, эта цифра выведена на основе летописных сообщений о походе новгородских ушкуйников 1375 года. В них говорится в частности, что отряд ушкуйников, состоявший из полутора тысяч человек имел в своем распоряжении 70 ушкуев⁷. Если полторы тысячи человек разделить на 70, то действительно получится на каждый ушкуй по 20 с лишним человек. Однако фактически вместимость этих судов была все-таки несколько больше. На такую мысль наводит то, что одним из главных видов добычи ушкуйников были пленные, которых обычно продавали в рабство. Как правило, их захватывали в русских городах верхнего и среднего Поволжья, а затем везли вниз по Волге до Астрахани. Перевозили невольников на тех же судах.

Термины «ушкуйничество», «ушкуйник» встречаются в «Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля». Слово «ушкуйник» расшифровывается здесь как «речной разбойник». В. Даль пишет: «Ушкуй, ушколь м. стар, ладья, лодка. Бысть ихъ 200 ушкуев, и поидоша внизъ Волгою рекою. Летис. Великого Новаграда разбойницы, 70 ушкуев пришедше взяша Кострому град разбоем. Летопис...»

Ушкуйник м. речной разбойник: новгородские ушкуйники, шайки удальцов, пускались открыто на грабежь, и привозили добычу домой, как товарь. Идоша на нихъ за Вятку ушкуйницы, разбойницы, Летопис. Ушкуйничать», пускаться на грабеж шайками, на ушкуяхъ»⁸.

Необходимо отметить, что термины «ушкуй», «ушкуйник», «ушкуйничество» встречаются в летописях лишь со второй половины XIV века, а к середине XV века постепенно исчезают. Интересно также то, что, хотя ушкуйничество получило

наиболее широкое распространение в Новгородской земле, собственно Новгородские летописи эти термины практически не употребляют. Зато они нередко встречаются в летописях Московских, Владимирских, а также в летописных сводах, составленных на их основе⁹.

Но если с происхождением термина все более или менее ясно, то вопрос об ушкуйничестве как явлении общественной жизни оказывается значительно сложнее. Существуют сегодня две точки зрения, представители которых кардинально расходятся в определении того, что следует понимать под ушкуйничеством, когда ушкуйничество возникло и отмерло, каковы, наконец, географические рамки его распространения. Представители первой (В. Н. Бернадский, Л. В. Черепнин) склонны максимально сужать само понятие «ушкуйничество». Вот, например, как определяет его Л. В. Черепнин: «Во второй половине XIV века в Новгороде зародилось своеобразное явление, нашедшее довольно широкое отражение в летописных сводах, — ушкуйничество (вооруженные нападения на города и торговые суда в Волжско-Камском бассейне отрядов новгородских дружин, формировавшихся из людей без определенных занятий, разъезжавших с разбойничьими целями по водным путям)»¹⁰. В. Н. Бернадский также считает, что ушкуйничество, как явление, необходимо локализовать в географических и временных рамках в соответствии с тем, как применяют термин «ушкуйничество» русские летописи¹¹.

Сторонники другой точки зрения (Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев), напротив, склонны в центр проблемы ставить не дискуссии по поводу употребления термина «ушкуйничество» русскими летописями, а брать явление как таковое, вне зависимости от того, как его называли новгородские, киевские или московские летописцы¹². В этом есть свой резон. На наш взгляд, именно такой подход дает возможность более полно и точно проанализировать ушкуйничество как явление общественной жизни от момента его зарождения до окончательного исчезновения. Но при такой постановке вопроса корни ушкуйничества естественно надо искать задолго до XIII века и не обязательно связывать их с Новгородом.

Известно, что традиции организации морских и вечных походов за добычей на Руси появляются не позднее IX века. Они во многом шли по-видимому от варягов. По существу именно такими экспедициями были походы в Царьград князей Олега и Игоря. В еще большей степени это можно сказать о походах Святослава и Владимира I. Правда, органи-

зую их, киевские князья, кроме получения военной добычи ставили также ряд других целей: заключение торговых договоров, наказание врагов или ненадежных союзников за те или иные их «вины» перед Киевским княжеством. Но при всем том, военная добыча оставалась на первом плане, и византийцы прекрасно знали, что делали, когда откупались от Олега или Святослава деньгами в количестве, достаточном для наделения их дружин настолько, чтобы военный риск становился просто нерентабельным. Но, походы князей — все-таки предприятия государственные.

Иное дело, что уже в самые древнейшие времена российской истории, наряду с такого рода государственными акциями, люди охотнее предпринимали подобные походы на свой страх и риск. Первые достоверно установленные сведения о такого рода промыслах относятся еще к 1088 году. «Повесть временных лет» сообщает по этому поводу, что в тот 6596 (1088) год волжские булгары взяли Муром¹³. К сожалению, «Повесть временных лет» не говорит подробно о причинах этого конфликта. Но В. Н. Татищев, основываясь на не дошедших до нас Нижегородском и Макарьевском списках летописи, утверждал, что это нападение волжских булгар было ответом на участвовавшие разбой русской вольницы на Волге и Оке. Русские добычники, судя по сведениям В. Н. Татищева, своими постоянными нападениями на купеческие караваны серьезно подрывали торговлю волжских булгар. Булгары прислали князьям Олегу и Ярославу Святославовичам, которым принадлежали тогда Муром, Рязань и Тмутаракань, послов, прося унять разбойников. Поскольку же управы они не получили, то в отместку сами пошли на Муром и взяли его на шит¹⁴. «Известие это очень любопытно, — пишет, проанализировав сообщаемые В. Н. Татищевым сведения, С. М. Соловьев, — и очень вероятно: нет основания отвергать, чтоб в это время не было ушкуйничества, которое мы увидим в такой силе после»¹⁵.

Русские летописи XI—XIV веков сообщали об инцидентах такого рода почти ежегодно. В XIII—XIV веках центром ватаг удальцов, формировавшихся для походов за добычей, несомненно становится Новгород. Тому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, именно в Новгороде, как ни в одном другом русском городе, были традиционно сильны связи со Скандинавией. Походы викингов на Русь тоже обычно начинались отсюда, да и сами новгородцы не раз нанимали варяжские дружины для надобностей, связанных с защитой

новгородских интересов в русских и не только в русских делах. Во-вторых, Новгород и Новгородская земля все-таки меньше других русских княжеств пострадали от татаро-монгольского нашествия, что давало им возможность сохранять силы для организации подобных экспедиций, причем не только от имени Господина Великого Новгорода, но и от имени частных лиц. В-третьих, и это особенно существенно: в условиях, когда Золотая орда была достаточно сильна, экспедиции ватаг удальцов за добычей устремлялись на север и северо-запад, поскольку промышлять на Волге значило рисковать вызвать ответную реакцию монгольских ханов со всеми вытекавшими последствиями. Но именно Новгородская земля граничила с теми территориями (особенно же с Карелией), куда вначале устремились отряды ушкуйников.

Экспедиции следовали одна за другой. В 1320 году новгородец Лука (по довольно вероятной догадке Н. И. Костомарова Лука Варфоломеев) ходил за добычей на Мурман, принадлежавший тогда Норвегии, но получил там серьезный отпор¹⁶. Это не остановило других молодцов, желавших получить легкую добычу. В 1339 году по сообщению новгородской летописи ушкуйники совершили поход в Карельскую землю, находившуюся под властью шведов. Походы новгородских ушкуйников были столь часты и удачливы, что шведское правительство, организуя в 1349 году крестовый поход против Новгорода, одной из важнейших своих задач считало пресечение разбоев новгородских ушкуйников. Из этого, правда, ничего не вышло. Провалился не только поход, но новгородские и двинские молодцы нанесли ответный удар. Пока Магнус прикидывал да примирялся как бы полутше разгромить Новгород, ушкуйники совершили несколько исключительных по дерзости морских набегов на Мурман¹⁷.

Наряду с севером и северо-западом объектом «забот» новгородских ушкуйников были также Двинская земля, Устюжна и Белозерье. В 1340 году шайки новгородских ушкуйников ограбили и сожгли Устюжму воевали Белозерскую область, где их постигла, правда, неудача. Отряд белозерцев напал на них и отнял награбленное. В 1342 году Лука Варфоломеев с сыном Онцифором организовали экспедицию в Двинскую землю. В 1364 году новгородский боярин Александр Авакумович и Степан Ляпа с отрядом ушкуйников дошли даже до Югорской земли и основательно пограбили ее¹⁸. Во всех этих случаях речь идет об организации экспедиции «без слова новгородского», т. е. частными, хотя и влиятельными в

Новгороде, людьми, среди которых были будущие посадники, бояре и купцы. В их отрядах было немало холопов и «молодых людей».

В середине XIV века, когда в летописях появляются первые упоминания о собственно ушкуйниках, главное направление их походов смещается в сторону Волжско-Камского бассейна. Это вызвано рядом обстоятельств. Из них наиболее важным было ослабление Золотой орды. Тогда золотоордынские ханы фактически далеко не всегда реально могли контролировать верхнее и даже среднее Поволжье. Отдельные князья и мурзы сплошь и рядом действовали вполне самостоятельно, ни в малейшей степени не считаясь с общегосударственными интересами. Резко ослабла зависимость от ханов русских княжеств. Возвышалась Москва. Но, с другой стороны, и она была еще не настолько сильна, чтобы реально контролировать Волжско-Камский бассейн, даже его верховья. Все это открывало чрезвычайно заманчивые перспективы перед предприимчивыми людьми, отныне имевшими не только желание, но и реальную возможность добиться относительно легко хорошей добычи на Волжском торговом пути, столь богатым купеческими караванами.

Существенным было то, что в организации подобных экспедиций был кровно заинтересован Господин Великий Новгород, по крайней мере его правящая элита. Дело в том, что Новгород, считавшийся тогда самым крупным торговым центром на Руси, начинал испытывать все более серьезную конкуренцию со стороны Москвы. Но Новгородская торговля была по преимуществу торговлей европейской, западной. Московские купцы ориентировались на восточную торговлю. Ослабление восточной торговли (а нападения ушкуйников на купеческие караваны ее несомненно ослабляли) ослабляло и Москву, соответственно усиливая Новгород. Но дело было не только в торговле. К тому времени Москва обеспечила себе уже достаточно прочное влияние в Поволжье, присоединив к княжеству Московскому одни города, добившись признания другими вассальной зависимости от князей Московских. Княжество Нижегородское, например, уже в середине XIV века вполне послушно выполняло все, что хотели Московские князья. Разграбление ушкуйниками зависимых от Москвы городов Великого Новгорода, поэтому было выгодно в двойне. Нельзя, наконец, забывать и того, что по понятиям XIV—XV веков, да и позднее, напасть на «чужой» город, на «чужих» купцов считалось делом не только не предосудительным, но

даже очень похвальным, если, конечно, нападавшим сопутствовал успех.

Разумеется, приходилось учитывать, что походы новгородских ушкуйников могли серьезно ухудшить отношения Новгорода с другими княжествами, и с ханами Золотой орды. Но на этот счет правители Господина Великого Новгорода себя страховали или по крайней мере думали, что страхуют, заявляя: город, мол, не имеет отношения к походам ушкуйников. Как мы увидим дальше, такая аргументация далеко не всегда принималась во внимание ограбленными.

Первым действительно крупным «подвигом» ушкуйников в Волго-Камском районе было нападение на город Жукотин, расположенный на реке Каме. Хотя как обычно экспедиция была организована «без слова новгородского», во главе ее стоял весьма влиятельный в Новгороде боярин Анфал Никитин. Среди дружины было довольно много его холопов, а также «молодых». Судя по всему, в экспедиции принимали участие не только новгородцы, но и выходцы из других городов. На первых порах экспедиция была удачной. Ушкуйники захватили Жукотин и серьезно его пограбили. Явно увлекшись борьбой с «неверными», они перебили довольно много «бесермен», в особенности же бесерменских купцов. Это вызвало большое недовольство в Золотой орде. Татарские князья обратились с жалобой к хану Хидырю, который послал великому князю Дмитрию Константиновичу послов с требованием наказать грабителей. Не выполнить такое требование было довольно затруднительно. Впрочем у великого князя и желания такого не было: слишком сильно отличались его интересы от интересов новгородских.

Дмитрий Константинович созвал в Костроме княжеский съезд, на который прибыли князь Андрей Нижегородский и Константин — князь Ростовский. Съезд решил выдать ушкуйников головой хану. Беззаботно расположившиеся с награбленным имуществом в Костроме и других близлежащих городах новгородские молодцы были частично перебиты, частично схвачены и выданы хану¹⁹. Хан не ограничился этим. В отместку за убитых в Жукотине бесермен татары похватали во многих болгарских городах случившихся там тогда христиан, пограбили их, а некоторых даже убили²⁰. Так закончился этот первый, но далеко не последний поход ушкуйников в Волжско-Камский бассейн.

Необходимо отметить, что ограбление и убийство бесерменских купцов в Жукотине далеко не доказывает еще «пат-

риотических» настроений ушкуйников, которые им задним числом не раз пытались приписать в прошлом, а иногда пытаются и сейчас. В том, что касается добычи, ушкуйники были вполне «беспристрастны»: грабили не взирая на национальность и веру, татар и мордву, и русских. Достаточно ярко это проявилось во время нового еще более крупного предприятия, организованного ушкуйниками пять лет спустя.

В 1365—1366 годах трое новгородских бояр Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Олександр Обакумович набрали себе не просто ватагу удальцов, а, можно сказать, целое войско. На этот раз из Господина Великого Новгорода отправились промышлять на Волгу сто пятьдесят (а по Никоновской летописи даже двести) ушкуев. Как обычно они шли самовольно, хотя разумеется не без ведома новгородского посадника. Выйдя на Волгу, «разбойницы-оушкуйницы» напали на Нижний Новгород, перебили там множество татар, бесермен, не исключая детей и женщин, захватили товары, принадлежавшие купцам, а их суда посекали. Вслед за тем вышли с Волги на Каму и «также творяще и воююще» все, что попадало по пути дошли до Болгар²¹.

По поводу именно этого похода ученые высказывали различные предположения, в том числе и такие, что призваны «облагородить» поход, придать ему статус не то национального, не то социального предприятия. Л. В. Черепнин, признавая «явно разбойничий характер» похода, в то же время оговаривал: «Но при этом интересны два момента. Выступления ушкуйников были направлены прежде всего против восточного, а не русского купечества (лишь поздние летописи говорят об ограблении ушкуйниками нижегородских купцов). Нарушая торговое движение по Волге, эти выступления имели значение и в том смысле, что подрывали экономические основы ордынского господства в Поволжье. Второе, что нужно отметить, это — социальную направленность действий ушкуйников, среди которых были, вероятно, выходцы из среды черных городских людей. Объектом их нападений делаются крупные представители торгового капитала, волжские купцы»²².

Думается, что сами «разбойницы-оушкуйницы» немало удивились бы, узнав такое о себе мнение отдаленных потомков. Действительно, нечего сказать убедительное доказательство классовой направленности действий ушкуйников: грабили преимущественно купцов. Но ведь именно купцы были тогда наиболее состоятельными людьми. Кого же тогда грабить, если не их. Для продажи же в рабство ушкуйники захваты-

вали всех подряд, не взирая на социально-классовую принадлежность. Не более убедительна и ссылка на «демократический» состав ватаги ушкуйников — в ней состояли, мол, преимущественно «черные» люди. Но в какой же армии, ватаге, банде состояли одни только аристократы? Везде подавляющее большинство были простолудины. Это не говоря уже о том, что решительно все летописи с редким единодушием сообщают: предводителями именно данного похода были трое новгородских бояр. Нет, борцы за социальную справедливость из ушкуйников, по крайней мере участвовавших в походе 1366 года, явно не получают.

Не лучше обстоит дело и с попыткой представить их борцами за национальную идею: нападали де в основном на купцов восточных, а наших русских — не обижали. Даже явное стремление Л. В. Черепнина приукрасить облик ушкуйников не скрывает одну простую истину: их идеализация базируется на таком зыбком фундаменте как отсутствие в ранних летописях (а они ведь нам известны далеко не все) прямых сведений о нападениях ушкуйников на русских купцов. Причем Л. В. Черепнин тут же вынужден оговориться, что более поздние летописи о таких нападениях ушкуйников в 1366 году все-таки упоминают. Но почему более поздние летописи говорят о нападении ушкуйников на русских купцов? Объяснений здесь могут быть два. Либо авторы этих летописей базировались на каких-то более ранних документах, не дошедших до нас. Либо писали по аналогии, исходя из обычной практики ушкуйников. Если речь вести не просто о походе 1366 года, а об ушкуйничестве, как явлении общественной жизни, то вторая причина еще меньше работает на концепцию Л. В. Черепнина, чем первая.

Есть, однако, и еще одно относящееся к 1366 году обстоятельство, о котором в этой связи нельзя не упомянуть. Дело в том, что под 1366 годом многие летописи помещают сообщения о другом походе новгородских ушкуйников на Волгу и Каму. При этом важнейшие детали описания двух походов обычно совпадают. Больше того, некоторые летописи объединяют эти два похода в один, что кажется очень недалеко от истины. Действительно, очень маловероятно, чтобы в одно и то же время новгородцы могли организовать два таких похода, направить их в одно и то же место и даже совершать их совершенно одинаково. Так вот, этот второй поход (или же единственный, который на самом деле был в 1366 году) имел весьма серьезные последствия для отношений между Моск-

вой и Новгородом. Дело в том, что великий князь Дмитрий Иванович, к тому времени уже получивший в Золотой орде ярлык на Владимирский стол, резко реагировал на подвиги новгородских ушкуйников. Он заявил, что ушкуйники ограбили под Нижним Новгородом его московских гостей, да и вообще русских купцов. Новгородские летописцы ни в малейшей степени не пытаются поставить под сомнение это заявление великого князя. Больше того, они называют даже имена некоторых убитых ушкуйниками русских купцов²³. Новгородцы не пытались опровергнуть князя Дмитрия Ивановича по существу, а лишь ссылались как обычно на то, что ушкуйники «молодые люди» и «без слова новгородского». Конфликт в результате вышел довольно острый и на какое-то время отношения между Москвой и Новгородом были практически прерваны. Великий князь Московский, не ограничиваясь словесными упреками, приказал схватить в Вологде ехавших с Двины новгородского боярина Василия Даниловича с сыном Иваном. Лишь с большим трудом удалось избежать тогда открытого военного столкновения между Москвой и Новгородом. Специально направленное в Москву новгородское посольство заключило в 1367 году с великим князем мир. Боярина Василия с сыном великий князь Дмитрий Иванович отпустил наконец в Новгород²⁴.

Даже и этот конфликт не привел, однако, к сокращению ушкуйничества в Новгороде. Под 1369 годом летописи сообщают о походе десяти новгородских ушкуев на Волгу и Каму, где ушкуйники пытались пограбить восточных купцов, но были разбиты под Болгарами²⁵. В 1371 году «...новгородци оушкуйници, разбойници собрашась, взяша Кострому». И в том же году пограбили и пожгли Нижний Новгород, причем многих людей «посекли и покололи». Практически одновременно ушкуйники совершили также набег на Ярославль.

В 1374 году крупный отряд ушкуйников (по одним данным девяносто по другим даже двести ушкуев) пограбил Вятку «и шед взяша Болгары». Сначала ушкуйники хотели город сжечь, но потом помиловали за 300 рублей выкупа (сумма по тем временам громадная). У Болгар ушкуйники разделились на два отряда: первый (пятьдесят ушкуев) пошел вниз по Волге к Сараю. Другой отряд (сорок ушкуев) повернул вверх, дошел по Волге до Обухова, разграбил Засурье и Маркваш, а оттуда, бросив и порубив ушкуи, направился на конях к Вятке. Поменяв суда на коней, ушкуйники, однако, не изменили своего основного занятия. Летописи со-

общают, что по пути на Вятку они разграбили подряд все села по Ветлуге²⁶.

Вслед за этими весьма удачными для ушкуйников предприятиями был организован в 1375 году знаменитый поход новгородских ушкуйников на Волгу, о котором так или иначе сообщают все современные ему летописи — настолько он поразил воображение людей. Уже потому, что этот поход подробнее других описан, он заслуживает особого внимания. Судя по летописным сообщениям руководителями похода были какой-то новгородец Прокоп (человек интересный уже хотя бы потому, что это один из немногих предводителей подобных предприятий, который по-видимому не был боярином и вообще сколько-нибудь заметным человеком в Новгороде), а также какой-то Смольянин, о котором мы ничего не знаем, кроме прозвища, возможно указывающего на его происхождение из Смоленска. Момент для организации похода на Волгу был выбран Прокопом и Смольянином весьма удачно. С одной стороны, именно тогда раздоры в Золотой орде и междоусобная грызня были особенно сильны, что, конечно, ее серьезно ослабляло. С другой стороны, великий князь Московский Дмитрий Иванович в это время во главе соединенного войска ряда русских княжеств осаждал Тверь и потому московские войска также не могли в тот момент дать должный отпор хищникам. Насчитывавший почти две тысячи человек отряд ушкуйников состоял преимущественно из новгородцев и жителей Заволочья. Пройдя на ушкуях по реке Костроме вплоть до ее впадения в Волгу, ушкуйники нечаянно подступили к городу. Жители Костромы великолепно отдавали себе отчет в том, чем угрожает им отряд ушкуйников и решили сопротивляться. Надежда на успех обороны у них, казалось, была. Против двух тысяч ушкуйников костромичи выставили пять тысяч человек.

Исход сражения решила не численность отрядов, а умение сражаться. В этом смысле преимущество было явно на стороне ушкуйников. Увидев, что костромичи превосходят их численно, ушкуйники разделились на два отряда, причем один из них зашел в тыл к противнику (тайком пробравшись по кустам можжевельника, как считают необходимым уточнить летописи). Неожиданно для костромичей они были атакованы с фронта и с тыла. К тому же командовавший ими воевода — наместник Московского князя Плещеев оказался трусом. «Воевода же Костромский Плещеев, — сообщает летопись, — подав плечи, побежа, и вси Костромичи убоавшися

побега...». Этим сопротивление костромичей фактически и закончилось. Некоторые из них были взяты в плен, другие перебиты, третьи разбежались по окрестным лесам.

Войдя в город, ушкуйники обнаружили, что он фактически пуст, и оборонять его больше некому: остались лишь старики, женщины, дети. Целую неделю пробыли ушкуйники в Костроме. Они разграбили все, что только можно было пограбить. «...И всяко сокровище изыскаша, изнесоша и всякий товар изьобретше и помаша». Добыча была настолько велика, что ее невозможно было увезти даже на семидесяти ушкунях. Взяли, что смогли, а остальное пожгли или потопили в Волге. Отплывая из Костромы, ушкуйники везли с собой большой полон — «мужь, и жена, и детей, и девиць». Их они продали затем в Болгарах в рабство.

Предав огню Кострому ушкуйники направились к Нижнему Новгороду. Его постигла та же участь. «Ушкуйници-разбойници» взяли его на щит, сожгли, предварительно ограбив. Жителей продали в рабство бесерменским купцам.

Совершенно уже осмелевшие ушкуйники, не довольствуясь богатой добычей, захваченной в русских городах решили попытать счастья в нижнем Поволжье. Они повернули в сторону Астрахани и дошли до нее попутно разграбив и потопив не один купеческий караван.

Конец этого столь удачно начавшегося для ушкуйников похода был однако печальный. «Доидоша на усть Вльгы близ моря града некоего именем Хазитороканя» новгородские удалцы, ни с чем до того не считавшиеся и никого не щадившие сами, сочли почему-то возможным довериться гостеприимству местного татарского князя Салчея. По-видимому они рассчитывали с выгодой для себя и для князя продать ему добычу тем самым завоевать его симпатию. Их ждало, однако, жестокое разочарование. Князь решил, что удобнее и дешевле добычу отнять, чем купить. Обманом усыпив бдительность Прокопа и его сподвижников (подпоив их, как говорится в некоторых, правда, уже поздних летописях — быть может говорится больше по догадке, чем на основании твердо установленных фактов) Салчей перебил всех до одного ушкуйников²⁷.

Современные событию летописцы, любившие правдоподобные концовки, в которых правда непременно побеждает, создали о походе Прокопа и его сторонников довольно трогательные в своей наивности легенды о том, как вознеслись, а затем были наказаны «за гордость» злые разбойники. В

некоторых летописях эти новеллы выделены даже специальными заголовками: «О Костромском взятии и о Прокофиеве кончине» — в Воскресенской летописи, «О Прокопии и о войне его, и о кончине его, и о дружине» — в летописи Авраамки, «О Прокофове кончине» — в Московском летописном своде конца XV века²⁸. Несомненно, что как художественный прием рассказ о божьей каре, постигшей излишне возгордившихся разбойников, выглядел довольно интересно. Надо сказать, однако, что если подойти к делу достаточно строго, татарского князя Салчея можно принять за карающую десницу божью только с большой натяжкой. Да в реальной жизни торжествовала обычно не «правда», а нечестивые «разбойници-ушкуйници». Почему с набором в их ватаги проблем не было, а набеги ушкуйников и после неприятности, вышедшей с Прокопом новгородским, не только не прекратились, но даже увеличились.

Больше того, наряду с Новгородом, в это время выдвигаются новые центры ушкуйничества: Вятка и Устюг. В 1390 (по другим данным в 1392 году) вятские ушкуйники, соединившись с новгородскими, отправлялись разбойничать, взяли города Жукотин и Казань, а также перехватили и разграбили на Волге купеческие караваны²⁹.

Начало XV века ознаменовалось новыми походами ушкуйников на Волгу и вообще в Волго-Камский бассейн. Московский летописный свод конца XV века под 6917 годом (1409 г.) помещает следующее любопытное известие: «Ходи Анфал на Болгары Камюю и Волгою 100 и 50 насадов и избиша их в Каме Татарове, а Анфала яша и ведоша в Орду, а Волжские насады не поспели». Из подробностей о походе, сообщаемых другими летописями, наиболее любопытны указания на то, что кроме новгородцев в нем принимали участие жители Заволочья. Сообщаются также дополнительные сведения о маршруте отряда ушкуйников. Судя по ним, отряд из Заволочья направился по Двине вверх Сухоною, а затем по Костроме вышел в Волгу. Из Костромы ушкуйники двинулись к устью Камы, взяв по пути Нижний Новгород. Тверская летопись проливает некоторый свет также на обстоятельство разгрома отряда Анфала. Судя по ее версии, Жукотинские и Болгарские князья победили ушкуйников обманом («яше его лостью в Каме»³⁰).

По существу этим походом Анфала заканчиваются крупные предприятия ушкуйников на Волге. Летописи по крайней мере не сообщают никаких сколько-нибудь значительных

фактов на сей счет в последующие годы. Принято считать, что именно в это время ушкуйничество как явление отмирает вообще под влиянием целого ряда факторов, из которых особенно большое значение имело ослабление главного центра ушкуйничества — Новгорода и усиление великого князя Московского, железной рукой подавлявшего разбои ушкуйников.

Известные основания для таких утверждений, видимо, есть. Действительно, действия новгородских ушкуйников вызвали резко негативную реакцию не только в Золотой орде, которая особенно страдала из-за их разбоев на Волге, но и в русских княжествах. Противодействие ушкуйникам было не столь уж редким явлением, почему многие их походы заканчивались в конечном счете неудачно. Естественно, что противодействие «разбойникам» стремились оказать прежде всего города, чаще других подвергавшиеся набегам. Под 1379 годом летописи сообщают о том, что вятчане ходили походом в Арскую землю, разгромили отряд ушкуйников, предводитель которого некто Рязан был взят в плен и убит³¹. Инциденты такого рода имели место и в других землях.

Особенно активную роль в борьбе с ушкуйниками играли великие князья Московские. Дмитрий Иванович, хотя в свое время из-за похода к Твери не смог ни защитить Кострому от разграбления отрядом новгородца Прокопа, ни даже отомстить за его действия новгородцам, вовсе не собирався спустить столь серьезное оскорбление его великокняжеского достоинства и нарушения московских интересов. В 1386 году он счел обстановку достаточно подходящей для наказания новгородцев.

Софийская первая летопись рассказывает под 1386 годом об этом так: «Тоя же зимы князь великий Дмитрей Иванович с братом своим Володимиром и всеми князьями събра воа многы, и поиде к Великому Новгороду воюючи, держа гнев велик, что Ноугородци ходили Волгою, взяли разбоєм город Кострому и Новгород Нижний, и много зла учиниша. И не доиде Ноуагорода за 30 верст, сретоша его от Ноуагорода послы о миру бити челом, и князь великий челобиться не принял, и потом срете его владыка Алексей о миру добивати челом, и князь великий не послушал, и владыка отъехал без миру. А во граде у них в ту пору князь Патрекей Нарименович да князь Роман Юрьевич; а в то время Ноугородци посады пожгли и монастыри 24. И прииде посол к великому князю в Ямна, посадник Григорей Якунович, и добиша челом великому князю Дмитрею Ивановичу на всей старию и на

всей его воли за Великий Новгород, а за винных 8 000 сребра взяли. И поиде князь великий к Москве, а наметники свои посажал на Новгороде, а черноборци оставив и приставов в Заволочье послал»³².

Конечно, вряд ли весь этот поход великого князя Дмитрия Ивановича против Новгорода можно объяснить только недовольством его по поводу разбоев ушкуйников. Все-таки одиннадцать лет прошло к тому времени с тех пор, как новгородские молодцы взяли Кострому и Нижний Новгород. За это время на Руси утекло много воды и крови. Вспомним хотя бы Куликовскую битву и нашествие Тохтамыша на Москву. По-видимому необходимость пресечения разбоев новгородских ушкуйников была для великого князя не столько причиной, сколько поводом, чтобы расправиться с излишне уж самостоятельными новгородцами. Он и использовал этот повод, тем более, что постоянные, правда, более мелкие разбои ушкуйников не прекращались, почему с внешней стороны обоснование похода против новгородцев выглядело вполне убедительно. Поход удался, новгородцы были, как видим, достаточно серьезно наказаны поскольку восемь тысяч рублей серебром по тем временам были громадной суммой. К тому же, что может быть гораздо важнее, новгородцам было указано их место, им дано было почувствовать, насколько тяжела рука великого князя и насколько опасно, да и к тому же еще невыгодно ссориться с ним.

Во всяком случае новгородские бояре, судя по всему, этот гяжелый урок усвоили. В Новгороде начались преследования ушкуйников, которые раньше вполне легально набирали ватаги для походов.

После похода Дмитрия Ивановича против Новгорода новгородское правительство настолько стало опасливым, что преследовало своих ушкуйников не только собственно в самом Новгороде, но и в зависимых от него городах и землях. Так, в 1390 году был заключен мирный договор между Псковом и Новгородом, причем псковичи обязывались выдавать Новгороду ушкуйников «кто в Путь ходил на Волги»³³.

Конечно, меры, предпринятые для обуздания ушкуйников великим князем Московским, не могли привести сразу к полному прекращению ушкуйничества. Как отмечалось выше, походы ушкуйников в Волго-Камский бассейн имели место не только в конце XIV, но и в начале XV веков. Во всяком случае масштаб экспедиций ушкуйнических ватаг на Волгу был уже не тот, да и все чаще встречались сообщения о раз-

громе их отрядов. В первой половине XV века упоминания об ушкуйниках исчезают из летописей.

Значит ли это, что одновременно исчезает ушкуйничество и как явление? На этот вопрос ответить сложнее. И дело здесь не только в том, что наиболее поздние походы ушкуйников летописи могли просто и не зафиксировать. Это обстоятельство, на наш взгляд, явно недостаточно учитывали В. Н. Бернадский и Л. В. Черепнин, полагавшие, что именно тогда ушкуйничество как таковое прекратилось. Есть и другая сторона проблемы. Если ушкуйничество в классическом понимании этого слова даже исчезает не только из летописей, но и из жизни вообще, это еще не значит, что оно не трансформировалось. По нашему мнению, именно это и произошло с ушкуйничеством. Несомненно, что после ослабления новгородской самостоятельности ушкуйничество, т. е. практика организации походов за добычей с ведома, а фактически и с одобрения властей, не могла сохраняться в прежнем виде. Не только правительство Новгорода, но и любого другого княжества не могли себе по этому поводу ссориться с великим князем Московским.

Но охотники промыслять такого рода ремеслом на матушке-Волге, конечно, не исчезли. Не исчезли совершенно и условия для такого промысла. Поскольку торговые караваны на Волге не сокращались, а Волжский торговый путь не контролировался сверху каким-то одним правительством — монгольским или московским, организовывать экспедиции за добычей было все-таки можно. Иное дело, что пертерпели изменение формы, в которые эта организация выливалась.

Конечно, ватаги ушкуйников не могли больше рассчитывать на поддержку или даже дружественный нейтралитет властей тех или иных земель. Новгород и Вятка перестали быть базой для организации походов. Приходилось искать эту базу на самой Волге или же на непосредственно прилегающих к ней территориях, благо они были тогда очень слабо заселены. Да зачастую люди, решившие промыслять на Волге, уже и не стремятся иметь свои постоянные базы. Они зимуют один год в одном, другой год в другом месте, а с наступлением весны выходят на свой промысел. Артелями добычников руководят уже не бояре или купцы новгородские и вятские, а нередко обычные простолюдины, что встречалось, правда, и раньше, но как исключение. Связи с городами и землями, из которых вышли члены ватаг, слабеют, хотя и не

прерываются полностью. Вообще артели теряют характер землячеств. В них идут люди из самых разных русских земель и не только из русских. Это уже не новгородские, вятские или вятские ватаги, а объединения людей, пришедших из самых разных мест. И это уже не ушкуйничество в классическом значении слова. Да само слово «ушкуйник» исчезает из летописей. Но зато в них все чаще появляются упоминания о действиях на Волге, на Дону и других реках вольных казачьих артелей, которые, судя по дошедшим до нас документам, настолько сильно напоминают ватаги ушкуйников, что трудно бывает понять, зачем вообще понадобился людям XV века какой-то новый термин для определения понятия давно известного и описанного теми же летописцами сотни раз.

Появляется соблазн поставить знак равенства между ушкуйниками и казаками, увеличив сразу же почти на пятьсот лет родословную казачества. Некоторые авторы так и делают³⁴. На наш взгляд, это серьезное упрощение протекавших процессов. Несмотря на значительное сходство между ушкуйничеством и казачеством (особенно в первые времена его существования) между ними есть и громадная разница. Ушкуйничество в конечном счете так и осталось формой объединения лихих молодцов, собиравшихся для совместного ведения морского разбоя. Казачество же превратилось в конце концов в чрезвычайно важный общественный и государственный институт. Поэтому, подводя итоги анализа истории существования и деятельности «русских норманнов», мы можем сделать вывод о том, что ушкуйничество было одним из главных источников зарождения казачества. Но казачество все же — явление более сложное. Да и корни его идут, как мы видим, не только от ушкуйничества. Традиции богатырских застав и военных поселений на границах Киевской Руси, опыт норманнов и ушкуйников, навыки степной войны, сформировавшиеся в результате сотрудничества и борьбы с кочевыми народами монгольской державы — все это имело свое значение. И все-таки далеко не случайно, что первые упоминания о казачестве появляются именно в XV веке.

§ 3. Первые известия о казаках.

Казачи служилые и вольные

XV—XVI века, когда в летописях, актовых документах и в дипломатической переписке сначала появляется, а затем

получает все более широкое распространение термин «казачество», было временем колоссальных перемен на Руси. Именно тогда происходило постепенное превращение княжества Московского в Московское царство. Конечно, этот процесс был долгим и противоречивым. Но уже к середине XV века великое Московское княжество превратилось из феодальной вотчины наследников Ивана Калиты в мощное государство. От него зависели так или иначе практически все русские княжества, не исключая самых крупных.

Такому государству нужна была армия, организованная на началах существенно отличавшихся от тех, на которых действовали дружины удельных князей, да и по численности значительно большая. При ее комплектовании наряду с людьми, называвшимися служилыми «по отечеству» — боярами, дворянами и детьми боярскими все больше приходилось ориентироваться на людей незнатных, служилых «по прибору». В их число входили пушкари, стрельцы, казаки.

Фактором, имевшим весьма существенное значение для формирования казачества, была развернувшаяся именно в XV—XVI веках фактически непрерывная, пограничная война между Русью и многочисленными монгольскими ханствами. Ослабление, а затем и окончательное падение монгольского владычества, обеспечившее независимость Руси, в то же время обострило проблему обороны южных и юго-восточных рубежей Русского государства. Раньше монгольские ханы рассматривали русские княжества как собственный улус. Они собирали с русских дань (сначала сами, а потом через князей Московских), организовывали карательные экспедиции, если считали, что русские князья проявляют слишком уж большую самостоятельность или неповиновение. Но они не ставили себе специальной целью разорить Русь дотла уже хотя бы потому, что для них это означало бы прекращение выхода русской дани.

По мере ослабления власти ханов Золотой орды, усиления в монгольской державе центробежных тенденций, все более самостоятельные мелкие царевичи, князья, мурзы превращают ежегодные грабительские экспедиции на Русь в свой обычный и едва ли не главный промысел. После завоевания независимости русскими землями по стопам царевичей и мурз пошли ханы Золотой орды, а когда последняя распалась — цари образовавшихся из ее обломков ханств — Крымского, Казанского и Астраханского, не говоря уже о более мелких монгольских владыках. Поскольку прекратилась выплата

дани, у них исчез и стимул проявлять известную осмотрительность при организации ограбления русских территорий. Особенно страдали от татарских набегов, конечно, порубежные русские княжества, например, Рязанское. Но порой крупные татарские отряды доходили и до владений самого великого князя Московского.

Имелась однако и другая сторона проблемы. По мере того как крепло Московское государство, раздвигалось громадное по масштабам колонизационное движение в южные степи. Если в XIII—XIV веках русское население уходило на север и северо-восток — подальше от опасных степей в непроходимые леса, то в XV—XVI веках — напротив устремилось на юг, в Дикое поле, в Причерноморские степи, в районы, которые когда-то принадлежали Черниговским и Киевским князьям, а потом были завоеваны половцами и татарами. Это движение на юг и юго-восток было отчасти следствием вполне осознанной государственной политики, а отчасти — вольной колонизации, пионерами которой были опять-таки казаки.

На формирование казачества наложили отпечаток также социальные процессы, протекавшие в Московском государстве. Именно в XV—XVI веках в русских землях особенно интенсивно происходит закрепощение сельского населения. На этой почве в стране время от времени возникали острейшие социальные конфликты, выливавшиеся в крестьянские бунты и даже войны. Но более распространенной формой социального протеста крестьян был уход на новые земли, свободные еще от помещиков и великокняжеской администрации. Такие земли в изобилии имелись в приграничной полосе. Правда, там их приходилось отвоевывать у монголов.

Конечно, правительство всячески препятствовало побегам крестьян от бояр и помещиков. Но коль скоро полностью прекратить их было невозможно, московские и удельные князья стремились использовать беглецов в собственных видах. Обычно беглецы, селившиеся близ границы, так или иначе включались в государственную систему обороны. В крайнем случае, если они были явно враждебны Московскому правительству, эти люди являлись все-таки помимо своей собственной воли чем-то вроде буфера между Русским государством и его южными и восточными соседями. На этой почве фактически с момента зарождения вольного казачества, мы встре-

чаем в документах многочисленные факты различного рода договоров, соглашений, «служб» казаков русским государям.

В порубежье уходили не только крестьяне и холопы. Формирование царства Московского, сопровождалось, по образному выражению Ивана Грозного, «перебором людишек». Речь шла, прежде всего о боярах, дворянах, детях боярских, служивших раньше независимым от Москвы или удельным князьям. С присоединением тех и других княжеств к Московскому царству далеко не все служилые люди сумели успешно интегрироваться в новую систему. Многие бояре, дворяне и дети боярские нищали, их вотчины дробились, поместья по разным поводам отбирались центральной властью и заменялись на худшие. Этот служилый элемент, как показала в начале XVII века Смута, нес в себе едва ли не больший по опасности потенциал социального взрыва. В обычное же, относительно спокойное время нищавшие мелкие помещики и вотчинники, с одной стороны, стремились получить в степном порубежье земли, с другой — нередко сами уходили «казаковать», надеясь таким путем поправить пошатнувшееся материальное положение. В. О. Ключевский, специально исследовавший этот вопрос, отмечал, что в документах XVI века постоянно встречаются заметки о том или ином сыне боярском: «Сбрел в степь, сшел в казаки»¹.

Все указанные явления наметились в Московском государстве еще на рубеже XIV—XV веков. В середине и во второй половине XV века они становятся очевидными. Именно тогда мы встречаем первые летописные известия о казаках на Руси. Самое первое такое известие относится к 1444 году. Опубликованное и проанализированное еще Н. М. Карамзиным, а затем Д. И. Иловайским² оно не раз использовалось в работах по истории российского казачества. Но учитывая, что это первое и потому особенно важное известие, видимо, целесообразно воспроизвести его здесь по возможности более полно.

Летописец, рассказывая о событиях 1444 года, отмечает, что в этот год царевич Мустафа из Золотой орды совершил набег на Рязанскую землю, пользуясь внезапностью, захватил в плен довольно много безоружных людей, взял за них выкуп и лишь после этого удалился. Но вскоре он вернулся к Переяславлю Рязанскому, уже не за добычей, а чтобы получить здесь убежище. Дело в том, что наступили жестокие холода, татарские кони пали, да и татары сами стали умирать в чистом поле, где негде было обогреться. Переяславцы

впустили в город Мустафу и его отряд, но тут же дали знать об этом Рязанскому князю и великому князю Московскому Василию Васильевичу. Великий князь Московский приказал своему воеводе князю Василию Оболенскому выгнать отряд Мустафы из российских пределов. При приближении московских дружин переяславцы потребовали от Мустафы оставить город. Татары вышли из Переяславля и заняли оборону на берегу реки Листани. Здесь и произошла битва. Против отряда Мустафы сражались московские воеводы с конницей и пехотой, вооруженные топорами, рогатинами и ослопами (палицами), а также отряд мордвы и рязанские казаки, действовавшие на лыжах. «Посла (великий князь Василий Васильевич Московский) Князя Василия Оболенского и Андрея Фелоровича Голтяева, да Двор свой, да Мордву на ртах... а Козаки Рязанские тако же на ртах... и рать с ослопы и с топоры», — говорится по этому поводу в летописи.

На предложение сдаться на милость московским воеводам татары отвечали отказом. После того, что они творили в Рязанской земле, на пощаду они, понятно, не рассчитывали. Окруженные москвичами и рязанцами татары сражались до последней возможности и были почти все перебиты. Героем пал в бою царевич Мустафа. Князья Мут и Азберлей были захвачены в плен. Значительные потери понесли и русские войска. Был убит, в частности, воевода великого князя Московского Илья Иванович Лыков³.

Несмотря на свою краткость это летописное известие дает некоторый материал для анализа ряда проблем, связанных с зарождением казачества. Обратим прежде всего внимание на то, что оно касалось казаков служилых или по крайней мере находившихся в тот момент на службе у Рязанского князя. Существенно, что они были видимо русскими по национальности. Об этом, правда, прямо в летописи не говорится, но сказано, что они пришли к месту боя не на конях, как было принято у монголов, а на лыжах или санках (ртах). К тому же когда речь шла о нерусских отрядах летописцы обычно оговаривали это: татарове, мордва, ляхи и т. д. Здесь о мордве также сказано особо. Важно, наконец, и то, что эти первые достоверно известные казаки сражались именно против монголов. Все это очень мало сочетается с представлениями о том, что первыми казаками на Руси были татары, перешедшие на службу к русским князьям.

По сообщениям летописей летом 1468 года во время войны с Казанским ханством великий князь Московский Иван III

направил воевать подвластных хану черемисов и татар московских воевод, среди которых был Иван Руна (Руно) «с казаки». На этот раз русский отряд действовал на стругах. Пройдя по рекам Вятке, Каме и Белой Воложке русские войска воевали земли татар, черемисов и, видимо, башкир, разгромили купеческие караваны, захватив богатую добычу. Летописцы свидетельствуют, что дружина Руна особенно отличалась в одном из боев в верховьях Камы, разгромив татарский отряд численностью до двухсот человек. Русские захватили знатных татарских пленников, «а прочих всех избиша». Отряд Руна потерял в бою двух человек убитыми (в том числе атамана Савву Осеева из Устюга⁴), да шестьдесят человек было ранено. Но раненые, говорится в летописи, «милостью божьею все живы». После этого боя отряд Руна через Великую Пермь и Устюг возвратился в Москву, приведя великому князю пленных татар⁵. Отметим, что в довольно многочисленных летописных сообщениях об этом походе нет ни малейшего намека на татарское происхождение казаков Ивана Руна. Да и имя погибшего атамана говорит за себя. Наконец, казаки в данном случае опять-таки воевали против татар.

Как видим по крайней мере в самых первых летописных упоминаниях о казаках говорится о деятельности казаков русских, воевавших именно с татарами. В конце XV — начале XVI веков русских казаков на службе у великих князей Московских, а также вольных, было уже довольно много.

Первое сообщение о собственно монгольских казаках на русской службе встречается в летописях лишь под 1471 годом. Речь идет о мещерских или городецких казаках, которые были потомками татар, перешедших вместе с князьями Касимом и Юсуфом (Якубом) на службу Московскому государю в 1446 году. Шесть лет спустя великий князь Василий Темный передал Касиму Городец или Мещерский городок, расположенный на Оке в Рязанской земле. По названию городка казаки и стали называться мещерскими или городецкими.

Софийская первая летопись, сообщая о походе Ивана III на Новгород в 1471 году, отмечает, что на время похода великий князь оставил за себя в Москве своего сына «благоверного и благочестивого великого князя Ивана Ивановича», дав ему в помощь для управления своего младшего брата князя Андрея Васильевича, а также татарского царевича Муртосу «с его князьями и с его казаки». Кроме того,

Иван III взял в поход Мещерского служилого царевича Данияра (Алдаяра) Касымовича, опять-таки с его князьями и казаками⁶. Поход великого князя на Новгород был успешен. Новгородцев, осмелившихся противоречить воле Ивана III, разгромили, а город их основательно разграбили, что считалось делом не только прибыльным, но и чрезвычайно важным с государственной точки зрения, поскольку таким образом ослаблялись новгородские «ослушники».

Однако и в Московском войске было немало потерь. В частности, отряд царевича Данияра, направленный загоном против новгородцев, нарвался на сопротивление, потерял до 40 человек убитыми, не говоря уже о раненых. Характерна такая деталь: летописи (например, Софийская вторая), сообщая о результатах похода, отмечают, что братья великого князя — Георгий, Андрей, Борис возвратились в свои отчины не только с честью и победою великою, но и «велми ополонившеся, и людие их, серебром и конми, и порты».

Князь Михайло Андреевич с сыном своим Василием тоже вернулись из похода с большим полоном и с награбленной добычей. Фактически лишь о дружине царевича Данияра с его мещерскими казаками не сообщается ничего подробного. Они, судя по летописи, возвратились из похода лишь «с великою славою», почему государь Иван Васильевич: «честив царевича Данияра и одарив», отпустил в Мещеру. Между тем, возможность пограбить новгородцев после их разгрома была у мещерских казаков ничуть не меньшая, чем у русских князей. Данияр этой возможностью, судя по всему, не воспользовался, почему великому князю Московскому и пришлось особо одаривать его уже после возвращения из похода⁷. Это сообщение Софийского летописца, несомненно хорошо знавшего о том, кто, как и сколько грабил во время похода, заставляет с достаточной долей скептицизма относиться к глубоко укоренившимся стереотипам относительно того, что в междоусобных стычках русских князей особую алчность проявляли именно служилые татары, в частности татарские казаки.

Наряду с участием в походах в составе великокняжеских войск мещерские казаки широко использовались для обороны южных и юго-восточных границ великого княжества Московского и зависимых от него земель. Еще более существенной задачей, которая ставилась великими князьями Московскими перед мещерскими казаками была охрана русских интересов

на Волге. Уже задолго до присоединения к Российскому государству Казани и Астрахани городские казаки в летнее время направлялись на судах, а также на конях по берегам Волги для разведки: не пытаются ли нагайские, крымские, астраханские или казанские татары предпринять нападение на русские земли. В случае необходимости казаки защищали русские купеческие караваны, выдерживая подчас достаточно серьезные стычки с грабителями.

Судя по всему, мещерские казаки усердно выполняли эти несомненно полезные для Московского государства функции, хотя их действия не всегда укладывались в нынешние и даже тогдашние нормы международного права. Иногда они все-таки чересчур увлекались и вредили интересам великих князей Московских. Тогда государю приходилось их несколько сдерживать. Например, в 1508 году великий князь Московский Василий Иванович адресовал предводителям мещерских казаков следующую очень характерную грамоту: «От великого князя Василья Ивановича всеа Русии Городецким казакам всем и всем нашим людям. Били нам челом Алчагиров мурзин человек Бау-Бек с товарищи и иных мурзы люди ногайских о том: коли пошлют к нам мурзы своих людей, или гости их из Ногай в наши земли пойдут, ино бы им от вас от наших людей лиха никоторого не было; и кого пошлют к нам мурзы своих людей, или из Ногай гости в наши земли пойдут с сею нашею грамотою, и вы бы, казаки Городецкие, и все наши люди тем мурзиным людям и гостем ногайским лиха никоторого нигде не чинили, по сей моей грамоте»⁸.

Необходимость такого рода наставления со стороны верховной власти, о том, что не надо грабить послов, по крайней мере, тех, которые направлены к Московскому государю, была самой настоятельной. В приграничной полосе, отделявшей Русское государство от монгольских княжеств и царств, нравы были таковы, что нападения на посольские караваны, считались вообще говоря делом несколько не предосудительным. Что говорить о казаках, если разбоями на большой дороге промышляли подчас такие высокие особы, как, например, Абдыл-Керим — царь Астраханский⁹ или крымский посол в Москву Лухбердей, который, видимо, на радостях после успешного завершения его посольской миссии, счел возможным и допустимым ограбить московского купца Костю Могучего. Характерно, что Иван III (в 1485 году), направляя свое посольство в Крым, решил, что надо ограничить недовольство

действиями бывшего посла, таким довольно-таки своеобразным наказанием: не высылать ему никакого подарка, поскольку он прежнего добра не помнит¹⁰. Так действовали цари и послы. Что же удивляться тому, что казаки, не считали для себя зазорным промышлять подобным образом.

Дипломатическая переписка Москвы с Турцией, а также с монгольскими княжествами и ханствами полна сообщений об инцидентах, связанных с такого рода казачьими промыслами. В 1515 году, например, Бурган-ага азовский жаловался московскому князю, что трое жителей Азова ходили близко от города «камяни имати, и твои казаки мещерские пришед тех трех человек взяли». Впрочем, как видно по письму, Бурган не считал происшествие это чем-то из ряда вон выходящим. Дело было в конце концов самое обыкновенно, и Бурган, собственно не требовал даже вернуть захваченных мещерскими казаками азовцев, а лишь просил, ссылаясь на то,

Случались однако попой и конфликты значительно более серьезные. В октябре 1517 года крымский хан говорил посольскому человеку Д. И. Александрову, оставшемуся (по причине смерти посла) главным среди московских дипломатов в Крыму: «...Сына есми своего Богатыря послал был на Нагаи, и он был на великого князя украине, и яз его бранил, и он молвил мне, итти было ему на Нагаи, да которых людей вперед себя послал отведывати на Волге, и они кажут, что и берегом и в судах все мещерские казаки ходят, ино нелзе за Волгу. И сын мой чаял, что то князь великий велел так казакам мещерским беречь, и он того для ходил на Рязань»¹². что его государю это будет приятно¹¹.

Из дальнейших разъяснений этого инцидента ясно, что известные основания для недовольства поведением мещерских казаков у крымского хана действительно были. Дело в том, что когда тридцатитысячное войско под командованием ханского сына приблизилось к Волге, мещерские казаки напали на его авангард и командовавшего ими Сююндюк-мурзу «пимали». Это собственно и послужило основанием для вывода крымских татар о том, что Московский князь заступает за их врагов — татар ногайских. Отсюда стремление свести с ним счеты, напав на Рязанскую землю.

Так объясняли суть дела крымский хан и его сын. Но свои резоны были и у мещерских казаков. О реальных намерениях татарского войска они не знали. Куда оно повернет — на ногаев или на Москву приходилось только гадать. Между тем войско было достаточно сильным. Да и начало оно с того, что

захватило в плен (в качестве языков) нескольких мещерских казаков. Оснований для того, чтобы усомниться в миролюбии намерений крымского царевича было более чем достаточно¹³. Напав на авангард татарской армии мещерские казаки лишь выполнили свой долг.

Инцидент был в конце концов (хотя и не без труда) улажен. Интересно, однако, что даже тридцатитысячная татарская армия не решилась на прямое столкновение с мещерскими казаками. Это дает представление об их реальной военной силе.

Главное назначение городецких казаков в XV — начале XVI веков состояло в охране границ Российского государства по нижнему течению Оки. Этому способствовало выгодное стратегическое положение Мещерского городка (позднее переименованного в Касимов). При нападениях крымских, казанских или ногайских татар на Рязань или походе их к Оке между Коломной и Калугой городецкие казаки легко могли перерезать им пути отхода на Дон и Волгу¹⁴. По мере того как границы царства Московского отодвигались на юг, выносились все дальше в Дикое поле и сторожевые заставы городецких казаков. Судя по росписи сторожевым отрядам, составленной в 1578 году, мещерские казаки и атаманы несли службу по охране российских рубежей «Меж Дону и Волги под Тилеорманским лесом»¹⁵.

В 1481 году русские летописи впервые упоминают об ордынских казаках. Речь шла о событиях, связанных с гибелью хана Золотой орды Ахмата. После знаменитого противостояния на Угре русских и татарских войск в 1480 году хан Ахмат, не решившийся атаковать московские полки, совершил удачный набег на Литву и с богатой добычей откочевал к берегам Малого Дона, где близ Азова остановился зимовать. Его соперник — хан Шибанской или Тюменской орды Ивак, объединившись с ногайскими мурзами, решил напасть на Ахмата, чтобы отнять добычу. Судя по Архангелогородскому летописцу в отряде Ивака было шестнадцать тысяч казаков: пятнадцать тысяч — ногайских и тысяча — шибанских, 6 января 1481 года Ивак внезапно атаковал не ждавшего нападения Ахмата и собственноручно убил его сонного¹⁶. Так окончил свою жизнь последний хан Золотой орды, считавшийся верховным владыкой русских земель.

В последующие годы упоминания об ордынских казаках в летописях встречаются довольно часто. Так, Новгородская четвертая летопись сообщает, что 10 июня 1492 года «прихо-

диша татарове ордынские казаки» числом 220 человек во главе с каким-то Темешом на город Алексин и пограбили его. Но посланные вслед за ними дружинники великого князя догнали татар в поле близ Быстрой Сосны. Сеча была жестокой. Потеряв 60 человек убитыми татары ушли в орду, причем, по словам летописца, «иные идучи татарове в орду ранены на пути изомроша». Русские потеряли убитыми 40 человек из 64¹⁷. Год спустя, судя по сообщению Воскресенской летописи, «татарове казаки ординские» приходили изгоном на Рязанскую землю, взяли три села и поспешили уйти назад¹⁸. В тот же год осенью ордынские казаки ограбили в Диком поле московских послов¹⁹.

В начале XVI века в связи с распадом Золотой орды термин «ордынские казаки» постепенно исчезает из документов и летописей. Но зато появляются упоминания о казаках казанских, астраханских, ногайских, крымских.

Под 1499 годом в летописях впервые встречаются сообщения об азовских казаках, которые вместе с казаками ордынскими приходили под Козельск, пограбили несколько сел. Но князя Перемышльский и Одоевские организовали погоню за хищниками, догнали, разгромили их, отняли русских пленников, татар же — одних побили, других взяли в плен и доставили к великому князю²⁰.

В начале XVI века азовские казаки очень активно промышляли в Диком поле нападениями на купеческие и посольские караваны, в том числе русские. О том, какая обстановка сложилась тогда в степи близ Азова можно судить на примере трех посольств, направленных Иваном III к крымскому хану Менгли-Гирею. Посольство князя И. С. Кубенского вместе с крымским послом и русскими купцами выехало из Москвы 17 апреля 1500 года. В Диком поле на них напали азовские казаки во главе с Угуз Черкасом и Карабаем. Князь Кубенской, утаив в воде посольские бумаги, (чтобы они не достались разбойникам) ушел с частью своей свиты и с татарским послом в Крым, где вынужден был править посольство на память. Но посольское имущество, многие купцы и посольские люди (всего до пятидесяти человек) попали в плен казакам, которые привезли их в Азов и продали туркам. Имущество и пленных пришлось выкупать, причем недешево²¹. Посольство боярина И. Г. Мамонова выехало из Москвы 11 августа 1500 года. Мамонов благополучно, хотя и без приключений, добрался до Крыма, довольно долго пробыл там послом и оставил интереснейшую переписку со сво-

им государем, в которой содержится весьма любопытный материал об азовских казаках, их взаимоотношениях с турецкими властями Азова²².

Больше всех не повезло послу Андрею Лапенку и его коллеге князю Федору Ромодановскому. Их посольство выехало из Москвы в марте 1501 года. 11 июля в Диком поле на Полузоровском перелеске посольский караван атаковали азовские казаки во главе с известными уже Угуз Черкасом и Карабаем. Андрей Лапенко был убит на месте, князь Федор Ромодановский захвачен в плен. Остальные посольские люди и купцы — кто погиб, кто был схвачен, ограблен и продан затем в рабство. Посла Федора Ромодановского удалось, правда, выкупить потом в Кафе за 70 рублей, после чего он и прибыл в Крым к Менгли-Гирею²³.

Впрочем предприимчивые азовские казаки, по крайней мере атаманы Угуз Черкас и Карабай, смогли пользоваться последствиями своих лихих предприятий недолго. Их настигло скорое и жестокое возмездие. Его вершителями были конечно же не турецкие чиновники, которым Московское правительство делало одно за другим совершенно бесполезные представления. Возмездие пришло совсем с другой стороны. Вот как писал об этом в январе 1502 года русский посол в Крыму Иван Григорьевич Мамонов: «А к Азову, государь, сказывают приходили Черкасы с четыреста человек, а Оуз Черкас и Карабай в ту пору с поля пришли. И Черкасы, пришед, к городу за пять верст, да стали втай, а тридцать человек к городу послали. И те, ехав под Азов, да животину отогнали. И Азовские казаки Ауз Черкас и Карабай, а всех их человек с двесте, да за теми Черкасы в погоню пошли, которые у них животину отогнали; и те их примчали на своих товарищов, где они стояли, и Черкасы Азовских казаков побили сказывают человек с тридцать; а Озовских утекли в город, а Уз Черкаса и Карабая сказывают тут же убили»²⁴. «Черкасы», о которых здесь шла речь, были скорее всего с Кавказа, хотя нельзя исключить и возможность того, что они — малороссийские казаки — их ведь также в те времена обычно называли черкасами и они тоже нередко приходили промышлять в причерноморские степи.

Летописи и имеющиеся в распоряжении исследователей документы дают возможность судить о характере взаимоотношений азовских казаков с турецкой администрацией Азова. Судя по ним, у турецких чиновников в Азове были серьезные возможности для воздействия на казаков. Казаки сде-

дали Азов, чем-то вроде своей основной базы, жили в городе в промежутках, между походами за добычей, имели в Азове семьи, а по крайней мере некоторые — даже собственные дома. Они возвращались в Азов с добычей и с пленными, продавали их здесь, причем вполне легально. Все это нельзя было делать без позволения местных властей. В обмен на это азовские казаки несли различные службы. По сообщению И. Г. Мамонова, они участвовали в неудачном походе против черкасов весной 1501 года²⁵. Да и закончившаяся столь печально для Ауз Черкаса и Карабая погоня за похитителями скота тоже была предпринята в интересах не только самих казаков, а всех жителей Азова, которые не раз страдали от подобных набегов со стороны соседей. Но, конечно же, о прямой постоянной службе азовских казаков турецким властям вряд ли можно говорить. Большинство военных предприятий они организовывали на свой страх и риск, причем далеко не всегда согласовывали их с текущей политикой правительства Блистательной Порты. Например, захватив в плен русского посла в Крыму князя Ромодановского азовские казаки вызвали нежелательные в тот момент для Турции осложнения в отношениях с Московским государством. Чтобы поправить дело чиновникам султана пришлось выкупать русского посла уже в Кафе²⁶. О том, чтобы просто потребовать у азовских казаков выпустить на свободу князя Ромодановского бесплатно не было и речи.

По национальной принадлежности большинство азовских казаков были по-видимому татары. Об этом свидетельствовали прежде всего те, на кого казаки нападали. Князь Кубенской, например, прямо писал о том, что на него напали татары²⁷. Князь Ромодановский сообщал, что его «имали и грабили и продавали... азовские татарове»²⁸. Воскресенская и Софийская первая летописи, сообщая о нападениях азовских казаков на русского посла, тоже употребляют выражение «татарове азовские казаки»²⁹. Да и известные нам имена азовских казаков свидетельствуют об этом: Караман, Карабай, Темеш, Карачура, Ямгурчей Абаш, Абдула. Встречаются однако среди них и Ахмет-турчанин, и даже Сенка Ложник, имя которого говорит скорее всего о русском или малороссийском происхождении³⁰.

Впрочем в казачьих артелях национальность или происхождение казаков не играли особой роли. Упомянутый выше Сенка Ложник, например, будучи атаманом азовских казаков во времена Ивана Грозного, пытался вместе с крымскими

казаками и татарами из Казыева улуса ограбить в Диком поле русского посла И. П. Новосильцева. Ему это, правда, не удалось³¹.

Столь же активно, как и азовские, действовали казаки и из других татарских государств: казанские, астраханские, ногайские, крымские. Причем их князья и ханы, даже пребывая формально в мире с Московским государством, фактически ничего не делали, чтобы хотя бы немного их унять. Крымские ханы, например, нередко выступавшие в качестве союзников великих князей Московских, постоянно клялись и божились им в своих грамотах обуздать татарских казаков, грабивших русских послов и купцов, совершавших набеги на русские земли³². Но именно эти повторявшиеся из года в год как заклинание фразы о запрещении крымским казакам грабить Русь без ханского позволения вполне доказывали полнейшую неэффективность такого рода запретов, даже если они устанавливались вполне всерьез.

Дело было однако не только в набегах мелких отрядов и шаек татарских казаков. Гораздо хуже было то, что нередко сами ханы без какого-либо повода и объявления войны организовывали широкомасштабные грабительские набеги на русские земли, главной целью которых был захват добычи и пленных, предназначенных для продажи на невольничьих рынках Бахчисарая и Стамбула, Кафы и даже Александрии. Только за первую половину XVI века монголы предприняли 43 больших похода на русские земли, мелкие же набеги были настолько обыденным явлением, что их даже не считали. Особенно крупным был поход 1521 года, когда стотысячная армия крымских и казанских татар дошла до самой Москвы, разорила множество русских городов и сел, увела с собой громадный полон (по некоторым данным даже до 800 тысяч человек).

В 1533 году татары совершили новое нападение и несмотря на то, что были разбиты русскими войсками, сумели так угнать с собой до ста тысяч пленных. Во второй половине XVI века самыми крупными были походы на русскую землю крымского хана Девлет-Гирея в 1571 и 1572 годах. Во время этих походов татарами также было захвачено громадное число пленников. Большинство пленных продали на невольничьих рынках, тех на кого не нашлось покупателей — перебили. Были случаи, когда живых людей использовали как мишени для упражнения детей в метании камней, для заба-

вы, для того, чтобы приучить будущих воинов к виду человеческой крови³³.

Оборона российских рубежей от нашествий строилась с учетом обычной тактики монгольских войск. Эта тактика была проста, надежна и отработана путем многократных упражнений. По возможности не втягиваясь в бои с княжескими дружинами татары захватывали в приграничной полосе в полон как можно больше людей и как только убеждались, что захваченная добыча достаточна, немедленно поворачивали назад, стремясь как можно скорее перегнать полон и увезти награбленное подальше от русских пределов. Уйдя на 20—30 верст от русской границы они устраивали дежес добычи, затем войско разделялось на многочисленные мелкие отряды, которые уже каждый самостоятельно побыстрее шли к крупным городам, где и продавали награбленное.

Опыт показывал также, что монголы при организации набегов действовали почти исключительно в конном строю, предпочитая оперировать по дорогам; очень неохотно, да и с большим трудом форсировали водные препятствия, избегали лесов, в которых трудно было развернуться коннице. Учитывая эти обстоятельства было довольно просто и монголам определить наиболее перспективные пути проникновения на Русь, и русским установить наиболее опасные направления. Самыми опасными с этой точки зрения были степные дороги или шляхи, проходившие как правило в междуречье российских рек. Такими наиболее известными путями татарских набегов были шляхи: Изюмский, Бахмутский, Бакаев, Цивнев, и конечно же знаменитый Муравский шлях, который шел водоразделом Дона и Оки из приазовских степей до нынешней Тульской области.

В борьбе с монголами Московское государство применило тактику строительства оборонительных или засечных линий. К началу XVI века на южной границе Московского государства по течению рек Угры и Оки была построена цепь различных укреплений, центрами которой были Серпухов и Коломна. По мере отвоевания Русским государством новых территорий, граница все более отодвигалась на юг, возникали новые города, строились новые засечные линии.

Засечные линии состояли из целой системы различного рода оборонительных сооружений. На пути татарских набегов строились укрепленные города и острожки, являвшиеся опорными пунктами обороны. В них селились ратные люди:

дворяне, дети боярские, стрельцы, а также в довольно значительном количестве городские казаки. По названию порубежных городов и острожков стали называться отряды и общины служивых городских казаков. Документы XV—XVI веков упоминают о казачьих общинах, существовавших в Рязани, Орле, Рязске, Рыльске, Стародубе, Елифани, Рославле, Деделове, Донкове и ряде других городов. На западной и юго-западной границе царства Московского существовали точно такие же общины севрюков, которых современные им документы и летописи обычно относили к казакам.

Для того, чтобы представить как была организована пограничная служба городских казаков в XV—XVI веках необходимо напомнить, что протяженность южных и восточных границ Русского государства была настолько велика, что не приходилось даже мечтать о том, чтобы прикрыть ее вооруженными отрядами полностью. По существу созданные в XV—XVI веках засечные сторожевые линии предусматривали организацию очаговой обороны. Центральными пунктами сторожевой линии были построенные на наиболее опасных направлениях (по шляхам) города с размещавшимися в них гарнизонами. Города укреплялись обычно земляным валом, деревянными (с XVII века иногда и каменными) стенами, а также рвами. По углам были сторожевые башни, тоже делавшиеся обычно из дерева. Внутри города был деревянный, а кое-где и каменный кремль — последнее убежище и последняя линия обороны защитников на случай, если противник ворвется непосредственно в город.

В промежутках между городами строили остроги или острожки. Это были сравнительно небольшие укрепленные пункты, обнесенные оградой из тына, заостренного сверху. Острожки были постоянные (жилые) и так называемые стоялые, которые занимались гарнизонами из казаков и детей боярских обычно лишь в летнее время. В городах, монастырях и реже отдельно на открытой местности создавались так называемые осадные дворы, в которых собирались в случае нашествия неприятеля жители из окрестных мест.

Необходимо, однако, отметить, что все эти укрепленные пункты прикрывали лишь наиболее важные участки границы. В промежутках между ними старались использовать в интересах обороны естественные препятствия, усиливая их по мере возможности различного рода фортификационными сооружениями. Особенно важное значение имели реки, являвшиеся наиболее надежной защитой от набегов татарской кон-

ницы. Не случайно, что Ока, прикрывавшая значительную часть русской границы, в сказаниях XV—XVI веков называлась поясом Богородицы. Чтобы укрепить оборону по рекам от татарской конницы в местах, где реки можно было перейти вброд, вбивали в дно острые колья. Не ограничиваясь наблюдением, организованным стражами по берегам рек, русские военачальники направляли курсировать в лодках на наиболее опасных направлениях казачьи отряды, которые не только могли своевременно обнаружить опасность, но и принимали на себя первый удар неприятеля³⁴.

Серьезным препятствием для монгольской конницы были заповедные леса. В таких лесах строжайшим образом запрещалось прокладывать новые пути и даже тропинки. Пользоваться можно было лишь старыми, «пошлыми». А они постоянно контролировались ратными людьми. Здесь запрещалась рубка леса, благодаря чему он разрастался до такой степени, что становился непроходимым. Заповедные леса укреплялись засеками, представлявшими из себя сплошную полосу срубленных деревьев, обращенных вершинами в сторону неприятеля.

Там, где лес был мелок и редок вместо засек устраивали волчьи ямы в несколько рядов с заостренными кольями на дне. Широко применялись также рвы, надолбы. Разбрасывались так называемые «подметные железные каракульки» — небольшие шары с четырьмя шипами. Устанавливали чеснок — деревянные или железные спицы, которые вбивали в доску. В общем же сторожевая засечная линия представляла собой довольно серьезное по тем временам оборонительное сооружение.

При всем том защита линии была делом не простым и не легким, а требовала от ратных людей воинского умения, мужества, да и чисто физических сил. Привлечь людей на такую службу стремились жалованием и различными льготами.

Служилое казачество с самого начала своего формирования составляло по существу промежуточный слой между дворянами, детьми боярскими с одной стороны и «тяглыми» людьми — с другой. В отличие от крестьян и других тяглых людей они были освобождены от налогов. В отличие от людей служивых «по отечеству» (бояр, дворян, детей боярских) казаки содержались не поместными дачами, отводившимися в личное владение каждого, а либо жалованием, либо земельными пожалованиями, делавшимися целым общинам, но

На условиях поместного владения и с обязательством ратной службы.

Как и другие категории людей служилых «по прибору» (стрельцы, пушкари, пищальники) служилые казаки комплектовались за счет выходцев из разных слоев общества. В казаки мог быть поверстан сын боярский и даже дворянин в силу разных обстоятельств, иногда без вины, а просто потому, что ему не хватило поместья, иногда за какую-либо вину. Сохранился относящийся к 1582 году царский указ, согласно которому человек, уличенный в крамоле, «ябеде» или даче ложных показаний в суде, подлежал наказанию торговой казны, после чего его должны были сослать в казаки в украинские (т. е. находящиеся на окраине государства) города Севск и Курск, а его поместья и отчины раздавались либо родственникам, либо беспоместным служилым людям, «кого государь пожалует»³⁵. С другой стороны, основная масса людей, поверстанных в казаки, была все-таки из сословий низших: гулящих людей, крестьян, порой даже беглых холопов. Для одних служба в казаках была социальной деградацией, для других — социальным ростом. В этом смысле «приборная служба имела значение канала, посредством которого происходил постоянный обмен сил между городским дворянством и неслужилыми классами»³⁶. Это замечание В. О. Ключевского тем более справедливо, что действительно нередко были случаи, когда казаки за свои воинские заслуги получали земельные наделы на основе поместной, получали крестьян и превращались таким образом в дворян.

Как велико было государево жалование казакам? Сведений об этом сравнительно немного, но они все-таки есть. Судя по ним служилые казаки получали во времена Ливонской войны кроме хлебного жалования по полтине в год. Столько же получали стрельцы. Пищальники, воротники, плотники, кузнецы, служившие в гарнизонах, получали по рублю. Таким образом, даже среди людей служилых «по прибору», казаки наряду со стрельцами, составляли самую низкооплачиваемую категорию³⁷. Сравнительно низкий социальный статус казаков подчеркивался между прочим и тем, что нередко в командиры им назначали не собственных атаманов, а дворян или детей боярских.

В реальной жизни служба по охране границы осуществлялась совместно казачьими отрядами, отрядами дворян, детей боярских, служилых татар, мордвы и т. д. Выделявшиеся на защиту и охрану границ группы нередко были также смешан-

ными по своему составу. Обычно на передовой пограничной линии от городов и острожков на расстояние от одного до пяти дней пути высылались в степь сторожи. Одна сторожа от другой отделялась расстоянием обычно до полудня пути, а в отдельных случаях (правда редко) до одного-двух дней пути. Сторожи постоянно поддерживали связь одна с другой и составляли таким образом несколько неразрывных линий, пересекавших степные дороги, по которым татары обычно ходили на Русь. В феврале 1571 года боярином, князем М. И. Воротынским был составлен первый устав сторожевой стационарной службы, упорядочивший охрану границ.

К началу 70-х годов XVI века таких сторожей насчитывалось 73 и они по официальным росписям делились на 12 разрядов: первый разряд — сторожи Донецкие, самые дальние, их было семь, второй разряд — сторожи Путивльские, — три ближних и четыре дальних, третий разряд — сторожи Рылские (две), четвертый разряд — сторожи на Дону, Сосне и по иным польским рекам и урочищам (всего 14 сторож), пятый разряд — сторожи Елифанские (1), шестой разряд — сторожи Дедиловские (5 сторож), седьмой разряд — сторожи Новосильские (всего 11), восьмой разряд — сторожи Миенские (4), девятый разряд — сторожи Орловские и Карачевские (13), десятый разряд — сторожи Мещерские (4), одиннадцатый разряд — сторожи Шацкие (2), двенадцатый разряд — сторожи Рязские (3). Выделенные в сторожи казаки действовали под командой собственных атаманов, либо специально назначавшихся правительством «голов» из дворян и детей боярских. Главная обязанность, которая ставилась перед выделенными в сторожи казаками была охрана границ, своевременное предупреждение о нападении противника. В случае необходимости им поручалось также жечь степь, что существенно затрудняло продвижение татарской конницы, или же, если непосредственной угрозы нападения не было, напротив, предохранять степь от пожара³⁸.

В приграничной полосе порядки и нравы были совершенно особенными. Здесь фактически никогда не было мира, почему разведка, например, и захват языков были делом обычным, не зависившим от того, объявлены ли официально военные действия или же с Крымом, Казанью, Астраханью сохранялся на бумаге мир. Разведка и захват языков тоже обычно поручались казакам. Документы сообщают, что в марте 1556 года, ходил из Рылска на поле с казаками атаман Михалко Грошев, побил крымцев и привел к государю

языка. Вскоре после этого из Путивля направил государь отряд казаков под командой дьяка М. И. Ржевского. Казакам было приказано идти по Днепру к крымским улусам, добывать языков и разведывать о хане. Это и было исполнено казаками. В то же время Даниил Чулков и Иван Мальцев по государеву указу отправились Доном вниз. Чулков дошел до Азова, разбил встретившийся ему по пути отряд татар, насчитывавший около 200 человек, причем 9 из них взял в плен и отослал к государю. Ржевский же, соединившись с отрядом малороссийских казаков (300 человек) прошел по Днепру до Очакова, завладел им, а затем вернулся назад с большой добычей. Подчеркнем, что речь идет не просто о поисках мелких групп разведчиков, а об относительно крупных военных предприятиях, организовывавшихся правительственными чиновниками по прямому государеву указу, причем главной военной силой в их отрядах были казаки. Известия о походе под Очаков дьяка Ржевского чрезвычайно любопытны еще и в том отношении, что к его отряду, состоявшему в основном из служилых казаков, присоединилась значительная по численности группа казаков вольных, причем поданных не царя Московского, а польского короля. Все это считалось тогда в порядке вещей³⁹.

Разумеется, что военная служба городских казаков Московскому государству не ограничивалась такого рода поисками на чужой территории и охраной границ в составе сторожевых застав. В случае необходимости объединения военных сил в крупную армию, казаки, находившиеся на государственной службе, имели в ней свое заранее определенное место. По росписи полкам, составленной в 1572 году, только в Большом полку имелось три крупных группы казаков: тысяча казаков, нанятых на государеву службу, тысяча казаков, которых обязаны были выставлять Строгановы и, наконец, отряд под командованием донского атамана М. Черкашенина. В полку Правой руки было 50 казаков из Шацка, 100 — из Рязьска, 200 — из Донкова, 150 — из Дедилова. Всего — 500 человек. В Передовом полку было 650 казаков из Плавы, Елифани и Новосила; в Сторожевом — 350 человек из Орла, Рыльска, Стародуба и Рославля; в полкулевой руки — 300 казаков. Всего же, судя по росписи, примерно пятую часть этой двадцатитысячной армии составляли служилые казаки⁴⁰.

Почти одновременно с казаками служилыми в летописях, а также документах начинают упоминаться казаки вольные или «воровские». На рубеже XV—XVI веков упоминания о

них встречаются уже довольно часто. Артели таких казаков появляются тоже главным образом в приграничной полосе, причем концентрируются в основном по течению трех крупнейших в восточной Европе рек: Днепра, Дона, Волги с их притоками. Вольные казаки не состояли по крайней мере постоянно на государственной службе. Они пополнялись главным образом за счет деклассированных элементов, беглых крестьян, холопов. Об этом многократно и торжественно объявляли Московское и Польско-Литовское правительства, подчеркивая тем самым, что за действия этих людей в приграничной полосе они не несут никакой ответственности. Это было правдой только отчасти, поскольку и Москва, и Краков имели достаточно серьезные рычаги влияния на вольные казачьи артели. Следует также подчеркнуть, что в число вольных казаков нередко попадали дети боярские, дворяне, порой даже князья. Сделать это было тем легче, что промысел вольных казаков не рассматривался тогда как постоянное на всю жизнь занятие. Однако большинство в вольных казачьих общинах оставляли все-таки простолюдины.

Главным промыслом вольных казаков было то, что на их не лишенном поэзии языке называлось походами за зипунами. Зипун они добывали, нападая на купеческие караваны, подчас и посольские, а также предпринимая более или менее отдаленные морские или речные экспедиции для ограбления наиболее подходящих с их точки зрения соседних городов и селений. Нередко казаки захватывали для продажи на невольничьих рынках пленников. Разумеется, что серьезным подспорьем были также охота, рыболовство.

Первые упоминания о казаках такого рода, встречаются в связи с описанием событий на Дону, на Украине, а также в княжестве Рязанском, границы которого простирались тогда вплоть до Дикого поля. Сохранился довольно любопытный документ, относящийся к 1502 году, который иллюстрирует не декларативное (предназначенное для заграничного употребления), а действительное отношение Московских государей к вольным казакам. Речь идет о наказе, который дал Иван III, провозжавшему турецкого посла Алакоза через рязанские земли и Дон сыну боярскому Ф. Пестрику. «А се Пестрику молвити на Рязани от великого князя великой княгине Огрофене. Говорити от великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Пестрику Иванову сыну Ларионова великой княгине Огрофене. Князь велики велел тебе говорити: отпустил семи отселе судном посла турецкого Алакоза; и здесь

ми бил челом, чтобы мне ему освободити на Рязани наняти казаков рязанских десять человек, которые бы на Дону знали. И ты бы у Олакозя десяти человеком освободила нанятись казаком, а не лутчим людем, а лутчих бы еси людей и середних и черных торговых на Дон неотпущала ни одного человека, того для: занеж твоим людем служилым, боярам и детем боярским и селским людем служилым, быти им всем на моей службе. А тем торговым людем, лутчим и середним, и черным, быти им у тебя в городе. А заказала бы еси своим людем лутчим и середним, и молодым накрепко, чтобы ныне на Дон не ходили, а ослушаетца, а пойдет кто без твоего ведома, и ты бы тех людей велела ворочати да их бы еси велела казнити. А уехал будет который человек на Дон без твоего ведома после заповеди, и которого у того человека остались на подворье жона и дети, и ты бы тех велела казнити; а не учнешь ты тех людей казнити, ино их мне велети казнити и продавати. А Пестрику еси приказал же тех людей ворочати и на поруку давати»⁴¹.

В этом наказе великого князя Московского Ивана Васильевича, кроме того, что он совершенно по-хозяйски обращается с княгиней Огрофеной (великой княгиней Рязанской Агрипиной), которая все-таки была как-никак суверенной государыней, обращает на себя внимание, во-первых, то, что Иван III проводит вполне отчетливые различия между лучшими, средними и черными людьми с одной стороны и казаками с другой. Казаки не относятся ни к одной из названных категорий и, как видно из контекста наказа, являются, по мнению великого князя Московского, чем-то неизмеримо хуже, чем люди лучшие, средние и черные.

Во-вторых, весьма характерен строгий запрет Ивана Васильевича кому-либо из служилых людей уходить самовольно на Дон в казаки. Причем, меры, которые Иван III требует от княгини Агрипины применять по отношению к таким ослушникам самые зверские: казнить не только самих провинившихся, но и их жен, детей. При этом великий князь Московский недвусмысленно заявляет, что в случае необходимости он не остановится перед грубым вмешательством во внутренние дела Рязанского княжества.

«А не учнешь ты тех людей казнити, ино их мне велети казнити и продавати», — так должен был говорить рязанской княгине Агрипине сын боярский Пестрик. Уже то, что великий князь считает необходимым применять столь жестокие меры свидетельствует в пользу предположения о значитель-

ном числе уходивших на Дон казаковать поданных рязанских, и видимо не только рязанских князей.

В-третьих, судя по наказу, казаковать уходила видимо не только голытьба, не имевшая ни кола, ни двора. Дворы и семьи у этих казаков были в Рязани, а возможно и в других городах Рязанского княжества. Если так, то по-видимому казакование было делом временным, скорее всего даже сезонным. Показавав молодцы возвращались домой в Рязань. Иван Васильевич, косвенно и намекает на это, говоря, что надо нанять казаков, знающих Дон.

В-четвертых, казакование было видимо делом достаточно выгодным. Иначе зачем бы понадобилось идти казаковать не только средним и черным, но и лучшим людям, а великому князю Московскому строжайшим образом запрещать им это делать.

Любопытно, однако, что, Иван III, заклеив всячески не только самих вольных казаков, но также и тех, кто им покровительствует или дает «потачку», тем не менее ничуть не затрудняется там, где речь идет о государственном интересе, сам пойти на сотрудничество с этими «ворами», наняв их для сопровождения посла. Не сомневается он и в том, что охотники среди казаков непременно найдутся.

Эта подробность из наказа открывает целый пласт взаимоотношений между «воровскими» или вольными казаками и государством. В сущности, несмотря на те или иные недоразумения, обе стороны всегда готовы были к сотрудничеству. Надо сказать, что и вообще в реальной жизни не было непродоходимой стены между казаками вольными и служилыми. Служилые городовые казаки нередко уходили к казакам вольным или по крайней мере охотно принимали участие в их предприятиях. С другой стороны, ватаги вольных казаков зачастую поступали на службу к князьям, причем, такого рода служба напрямую оплачивалась из государственной казны.

Необходимо отметить также, что по крайней мере в XVI — начале XVII веков довольно широкое распространение получила практика найма вольных казаков на службу честным лицам, прежде всего купцам для охраны караванов. Документы этого времени свидетельствуют о том, что следовавшие по Волге караваны зачастую имели у себя служивших за определенную плату судовых казаков⁴². Если же речь шла о людях особенно богатых, то задачи принятых на службу казаков отнюдь не ограничивались охраной товаров. Наиболее известный пример такого рода — Строгановы, наняв-

шие Ермака с его казаками для охраны и обороны их городков на Урале, а затем финансировавшие даже их экспедицию в Сибирь. Надо подчеркнуть, что казачий отряд Ермака был у Строгановых далеко не первым. Судя по тому, что составленный в 1572 году наказ воеводе князю М. И. Воротынскому и роспись полкам на случай нападения крымских татар требовала от Строгановых выставить в Большой полк тысячу казаков, вооруженных пищалями, их возможности в этом смысле были очень велики⁴³. Характерно и то, что государство не только разрешало частным людям иметь вооруженных по тогдашнему последнему слову венного искусства казаков, но и отводило им достаточно серьезную роль в своих военных планах.

В общем же документы, летописи и другие, относящиеся к XV—XVI векам источники, показывают, что к этому времени казачество превратилось уже во внушительную в военном отношении силу, которую не могли игнорировать ни частные люди, ни правительства таких крупных тогдашних государств, как царство Московское, Польша, Турция, Крымское ханство, не говоря уже о более мелких княжествах и ханствах.

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАЧЬИХ ОБЩИН НА ДОНУ И В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В сказаниях и легендах, которыми овеяна история казачества, как впрочем и в солидных научных трудах, наибольшей популярностью пользуются две общины — запорожская и донская. Конечно же это не случайно. Они несомненно самые знаменитые, самые прославленные казачьи общины. Им принадлежит выдающаяся роль в формировании и развитии казачества. К тому же они, если и не самые первые, как долгое время считалось, то по крайней мере относятся к числу первых крупных казачьих объединений.

В истории Запорожской Сечи и донского казачества чрезвычайно много общего. Это кажется удивительным, учитывая, что они возникли и довольно долго развивались не просто в разных, но даже враждовавших между собою зачастую государствах. По-видимому вражда враждой, а общих или сходных черт в средневековом Польско-Литовском государстве и в царстве Московском было значительно больше, чем обычно принято думать. Это и создало в них те уникальные, нигде больше не повторявшиеся условия, которые породили феномен казачества на Руси и на Украине, причем почти в одно и то же время.

§ 1. Казачество в Польско-Литовском государстве. Запорожская Сечь

Первые документальные сведения об украинских казаках относятся к концу XV века. В хронике Мартина Бельского при описании похода Яна Альбрехта (сына короля Казимира IV) против татар, вторгшихся в Восточную Подолью в 1489 году, отмечается, что польское войско могло успешно продвигаться в степях благодаря тому, что проводниками в нем были казаки, великолепно знавшие свои края¹. Фактически несмотря на многочисленные более или менее вероятные предположения о том, что казачество на Украине существовало уже в более ранние времена, это свидетельство средневекового хрониста первое по времени из известных сейчас ученым.

К девяностым годам относятся первые упоминания о казаках на Киевщине. В датированной 1499 годом грамоте великого князя Литовского Александра о взимании пошлины киевским воеводой говорится: «Который казаки зверху Днепра и с иных сторон ходят, водою на низ до Черкас и далей, а што там здобудут, с того со всего воеводе десятое мают давати; а коли рыбы привозят зверху, або з низу, просолный и вялын до места киевского, тоди мает осичник воеводин то осмотрети и обмитити и мает на город взяти от бочки рыб по шести грошей, а от вялых рыб и свежих десятое. А коли привезут до места киевского рыбу свежую, осетры, тогда не мают их целиком продавати, оли-ж мусить осичник от каждого осетра по хребтине взяти, а любо от десяти осетров десятого осетра»². Таким образом к концу XV века казачество не только появилось в укромных областях Польско-Литовского государства, но и получило видимо достаточно широкое распространение, чтобы вполне осознавалась потребность регламентировать его положение соответствующими законами.

Как и в Московском царстве термин «казак» в Польско-Литовском государстве встречался для определения различных хотя и сходных между собой явлений. Это вызывало в свое время даже очень острую дискуссию среди историков по вопросу о том, какие казаки «настоящие», а какие «не настоящие»³. Многие патриотически настроенные украинские и русские историки выражали сомнения можно ли к числу казаков относить довольно многочисленных ратных людей, поступавших на военную службу к польским, украинским и литовским панам, называвшихся казаками в польских документах, но зачастую бывших не русского, а явно польского происхождения.

Мы со своей стороны полагаем, что применительно к рубежу XV—XVI веков многозначность термина «казаки» неизбежна, так как она отражает по существу разные стороны процесса формирования казачества, разные источники и пути его пополнения, да и разное отношение современников к быстро увеличивавшемуся численно казачеству. В этом смысле опять-таки положение дел в Польско-Литовском государстве фактически ничем не отличалось от Московского. Что же касается национальной принадлежности казаков, то и в Московском государстве среди казаков были не только русские, а и татары, монголы, киргиз-кайсаки и т. д. Но то же самое было и на польско-литовской Украине, с той только разницей, что здесь между казаками было немало поляков, литовцев.

Однако и здесь подавляющее большинство казаков составляли русские. (В те времена украинцы и белоруссы фактически еще очень мало обособились от великороссов, считали себя, да и были на деле русскими).

В Польше, как и в Московском государстве в XV—XVI веках можно выделить три основные категории казачества. Во-первых, казаки вольные, не состоявшие на службе у государства или крупных панов, по крайней мере постоянно. Во-вторых, казаки, нанимавшиеся на военную службу к частным лицам (порой даже не нанимавшиеся, а обращенные в военную службу своими панами крепостные крестьяне). И, наконец, в-третьих, казаки, состоявшие на службе у короля. Позднее, их стали называть реестровыми. Соотношение между этими категориями казачества не было постоянным. Первоначально, видимо, преобладало вольное казачество. Число же казаков на панской или королевской службе стало быстро расти со второй половины XVI века, когда вполне отчетливо выявились военные достоинства казачьих отрядов и казачьей тактики.

Но, конечно, в польских документах и хрониках XVI века более подробно рассказывается все-таки о казаках на королевской службе, которые лучше контролировались правительством и были лучше известны хронистом. Уже к середине XVI века по вполне согласным между собой документам татарским и польским в пограничных со степью городках, замках размещались обычно более или менее крупные отряды казаков, находившихся на королевской службе.

Авторы средневековых польских хроник, говоря о казаках-служебниках, выделяют среди них нетягловых, т. е. освобожденных от повинностей и налогов за свою военную службу, и казаков тягловых, т. е. не освобождавшихся от повинностей и налогов. Так, в помеченной 1552 годом описи Черкасского замка прямо сказано о казаках-служебниках, что они «з местном не тянут, стацию и подвод не дают, закрываючися старостою». Характерно, что такие привилегированные казаки составляли тогда в Черкасском замке лишь незначительное меньшинство. Их было 27 человек, в то время как казачьих-тягловых, то-есть выполнявших повинности — 192⁴.

Казаки-служебники сводились обычно в более или менее крупные отряды (роты), которыми командовали назначавшиеся правительством командиры. Такого рода отряды или роты были в середине XVI века на Киевщине, в Подолии и других пограничных районах Польского государства. Как и

служебники из Черкасского замка эти казаки не несли никаких повинностей кроме военной службы⁵. Они даже получали от короля жалование⁶.

По крайней мере первое время речь шла о привлечении казаков на службы короне на временной основе. Лишь постепенно польское правительство приходит к мысли о необходимости создания постоянных казачьих формирований и вводит институт реестровых казаков. В 1572 году на основе универсала короля Сигизмунда Августа формируется первый отряд реестровых казаков, насчитывавший до трехсот человек. Король Стефан Баторий в 1578 году увеличил количество реестровых казаков в два раза⁷. Реестровые казаки несли сторожевую службу главным образом за днепровскими порогам, почему они и стали именоваться в правительственных документах «Низовым» или «Запорожским войском». (Их надо отличать от тоже нередко называвшейся «Войском Запорожским» вольной казачьей общины, сформированной в XVI веке). В конце XVI — начале XVII веков их число продолжало расти.

Реестровые казаки были самой привилегированной частью казачества в Польско-Литовском государстве, причем довольно хорошо оплачиваемой. Во время Ливонской войны Баторий платил им по 6 коп. литовских в год, не считая сукна на кафтаны. По тем временам это было очень высоко для наемника жалование. Не случайно, что даже среди рядовых реестровых казаков нередко встречались шляхтичи⁸.

Разумеется, что жалование было далеко не единственной формой оплаты услуг казаков, служивших польской короне. Порой правительство наделяло казаков за верную службу землей, причем даже с крестьянами. В таком случае они фактически уравнивались с природной шляхтой, если, конечно, не были сами шляхтичами по праву рождения.

Сейчас трудно определить насколько широко была развита практика подобных пожалований. Правда, среди украинских дворян, являвшихся в большинстве своем потомками казачьей старшины, вплоть до 1917 года хранилось великое множество документов о подобных пожалованиях польских королей их предкам. Но большинство из этих грамот — подделки, изготовленные уже в XVIII веке, в связи с работой, направленной в Малороссию комиссии по разбору дворянских прав. А. Я. Ефименко, который в конце прошлого века детально изучал проблему происхождения украинского дворянства, именно в этой связи отмечал, что когда перед укра-

инскими «панам» был поставлен вопрос ребром: либо представить документы, дававшие право на дворянство, либо лишиться сословных привилегий, в частности права владеть крепостными душами, то малороссийские дворяне решили проблему быстро, эффективно и сравнительно малыми деньгами. Комиссии представили соответствующие «документы» до ста тысяч малороссийских дворян. Между тем всего за 15—20 лет до того малороссийское панство в ответ на подобное, но не столь категоричное требование, заявляло, что у него документов нет, т. к. они растеряны через бывшие в Малороссии междоусобные брани и многочисленные войны⁹.

Разумеется, что в Польше, как и в Московском государстве, тоже не было четкой грани между казаками вольными, панскими и королевскими. Вольные нередко поступали на службу то к королю, то к панам. Служебники сплошь и рядом меняли хозяев. Делом сравнительно легким был даже переход королевских казаков на службу к иностранным государям. Например, вместе со знаменитым казачьим вождем князем Дмитрием Вишневецким на службу к Ивану Грозному перешла довольно большая группа казаков польского короля. Когда же они вместе с князем Вишневецким решили вернуться на королевскую службу, то польский король моментально принял их обратно. Он лишь распорядился, чтобы тех казаков, которые, будучи на русской службе, участвовали в разорении Очакова (принадлежавшего тогда туркам), отправили подальше от греха в Лифляндию. Чтобы не раздражать без особой нужды «цесаря Турецкого» и «царя Перекопского»¹⁰.

Но дело было, конечно, не только в том, что казаки легко переходили с одной службы на другую. Более сложная проблема заключалась в том, что даже служебники короны нередко вели себя то же, что и вольные казаки, особенно, если предоставлялся случай пограбить турецкие города или крымские улусы. В дипломатической переписке Польши с Турцией и Крымом, упоминания о подобных инцидентах встречаются постоянно. Причем польские короли, получая от султана или хана очередные жалобы на то, что «служебники его королевской милости» какие-либо новые «шкоды сотворили», даже и не пытались обычно спорить по существу турецко-татарских жалоб. Они лишь дипломатично указывали на то, что поданные «цесаря Турецкого» и «царя Перекопского» тоже ведь не безгрешны по части грабежа польско-литовских земель. Кроме того к казакам напрямую или через

старост пограничных областей направляли увещательные грамоты, в которых требовали чтобы татарских и турецких людей «ничем не зачепали и некоторые шкоды им не чинили»¹¹. Эффективность подобных грамот ни в коем случае не следует преувеличивать.

В XVI веке в Польско-Литовском государстве, пожалуй, даже в еще большей степени, чем в Московском, получает распространение практика создания казачьих отрядов на службе у частных лиц. Многие паны, формируют у себя такие отряды, с одной стороны, привлекая на службу вольных казаков, а с другой — превращая в казаков своих собственных крепостных крестьян. Первый отряд таких казаков упоминается в польских источниках еще под 1503 годом («Казак князь Дмитрия»¹²). Позднее становятся известными казаки князя Ружинского, князя Острожского, казаки Мировицкого и ряд других¹³. Именно в связи с такого рода отрядами бискуп Павел Пясецкий писал, что в Польше «вообще стали именовать казаками всех без исключения легковооруженных воинов независимо от того, состояли ли они на службе у короля, у магнатов или у шляхты»¹⁴.

Отряды польских казаков весьма широко использовались как для борьбы с татарскими набегами, так и для нападений на крымские улусы. В 1508 году отряд казаков брацлавского и виленского старосты князя К. И. Острожского разгромил татар, вторгшихся в пограничные области Литовской Руси¹⁵. В 1512 году отряд Острожского, вместе с казаками каменецкого старосты Предслава Ляндкоронского дал отпор татарской орде, разорвавшей южные области великого княжества Литовского¹⁶.

В 1516 году казаки Предслава Ляндкоронского, считавшегося тогда лучшим польским полководцем, ходили походом на Белгород (Аккерман), захватили большую добычу (множество лошадей, овец, крупного рогатого скота). По общению Мартина Бельского при возвращении домой казаки были настигнуты турецко-татарским отрядом у озера Овидова под Очаковым. В завязавшемся бою казаки наголову разбили противника, а затем уже беспрепятственно вернулись домой со своей добычей¹⁷.

Говоря о казаках на службе частных лиц надо отметить, что значительная часть из них была по-видимому связана с панями не только военной службой. Довольно большое число казаков проживало не на вольной, а на панской земле. Особенно много их было в южных и юго-восточных областях

Польско-Литовского государства. Эти казаки зачастую кроме ратной службы были обязаны своим панам выплачивать известные оброки или же выполнять в их пользу различные повинности. Относящаяся к 1546 году петиция граждан Винницы содержит упоминание о том, что паны брали с казаков, имевших 30 пчел, копу грошей «поклону»¹⁸. Таким образом принадлежность к панским казакам отнюдь не исключала возможность обычного крестьянского труда с выполнением обычных в пользу пана обязанностей.

Большую часть казаков в Польско-Литовском государстве составляли, как отмечалось выше, казаки вольные. Они не были на постоянной службе ни у короля, ни у панов, хотя время от времени подражались служить им по случаю той или иной военной кампании. Порой их услугами пользовались даже иностранные государи или претенденты на престол (например, Молдавский). Но большая часть походов предпринималась вольными казаками на свой страх и риск.

Общины вольных казаков, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких сот и даже тысяч человек, были обычно смешанными по своему составу. Рядовыми казаками и атаманами (гетманами) в них могли быть и бежавшие от своих панов холопы, и шляхтичи из лучших польских, литовских, русских фамилий. Эти общины были весьма непрочными объединениями, по крайней мере на первых порах. Они с великой легкостью объединялись в довольно крупные отряды для осуществления каких-либо предприятий и столь же легко распадались. Но постепенно среди этих почти эфемерных объединений выдвигается на первый план община вольных запорожских казаков — «лыцарей Войска Запорожского», как они себя называли.

Отряды и общины казаков: королевских, панских и вольных имелись в XVI веке практически по всему Польско-Литовскому государству. Однако большая часть их концентрировалась все-таки на южных и юго-восточных окраинах государства. Дело в том, что именно в этом направлении развертывалась в XV—XVI веках польско-литовская колонизация Дикого поля.

В этой связи надо подчеркнуть, что представление о колонизации как о движении прежде всего угнетенного и эксплуатируемого люда, стремившегося уйти от крепостной неволи, серьезно искажает реальную картину развертывавшихся в приграничной полосе событий. Изучение документов XV—XVI веков, касающихся колонизации Польшей Дикого поля

позволяет достаточно четко выделить два основных колонизационных потока. Первый — это несомненно шляхетская колонизация. В XV—XVI веках очень многие паны вместе со своими семьями, домочадцами, холопами, служебниками двинулись на восток и юго-восток осваивать «незаселенные» земли.

Конечно, незаселенными их можно было называть лишь с очень большой натяжкой, поскольку это были территории, принадлежавшие в прошлом Киевской Руси и русское население на них, несмотря даже на татарское нашествие продолжало сохраняться. С другой стороны, если брать формальный аспект проблемы, то земли эти в XV—XVI веках принадлежали несомненно крымским ханам по праву завоевания, с которыми только и считались тогда, да и много позднее. Речь шла, следовательно, о том, чтобы водвориться на принадлежавших другому государству землях, где имелось, правда, крайне редкое, но все-таки какое-то местное население.

Идеологическим обоснованием колонизационного движения была мысль о борьбе за христианскую веру (неважно в католическом, униатском или православном вариантах) от неверных мусульман. Эта мысль вовсе не была совершенно надуманной, как принято нередко изображать. Татарское завоевание, а позднее регулярно повторявшиеся хищнические набеги из Крыма несли разорение и гибель десяткам тысяч людей. Даже скупые на слова сообщения польских хронистов дают возможность представить размеры этого бедствия. Так, по свидетельству Мартина Бельского, в 1516 году татары напали на Червонную Русь и вывели оттуда около пяти тысяч пленных, в 1537 году угнали из Волыни 15 тысяч пленников, в 1575 году ограбили Червонную Русь, Волынь и Подолию и вывели 55 тысяч 340 человек; в 1589 году — новый татарский набег на Червонную Русь и Подолию; в 1593 году — набег на Волынь. Эти два последних набега сопровождались не только разграблением приграничных территорий, но опять-таки захватом полона, в том числе многих шляхтичей и членов их семей.

Современники этих набегов единодушно свидетельствуют о массовых зверствах, вторгавшихся в пределы Польско-Литовского государства орд, по отношению к мирным жителям. «Мы видели, как их убивали, обезглавливали, разбрасывали их отрубленные члены и головы; жестокий враг бро-

сил в огонь их трепещущие сердца, вырывал их легкие и обнажал внутренности». Неудивительно, что в массовом сознании людей борьба против татар, «нехристей» находила самый живой отклик и поддержку¹⁹.

Но это занятие было также делом выгодным. Возглавившие колонизационное движение на восток, волыньские, подольские и киевские магнаты князья Вишневецкие, Корецкие, Пронские и другие, получив королевские грамоты на владение громадными по размеру землями в приграничной полосе, а нередко и по другую сторону границы, набирали значительные по численности отряды служебников — по своему составу казацко-шляхетские; мечом отвоевывали эти «пожалованные» им земли, устанавливая на них собственные порядки. Так создавались громадные по масштабу личные и семейные состояния. На «Вишневецчине», например, которая по размерам своим равнялась многим европейским государствам, имелось в первой половине XVII века до сорока тысяч дворов. Подданные князей Вишневецких были преимущественно выходцами с запада, большей частью беглыми холопами, которых Вишневецкие весьма охотно принимали на своих землях, что обеспечило им в конечном счете огромные личные доходы²⁰.

Конечно владения Вишневецких даже и в XVII веке считались бесприцидентными по своим размерам. Однако и другие знатные фамилии в те годы сумели сколотить весьма крупные состояния. В крайнем случае «лупление» татар, «казакование» на востоке давало вместо новых имений звонкую монету или то, что в монету можно было легко обратить — захваченное в бою оружие, награбленный у мирных жителей скот, целые табуны татарских коней и т. д. Современник событий А. Лубенецкий пишет, что во время правления короля Августа в Литве появилось немало предприимчивой молодежи — князья Сенявские, Струси, Претвич, Замойские, Потоцкие, Збаражские, Заславские, Корецкие, Ружинские, а также другие шляхтичи, которые редко сходили с татарских полей. Они считали своего рода охотничьей забавой, продолжает он, ходить в поля лично или снаряжать туда свою челядь и подданных²¹. Шляхетская колонизация и шляхетские казачьи отряды сыграли весьма существенную роль в освоении Польшей земель в Диком поле.

Наряду со шляхетской развертывалась также плебейская или по польско-русской терминологии XV—XVI веков «хлопская» колонизация восточных районов. На восток на свобод-

ные или по крайней мере считавшиеся таковыми земли хлынули беглые хлопцы, мещане, выходцы из разных социальных слоев, искавшие здесь привольной жизни или добычи. Их интересы далеко не всегда совпадали, а порой были прямо противоположны интересам колонистов-шляхтичей. Поэтому нередко были конфликты между шляхтой и хлопами на осваиваемых территориях Дикого поля. Однако, в том, что касалось борьбы с татарами, захвата новых и защиты отвоеванных уже территорий общность интересов шляхты и хлопцов все-таки была на первом месте. Нужда заставляла объединяться. Посетивший в XVI веке казачьи земли Э. Лясота писал, что здесь каждый хлебопашец, «выходя на полевые работы, всегда имеет ружье на плече и саблю или тесак у пояса»²².

Хлопы — колонисты, даже собиравшиеся заниматься преимущественно сельскохозяйственным трудом, поневоле вынуждены были думать об обороне и устанавливали с этой целью соответствующие взаимоотношения с колонистами-шляхтичами. Панские замки при татарских набегах укрывали не только шляхтичей, но и все окрестное население. Защищались они тоже, разумеется, совместными усилиями шляхты и ее хлопцов, а также вольных казаков. Весьма характерно, что вплоть до 1569 года управление днепровскими казачками, составлявшими по существу передовой отряд колонизации приграничных районов, осуществлялось назначаемыми правительством старостами пограничных поветов, а после 1569 года специальными чиновниками (тоже утверждавшимися правительством), носившими название «старшего козацкого»²³.

Казакование тоже было тогда промыслом, в котором участвовали представители самых различных социальных групп и сословий: магнаты, шляхтичи, мещане, вольные крестьяне, бежавшие от своих панов хлопцы. Все они назывались общим названием «казаки», когда брали в руки оружие и отправлялись промышлять им, т. е. «казаковать».

То, что человек уходил в казаки тогда еще отнюдь не означало разрыв им семейных, сословных, социальных связей. Обычным и весьма распространенным методом воздействия правительства на вольных казаков было нажать на их родственников, остававшихся в своих домах. Стоило, например, осложниться из-за казачьих «шкод» отношениям между Польшей и Крымом, как в королевских грамотах, направлявшихся правительственным чиновникам в Киев, Черкассы и

другие украинские города, появляется весьма категорическое требование, обращенное к старшим и наиболее уважаемым жителям «абы отцове сынов своих на козацтво не выпускали»²⁴.

В середине XVI века в Польско-Литовском государстве весьма широкое распространение получило «казакование» шляхты. Более или менее крупные отряды, искавших военной добычи шляхтичей, объединялись подчас даже в целые армии для поступления на службу к иностранным государям или же для совершения вполне самостоятельного военного предприятия за пределами польских границ. Пример, тому — участие шляхетских казачьих отрядов в борьбе различных претендентов на Молдавский престол в 1574 году. Описание этого похода, составленное Леонардом Горецким, дает массу весьма характерных подробностей и деталей, касающихся «казакования» польской шляхты в XVI веке.

Первое, что в этой связи обращает на себя внимание — обилие отрядов, желавшей «казаковать» шляхты. Судя по сообщаемым Горецким сведениям, казачья армия, принявшая участие в войне за Молдавский престол на стороне одного из претендентов — Ивонии, состояла из пяти вполне самостоятельных шляхетских отрядов, первоначально собравшихся для обычного по тем временам похода за добычей. Они вначале собирались совершить набег на берега Днепра и Черного моря. Л. Горецкий и не думал это скрывать и затушевывать, поскольку такая цель считалась вполне почтенной.

Характеризуя состав отрядов Л. Горецкий подчеркивает, что казаки-шляхтичи «были люди, испытанные в бою и привыкшие к победам». Во главе казаков были проверенные в походах вожди. Первым отрядом, состоявшим из 600 человек, преимущественно из жителей Барского староства и брацлавян, командовал Иван Свирчовский (Свирговский, Свиртовский) — «муж опытный в военном деле и отличавшийся необыкновенною силою», — пишет о нем Л. Горецкий. По двести человек было в отрядах Козловского и Стуженского, по сто человек — в отрядах Янциуса и Соколовского. В целом казачья армия составляла таким образом 1200 человек, что по тем временам было очень немало, тем более, что речь шла об отборных воинах. Предводительствовал казачьей армией Свирчовский, которого Л. Горецкий называет «гетманом».

Необходимо отметить, что вопрос о составе армии Свирчовского был и остается дискуссионным. В середине прошло-

го века, когда работа Л. Горецкого была впервые опубликована, она вызвала довольно оживленные отклики историков, особенно украинских или тех, кто специализировался на истории запорожского казачества. Основываясь на материалах Л. Горецкого, Н. И. Костомаров написал даже монографию «Иван Свирчовский, украинский казацкий гетман XVI века». В этой и ряде других работ (причем, не только Н. И. Костомарова) довольно четко прослеживается тенденция к изображению участников казацкого отряда Свирчовского как обычного отряда запорожцев, в котором преобладали казаки русские или точнее украинские. Самого же гетмана Свирчовского считали едва ли не первым казачьим гетманом всей Украины, причем именно в том смысле, в каком этот термин употреблялся уже в XVII веке применительно, например, к Сагайдачному или Хмельницкому. Фактически это была попытка модернизации истории зарождения украинского казачества.

Однако, уже к концу XIX века оценки в этом смысле существенно меняются. Более тщательный анализ работы Леонарда Горецкого, а также других источников, относящихся к истории борьбы за Молдавский престол в 1574 году, вполне выявил несостоятельность отождествления шляхетских казачьих отрядов с запорожцами. Очевидно стало и то, что титул гетмана, применявшийся по отношению к предводителю казачьей армией Свирчовскому, использовался в ином, чем делалось это в XVII веке смысле. Но избавившись от одних крайностей историки тут же впали в другие. Например, в предисловии к первому выпуску такого действительно капитального издания как «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси» воины Свирчовского на том основании, что все они были польскими шляхтичами, настоящими казаками уже не считаются, а Свирчовского называют «мнимым казацким гетманом»²⁵.

Отметим в этой связи, что, строго говоря, сколько-нибудь убедительных доказательств того, что весь отряд Свирчовского состоял из одной лишь польской шляхты нет. Этот вывод сделан в сущности лишь на основе того, что те очень немногие фамилии казаков, которые упоминаются Л. Горецким, заканчиваются на «ий», да еще потому, что сам Горецкий называет в нескольких случаях казаков Свирчовского «поляками». Но известно, что фамилии на «ий» заканчивались не только у шляхтичей польского происхождения, а также у многих русских дворян, живших на территории Польско-

Литовского государства или даже в России. Что же касается названия казаков «поляками», то оно указывает собственно не на национальную принадлежность, а на принадлежность к Польскому государству. В этом смысле русскими, например, солдатами или казаками и сегодня сплошь и рядом называются солдаты и казаки, служившие в русской армии независимо от их национальной принадлежности. Поэтому вопрос о национальной принадлежности казаков Свирчовского, также как и вопрос о том все ли они были шляхтичи, остается открытым. Надо заметить, однако, что и раньше, и позднее при организации походов за добычей, казацкие атаманы меньше всего обращали внимание на национальность и происхождение людей, желавших в эти отряды записаться.

Участие казаков Свирчовского в войне за Молдавский престол крайне интересно прежде всего в том отношении, что это была не просто авантюра, участники которой думали лишь о том, чтобы поживиться, а нечто более сложное и именно с точки зрения политической. В это время противоречия между Польшей, с одной стороны, Турцией и Крымским ханством — с другой, были особенно остры, причем одним из главных узловых пунктов противоречий была именно Молдавия, где борьба за влияние практически никогда не прекращалась. В 1574 году считалось, что между Польшей и Турцией мир. Избранный за год до того польским королем французский принц Генрих Валуа (будущий французский король Генрих III), преследуя по-видимому в большей степени французские, чем польские интересы, не только отказал в поддержке ориентировавшемуся на Польшу Ивонии, но даже прямо запретил казакам Свирчовского принимать участие в этой войне. Ни малейшего внимания на королевский запрет казаки не обратили. С одной стороны каждый польский шляхтич — не важно был он польского, литовского или русского происхождения, считал себя вправе вести свою собственную внешнюю политику; с другой — предложение, которое сделал Ивония, было действительно очень заманчиво. Ивония готов был платить казакам столько, сколько они потребуют и к тому же расплачиваться не раз в полгода, как это было обычно принято, а ежемесячно или даже «хоть каждый день». Это не говоря уже об открывавшихся возможностях для вполне «законного» грабежа.

Необходимо отметить, что предлагая казакам столь выгодные условия Ивония вполне отдавал отчет в том, что дело стоит того. Речь шла о привлечении на военную службу от-

борных воиннов, к тому же до известной степени сочувствовавших политическим планам претендента на Молдавский престол. Встречая прибывших к нему казаков Свирчовского он между прочим заявил: «Хотя число вашего войска слишком незначительно в виду предстоящей опасности, тем не менее приход Ваш обнадежил меня более, чем присылка любого, вспомогательного отряда в 20 тысяч человек»²⁶.

Это был не просто комплимент. Казаки Свирчовского в ходе войны показали немалое мужество, воинское умение, как и присущие военным нравам своего века жестокость, неразборчивость в выборе средства. Например, поступив на службу к Ивонии, первое, что они сделали — направили разъезды казаков с целью захватить несколько турок и татар для того, чтобы выведать их планы. Правда, это делалось в условиях еще сохранявшего формально мира. Впрочем оправдания по этому поводу были наготове: «...хотя турки и татары, по-видимому, пребывали в мире с Польшею и, как казалось, дорожили им, тем не менее значительные скопища их врывались часто на Русь и в Подолию, причиняли значительные опустошения, и, при приближении военных отрядов, рассеивались и убегали домой», — писал по этому поводу Л. Горецкий²⁷. В общем-то это соответствовало действительности и до известной степени оправдывало действия казаков.

Свирчовский, его казаки отличились при штурме Браилова, после взятия которого убийства и грабежи продолжались в городе в течение четырех дней, пока не пришло известие о том, что к городу подходит пятнадцатитысячная армия турок. Навстречу ей Ивония направил восьмитысячную дивизию молдаван и казаков Свирчовского. Неожиданно напад на турок, они обратили их в бегство и преследовали до полного уничтожения. Лишь около тысячи кавалеристов спаслись бегством, но и их казаки вскоре догнали, рассеяли, а многих перебили. Много способствовала конница Свирчовского взятию Тегини, защитники и жители которого были также полностью перебиты без различия возраста и пола. Белгородскую же крепость (Аккерман) взял шестисотенный отряд, состоявший из одних казаков Свирчовского. По обыкновению крепость была сожжена, жители разграблены, а многие перебиты. Казаки же, пишет Горецкий, обогатились при этом значительною добычею²⁸.

Несмотря на ряд успехов, войска Ивонии и казаки без вооруженной поддержки со стороны Польши не могли, ко-

нечно, тягаться с турецкой армией, которая считалась тогда одной из лучших в мире. Война была проиграна, Ивония предательски убит обещавшими сохранить ему жизнь турками. Свирчовский и еще некоторые казаки (около тридцати человек) попали в плен. Их вылечили от ран и отправили гребцами на галеры. Лишь позднее казаков удалось выкупить из плена и они вернулись домой.

Официальное невмешательство в войну польского правительства не спасло страну от мести султана. В октябре 1575 года он, не объявляя официально войны, отправил в набег на русские области Польши одиннадцатитысячную армию крымских татар. Л. Горецкий сообщает по этому поводу, что вторгнувшиеся татары совершенно разорили громадные районы страны в полосе до 40 миль от границы. Были перебиты многие шляхтичи и простолюдины, еще больше было взято в плен и угнано татарами. Польское войско пыталось перехватить татар у Киева, чтобы освободить пленных и отнять захваченную врагом добычу. Однако и это не удалось, т. к. татары, обманув преследователей, увели свое войско и пленников в Молдавию.

Правда, возмездие за набег последовало незамедлительно. Днепровские казаки под предводительством Богдана Ружинского ворвались во владения крымского хана и опустошили их огнем и мечом. Мсть вершилась по принципу «око за око, зуб за зуб». «Женщинам резали груди, многих лишили глаз, убивали детей». Встреченных же пленных казаки освобождали, писал Л. Горецкий²⁹. Упоминаемые им днепровские казаки принадлежали к числу «лицарей Войска Запорожского».

Запорожцы несомненно пользовались наибольшей популярностью среди казаков Польско-Литовского государства. Это однако не мешает оставаться вопросу о начале Запорожского войска крайне запутанным и во многом неясным до сих пор. Обстоятельства, при которых начали формироваться казачьи общины за порогами Днепра, по существу неизвестны, поэтому даже наиболее прославленные историки ограничивались на этот счет догадками, более или менее вероятными. Н. М. Карамзин полагал, что начало Запорожскому войску положили люди, бежавшие от притеснений во времена татарского нашествия или вскоре после него³⁰. Г. Ф. Миллер связывал появление первых казаков в этих местах с польским завоеванием юго-западной Руси и относил начало этого яв-

ления к сороковым годам XIV века³¹. Высказывались и другие точки зрения.

Достоверно же известно лишь то, что упоминания о казаках за порогами появляются в документах и польских хрониках в конце XV — начале XVI веков. Трудно сказать на каком из островов появились первые казаки. Но по-видимому постоянных поселений у них первое время не было и они переносили свое место пребывания с одного острова на другой. Запорожские казаки размещались последовательно на островах Хортица, затем Томаковка, потом Микитино, Чортомлык и на ряде других³². Мартин Бельский сообщал, что к сороковым годам XVI века у казаков за порогами имелась уже известная организация, представленная «Кошем», а также укрепления на островах. Остров, называемый Томаковкой, писал М. Бельский, служит казакам «сильнейшей крепостью на Днепре»³³. Эти сообщаемые М. Бельским сведения и являются фактически тем немногим, что достоверно известно о начале Запорожской Сечи.

Надо сказать, однако, что уже сама неясность многих вопросов, связанных с историей возникновения Запорожской Сечи, в сочетании с громкой славой ее в конце XVI—XVII веках породили большое количество романтизированных легенд, призванных облагородить, казавшуюся их сочинителям слишком уж грубой действительность. Смысл этих легенд в том, чтобы представить запорожскую общину в виде некоего подобия военно-рыцарского ордена, созданного лучшими представителями шляхты Польско-Литовского государства во имя борьбы с неверными. Концентрированное выражение этой версии дано А. И. Никольским, который писал: «Внутреннее устройство Запорожской Сечи во многом отличалось от быта других вольных казачьих общин. Польские и литовские дворяне XVI века считали себя преемниками германских средневековых рыцарей в деле защиты христианской веры и борьбы с неверными. Воодушевляемые этими воззрениями, устроители Запорожской Сечи — первые Малороссийские гетманы (Евстафий Дашкевич, князь Предслав Лянцкоронский, князь Дмитрий Вишневецкий, князь Евстафий Ружинский, Венцеслав Хмельницкий), принадлежавшие к литовскому и польскому дворянству, организовали ее на началах рыцарских орденов, причем примером и образцом мог служить действовавший еще в то время в Литве и Польше орден тевтонских рыцарей. Таким образом, на смену средневековых рыцарей выступили на историческую сцену рыцари

польские, а за ними и «лыцари» Запорожские. Сечь была военной общиной, состоявшей из вольных людей, связанных обетами веры, братства и безбрачия»³⁴.

Итак орден польско-литовских рыцарей, одушевленных идеей борьбы за христианскую веру.

Действительность, которая вырисовывается из сообщений средневековых авторов выглядит гораздо проще и не столь романтично. Вот как описывал М. Бельский жизнь, быт и занятия запорожских казаков: «Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на Низу Днепра ловлею рыбы, которую там же, без соли, сушат на солнце и тем питаются в течение лета, а на зиму расходятся в ближайшие города, как-то: Киев, Черкассы и другие, спрятавши предварительно на каком-нибудь днепровском острове, в укромном месте, свои лодки и оставивши там несколько сот человек на курене, или, как они говорят, на стрельбе. Они имеют и свои пушки, частью захваченные ими в турецких замках, частью отнятые у татар. Прежде не было много казаков, но теперь их набралось до несколько тысяч человек; особенно много их увеличилось в последнее время. Они причиняют очень часто большую беду татарам и туркам, и уже несколько раз разрушали Очаков, Тягинку, Белгород и другие замки, а в полях немало брали добычи, так что теперь и турки, и татары опасаются далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как они прежде пасли, также не пасут они скота нигде и по той (левой) стороне Днепра на расстоянии десяти миль от берега. Казаки нас наиболее ссорят с турками; сами татары говорят, что если бы не казаки, то мы могли бы хорошо с ними жить; но только татарам верить не следует: хорошо было бы, чтобы казаки были, но нужно, чтобы они находились под начальством и получали жалованье; пусть бы они жили на мысах и на днепровских островах, которых там так много и из которых некоторых столь неприступны, что если бы там засело несколько сот человек, то самое большое войско ничего бы с ними не сделало»³⁵.

Как видим это свидетельство М. Бельского, хрониста весьма добросовестного и по крайней мере стремившегося сообщать лишь то, что он действительно считал истиной, очень мало согласуется с представлением о Запорожской Сечи, как о преимущественно шляхетском по своему составу рыцарском ордене. Судя по М. Бельскому едва ли не главным занятием запорожцев была рыбная ловля, причем явно не для развлечения, а для собственного пропитания и возможно для про-

дажи. Не случайно же и князь Александр в упоминавшейся выше грамоте так заботился о взимании с казаков пошлин за привезенную на продажу рыбу. Зачем бы это «золотой молодежи», ставившей перед собой задачу борьбы с неверными, так много заниматься столь прозаическим делом?

Нет, по-видимому речь шла отнюдь не о представителях «золотой молодежи» из лучших шляхетских семей, сражавшихся исключительно «за идею», а о людях, которым приходилось вести борьбу за свое существование в самом буквальном смысле этого слова. Промышляли рыбной ловлей и охотой, промышляли «луплением» татар, поступали, чтобы прокормиться, на военную службу, если им ее предлагали. Все это очень мало напоминает уклад жизни в средневековом рыцарском ордене, хотя бы в том же Тевтонском.

Конечно, независимо от того, кто шел в запорожские казаки и какие цели преследовал, само существование Сечи объективно укрепляло Польско-Литовское государство, ослабляло его противников. Именно об этом в сущности и писал М. Бельский, отмечая: если татары замечают, что на островах Днепра сторожат казаки, то «не так смело переправляются на нашу сторону», потому, что казаки могут препятствовать переправе татарского войска через Кременецкий и Кучманский броды, которыми оно обыкновенно переправляется³⁶. В целом М. Бельский несомненно удовлетворен тем, что запорожские казаки, хотя и ссорят зачастую Польско-Литовское государство с татарами и турками, все же защищают страну от этих ненадежных соседей. Он мечтал лишь о том, чтобы поставить казаков под соответствующее начальство. Собственно этого же хотело и польское правительство, стремившееся подчинить казаков своему влиянию, когда увещеваниями и подарками, а когда и репрессиями.

Например, когда черкасский староста Евстафий Дашкевич, которого многие историки не без известных оснований зовут одним из первых устроителей Запорожской Сечи, предложил в 1533 году на сейме проект сооружения на днепровских островах крепостей, где по его мнению следовало бы разместить гарнизоны с общей численностью до двух тысяч казаков, то он рассчитывал главным образом на добровольное согласие запорожцев. Проект был одобрен, но так и остался на бумаге за недостатком средств³⁷. Однако, уже один из ближайших преемников Е. Дашкевича — староста каневский и черкасский князь Михаил Вишневецкий, добиваясь, чтобы возвратились люди, самовольно ушедшие казаковать

в места, «которые ниже замков наших Черкас и Канева на Днепре суть» действовал, так сказать, увещательно, обещая не наказывать тех, кто добровольно вернется, а ослушников же, напротив, покарать³⁸. Казаки, правда, не обратили на это увещевание ни малейшего внимания. Зато в начале сороковых годов XVI века наместник великого князя Литовского Андрей Пронский, уже не полагаясь на увещевания, прямо запрещал ставить «городцы» ниже Черкасс (на реке Орели и двух Тясминах). Черкасцы жаловались на него великому князю³⁹. А впрочем, пока суть да дело, тоже не очень-то считались с этими запретами. Свидетельство тому — относящиеся именно к этому времени сообщения М. Бельского о казачьих городках за порогами. Как видим, когда речь шла о том, чтобы заставить казаков за порогами сделать, что-либо противное их интересам, запреты правительственных чиновников были также мало эффективны, как и увещевания.

Иное дело, когда магнаты и королевские чиновники действовали с учетом интересов вольных казаков Запорожья. Такое тоже имело место. В подобных случаях знатные паны действительно оказывали весьма серьезное влияние на запорожских казаков. Летом 1556 года староста каневский и черкасский князь Дмитрий Вишневецкий (внук М. Вишневецкого) с отрядом своих казаков соорудил за порогами на острове Малая Хортица крепость, которую решил сделать опорным пунктом. Поддерживая видимость хороших отношений с Сигизмундом Августом, он сообщил Ивану Грозному через своего посланца атамана Михаила Есковича, что «от короля из Литвы отъехал» и просил, чтобы царь пожаловал его, «велел себе служить»⁴⁰.

Планы Д. И. Вишневецкого были смелы и обширны. Он предлагал Ивану Грозному поднять Украину на борьбу не только против татар и турок, но и против польских панов. Эти планы отнюдь не были такой уж безнадежной авантюрой, как принято обычно изображать. Влияние Вишневецкого среди казаков, да и на Украине вообще было громадным. В сочетании с симпатиями, которые русское население Польско-Литовского государства питало к Москве, это давало право надеяться на то, что призыв Вишневецкого будет поддержан. К тому же именно тогда враги, с которыми предстояло столкнуться, были особенно ослаблены. В Польско-Литовском государстве при последних Ягеллонах усилились центробежные тенденции, упал авторитет королевской власти. В Крымском ханстве, из-за продолжавшегося несколько лет голода

и падежа скота, резко снизилась боеспособность войск, начались, как водится в подобных случаях, внутренние распри. Крым и Польша вышли вскоре из этого кризиса, но именно тот момент, когда прозвучал призыв Д. И. Вишневецкого, был наиболее подходящ для борьбы с ними.

Это и доказал со своими казаками Д. И. Вишневецкий осенью 1556 года, напав на крепость Ислам-Кермен. Крепость была захвачена сходу, разграблена. Казаки увезли на Хортицу, кроме обычной в таких случаях добычи несколько пушек. Нападение на Ислам-Кермен вызвало немалый переполох в Крыму и в Стамбуле. Весной 1557 года Крымский хан Девлет-Гирей во главе армии лично явился к Хортицкому замку, чтобы примерно наказать казаков. 24 дня продолжалась осада крепости, но в конце концов так и не взяв ее татары повернули обратно⁴¹.

Между тем положение Д. И. Вишневецкого было явно незавидным. Ивану Грозному предложение казачьего вождя показалось нереальным. Уже шла подготовка Ливонской войны и воевать одновременно с Крымом сочли невозможным, тем более, что Крымского хана вполне могла поддержать Блистательная Порта. Присоединение же украинских земель серьезно сорило бы Русское государство с Польшей. Грозный ограничился поэтому приглашением Д. И. Вишневецкого к себе на службу. Причем замок на Хортице и другие украинские земли было предложено вернуть королю. Выступление Вишневецкого теряло всякий смысл. Казаки стали постепенно разбредаться. Вскоре и сам Вишневецкий ушел из замка, после чего татары захватили и разрушили его.

Д. И. Вишневецкий с группой казаков перешел на службу Московскому царю. Грозный дал ему Белев и вотчины в других районах страны. Д. И. Вишневецкому, вместе с последовавшими за ним на службу Московскому царю малороссийскими казаками, было предложено участвовать в малозначительных и по существу носивших разведывательный характер походах против Крыма. Они не дали и не могли дать скольконибудь существенного результата. Недовольный той ролью, которую ему предложили играть, князь Д. И. Вишневецкий вернулся вместе со своими казаками на королевскую службу, за что удостоился презрительного отзыва со стороны московского правительства. Русскому гонцу Андрею Клобукову было поручено говорить в Литве о князе: «притек он ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как

собака же, а государю нашему и земле убытка никакого не учинил»⁴².

В 1564 году Д. И. Вишневецкий с четырехтысячным казачьим отрядом направился в Молдавию завоевывать престол Молдавского господаря, но был изменнически захвачен в плен и казнен по распоряжению Турецкого султана⁴³. Так окончил свои дни этот несомненно преданный Украине и малороссийскому казачеству человек.

В связи с деятельностью князя Д. И. Вишневецкого среди ученых до сих пор не прекращаются весьма острые споры. Многие историки провозглашали его не только устроителем и «духовным отцом» Запорожской Сечи, но даже ее основателем⁴⁴. Другие столь же категорично объявляли его лютым врагом запорожского казачества, который даже замок на Малой Хортице построил главным образом для того, чтобы вредить запорожцам. Казаков же Вишневецкого и за казаков-то не считают, называя их служебниками князя⁴⁵.

Конечно же обе эти крайности очень мало согласуются с фактами. Д. И. Вишневецкий не мог быть основателем Запорожской Сечи уже по той простой причине, что она складывалась постепенно, а не вдруг, по чьему-либо приказу. Причем, как мы видим, первые упоминания о казаках за порогом на 60, а о Коше и укреплениях запорожцев на островах на 20 лет предшествуют деятельности Д. И. Вишневецкого. С другой стороны, версия о том, что Вишневецкий построил замок на Хортице именно для обуздания запорожцев базируется на такой шаткой основе, как письма Сигизмунда Августа Д. И. Вишневецкому и Крымскому хану, относящихся к весне 1557 года. В них действительно шла речь об этом⁴⁶. Но тогда Д. И. Вишневецкий еще лишь начинал переговоры с Иваном Грозным, лавировал, скрывал свои намерения и от польского короля, и от турок, и от татар. От Сигизмунда Августа он надеялся даже какое-то время получить оружие и боеприпасы для крепости на Малой Хортице или по крайней мере деньги для этого. Неудивительно, что в его обращениях к польскому королю было правды не больше, чем в любой дипломатической бумаге. Кстати, Сигизмунд Август, хотя и повторял со слов князя Дмитрия, Крымскому хану, что замок на Хортице построен вовсе не против татар и что князь Вишневецкий «казаков, которые при нем шкод вашим людям чинить не допустит»⁴⁷, сам в это не очень-то верил. По крайней мере ни пушек, ни людей, ни денег для укрепления замка на Малой Хортице он не дал⁴⁸.

Во всяком случае никаких враждебных действий против вольных казаков запорожских Д. И. Вишневецкий не предпринимал. Они видимо поддержали шаги князя против турок и татар, некоторые из них участвовали в укреплении и обороне замка на Малой Хортице. Об этом свидетельствует в частности то, что часть казаков, находившихся в крепости в 1557 году не считали себя служебниками князя Д. И. Вишневецкого, ушли от него сразу же после отражения войска Девлет-Гирея. Другие казаки не последовали с князем Дмитрием на Московскую службу за что и поплатились: вскоре после отъезда Д. И. Вишневецкого в Москву король приказал этих казаков арестовать⁴⁹. Наконец, и сам Сигизмунд Август писал, что вольные казаки Запорожья подчиняются князю Д. И. Вишневецкому⁵⁰.

Надо считать также и с тем неоспоримым фактом, что престиж князя Дмитрия среди казаков оставался чрезвычайно велик и после возвращения его с московской службы. Именно поэтому его продолжали бояться и турки с татарами, и королевское правительство. Мы знаем также, что ему удалось собрать четырехтысячную казачью армию для войны в Молдавии. В песнях, думах, преданиях украинского народа Д. И. Вишневецкий — один из самых популярных казачьих вождей, а его мученическая смерть всегда связывается с борьбой за Украину, православную веру и за интересы казачества.

В общем же князь Д. И. Вишневецкий, хотя и не был инициатором создания или устройством Запорожской Сечи, оказал на ее развитие громадное влияние и не только своей борьбой против турок и татар. Почти за сто лет до Переяславской рады он поставил вопрос об объединении Украины с Россией, причем в борьбе за это объединение сделал ставку именно на казачество.

Сложнее проследить влияние Д. И. Вишневецкого на организацию самой Запорожской Сечи, уклад ее жизни, казачьи обычаи и порядки. Все, что известно сегодня о характере и обычаях князя Дмитрия свидетельствует однозначно — по отношению к казакам он всегда был прежде всего магнатом, который мог иметь и имел казаков — служебников, заключал соглашения и сотрудничал с вольными казаками запорожскими, но никогда не считал их равней себе. В этом смысле он (как и Дашкевич, Ляцкоронский) коренным образом отличается от позднейших выборных казачьих гетманов, вроде Богдана Хмельницкого. Вишневецкий был союзником, вож-

дем, другом, покровителем запорожских казаков, но не одним из них. Поэтому его влияние на обычаи запорожских казаков ни в коем случае не следует переоценивать.

Вопрос о внутреннем устройстве Запорожской Сечи был и остается предметом довольно острых дискуссий. И если для одних авторов устройство и порядки, господствовавшие в Сечи были образцом подлинно демократически организованного общества⁵¹, то в изображении других они походили скорее на какую-то очень злую карикатуру на демократию⁵². Объясняются эти споры не столько порядками в Запорожской Сечи или недостатком источников, которые об этих порядках рассказывают, сколько идейными или политическими установками ученых и литераторов, прославлявших или же, напротив, разоблачавших казаков.

Анализ первоисточников, особенно свидетельств людей, побывавших в XVI веке в Запорожской Сечи, наблюдавших казачью жизнь и казачьи обычаи, говорит о том, что рассказы о демократических порядках среди запорожцев — не выдумка, не легенда. Разумеется, если говорить о демократии реальной, а не о том недостижимом идеале, которого никогда и нигде не бывает. Судя по единодушным свидетельствам современников, в том числе иностранцев и авторов, далеко не всегда благоволивших к запорожцам, все казаки в Сечи, по крайней мере теоретически были между собой равны. Главные вопросы, стоявшие перед общиной, казаки решали на общих собраниях, которые назывались в XVI веке «коло», а позднее «радой». Коло решало вопросы об организации военных экспедиций, избирало гетманов, кошевых и куренных атаманов и всю войсковую старшину: войсковых судей, писарей, есаулов, полковников. Все должности были выборными и все казачьи начальники были подотчетны общему собранию. Конечно, все это было значительно демократичней обычных тогдашних порядков в Польско-Литовском, а тем более в Московском государствах.

Значит ли это, что запорожские казаки непременно заимствовали устройство Сечи у рыцарских орденов? Это маловероятно. Во всяком случае ученым до сих пор не удалось обнаружить сколько-нибудь серьезные связи между запорожцами, которые были в подавляющем большинстве своем православными и членами каких-либо католических организаций, в частности рыцарских орденов — Тевтонского или Ливонского. К тому же вольные казачьи артели, промышлен-

шие в те времена на Дону, Волге, Яике, Тереке и других достаточно удаленных от Польско-Литовского государства местах управлялись на основе таких же в общем-то принципов, что и запорожцы. Установить же связи между рыцарями Тевтонского ордена и Ермаком или атаманом Нечаем с Яика тем более затруднительно.

Видимо дело было значительно проще. Демократические элементы, особенно в том, что касалось самоуправления прослеживаются как в Польско-Литовском государстве, так и на Руси в течение всего средневековья. В этой связи уместно вспомнить о традициях вечевой демократии в русских княжествах в домонгольскую эпоху, а фактически и много позднее. В Польше же именно XIV—XVI века принято называть лучшими временами шляхетских вольностей. Надо иметь в виду также, что даже в моменты наивысшего расцвета самоуправления в России (не говоря уже о Польско-Литовском государстве) сохранялись элементы сословного самоуправления, причем они касались не только дворян, но и мещан, и даже все более закрепощавшихся крестьян. Сельская община в России и в Польско-Литовском государстве даже под властью помещика сохраняла элементы самоуправления. Наконец, если говорить о влиянии на Запорожскую Сечь религиозных объединений, то не правильнее ли вспомнить вместо католических орденов православные монастыри, в которых тоже были сильны элементы самоуправления. Поэтому, отмечая демократизм порядков в Запорожской Сечи, отнюдь не стоит непременно выводить их из Ливонии.

Следует учесть и еще один момент. Вряд ли разумно переоценивать, а тем более идеализировать казачью демократию даже во времена ее наивысшего расцвета, какими несомненно были XVI—XVII века. Отмечая демократические черты в устройстве Сечи не следует забывать или затушевывать то обстоятельство, что фактического равенства между запорожцами не было, да и не могло быть. Относящиеся уже к XVI веку источники (не говоря о более поздних) вполне согласны между собой на этот счет. Начать с того, что казаковать в Запорожье уходили и крестьяне, и мещане, и шляхтичи, и порой даже князья. Они не были фактически равными по имущественному положению поскольку шляхтичи, например, и уходя казаковать сохраняли за собой имевшиеся имения, а мещане — дома с нередко значительным имуществом в Киеве, Черкассах, Каневе или каком-либо другом городе. Неодинаковым было общественное положение казаков поскольку

шляхтич оставался шляхтичем, князь — князем, мещанин — мещанином. Не было равенства по образованию, воспитанию и многим другим критериям.

Дело однако не только в неравенстве, связанном с происхождением или прежними занятиями казаков. Суть в том, что уже в XVI веке среди запорожцев довольно четко прослеживается, с одной стороны, слой зажиточных казаков, владельцев челнов, на которых казаки уходили в свои походы и рядовыми казаками: гольтьбой, чернью, как называли их средневековые авторы. Наконец, уже в XVI веке среди запорожцев появляется новая категория людей — джуры, которых одни авторы называют оруженосцами у казаков (наподобие рыцарских пажей), другие — рабами, но которые на деле были чем-то вроде кандидатов в казаки, учеников, людей подчиненных старым казакам и отнюдь не равных с ними даже в чисто формальном отношении⁵³.

Естественно, что фактическое неравенство накладывало весьма существенный отпечаток на весь уклад жизни в Запорожской Сечи. Эрих Лясота, моравский дворянин, ездивший в 1594 году по поручению австрийского императора Рудольфа II в Сечь, чтобы нанять запорожцев на службу к Гагембургам и лично наблюдавший за тем, как решается казаками вопрос о поступлении на императорскую службу, оставил любопытные на сей счет воспоминания.

Он отмечал, например, что по существу в войске было не одно, а два кола: «Одно, состоявшее из старшин, и другое — из простого народа, называемого чернью». Отношения между тем и другим были отнюдь не простыми и безмятежными. Э. Лясота повествует о том, как «чернь» после долгих совещаний выразила желание поступить на службу австрийскому императору и бросилась к старшине, «угрожая бросить в воду и утопить каждого, кто будет против этого мнения». Старшине ничего не оставалось делать, как согласиться на все условия черни.

Однако эта победа оказалась очень непрочной. Ночью по курениям пошли зажиточные казаки — владельцы челнов. Они ходили из хаты в хату и «смущали» простой народ, указывая на отдаленность и опасность пути, предостерегали, убеждая пораздумать о том, что они намерены предпринять, чтобы не расквашаться впоследствии. Успех этой агитации был полный. На следующее утро коло собралось вновь и вынесло решение о том, что идти в поход на условиях, предложенных посланцем римского императора, казаки никак не

могут. Пожалуй, агитаторы даже несколько перестарались, разъясняя опасности похода потому, что когда старшина некоторое время спустя (после новых увещаний и обещаний Лясоты) склонился к тому, чтобы принять предложение императорского посла, чернь уперлась. Пришлось зажиточным казакам во главе с есаулами и самим гетманом вновь уговаривать «чернь» изменить только что принятое решение. Гетман Богдан Микошинский, чтобы воздействовать на «чернь» даже булаву положил, после чего коло было прервано. Совершенно уже растерявшиеся казаки не знали, что делать и как им быть. Впрочем, старшина достаточно хорошо контролировала ход событий, которые по словам Э. Лясоты развертывались следующим образом: «После обеда есаулы снова созвали в коло народ, иных даже загоняли туда киями. Прежде всего собрание просило Микошинского принять обратно начальство, что он и исполнил...»⁵⁴. Записки Э. Лясоты — великолепная иллюстрация к вопросу о том, кто на общих собраниях запорожцев играл действительно решающую роль.

В конечном счете по ряду причин соглашение между казаками и императорским правительством не состоялось. Несмотря на неудачу своей миссии посол, однако, счел полезным не разрывать отношений с запорожцами, надеясь привлечь их на императорскую сторону хотя бы в будущем. Причина для этого была достаточно основательная: «содержание этого (т. е. казачьего — В. М.) войска обходится дешевле, нежели наемных солдат других народностей, так как их начальники довольствуются общими паями, не требуя больших окладов (что составляет обыкновенно не малую сумму). При том же они имеют собственную артиллерию и многие из них умеют обращаться с орудиями, так, что при них становится излишним нанимать и содержать особых пушкарей»⁵⁵.

Особого внимания требует вопрос о правилах приема людей в Запорожскую Сечь. Легенд на этот счет масса, причем, приведенные в работах некоторых историков они получили как бы статус стопроцентной истины. В наиболее концентрированном виде они даны в работах А. Скальковского и Д. Эварницкого. Д. И. Эварницкий выделяет следующие пять условий: быть вольным и неженатым человеком, говорить малорусской речью, присягнуть на верность русскому царю, исповедовать православную веру и пройти известного рода учение⁵⁶. Д. И. Эварницкий оговаривается, правда, что, например, первое условие часто обходилось казаками. Но это

рассматривается как нарушение правил — не более того. Сами же знаменитые пять условий или правил кочуют из книги в книгу в качестве едва ли не самого главного закона запорожцев.

В этой связи необходимо отметить, что никакой писанной или неписанной «конституции» в Запорожской Сечи, конечно, не было, да и обычаи, связанные с приемом казаков не оставались неизменными. Например, в XVI — первой половине XVII веков говорить о преданности Московскому царю (также как и польскому королю) в качестве обязательного условия не приходилось. Вообще надо отметить, что уже по самому существу дела запорожцам не приходилось быть слишком щепитильными при подборе своих товарищей относительно выполнения ими предписаний православной церкви, национальной принадлежности или даже соблюдения уголовных законов. Постоянные, хотя и вполне безуспешные требования королевского правительства не принимать в Сечь хотя бы людей, совершивших убийство, красноречиво свидетельствовали об этом. Иное дело, что в реальной жизни в Сечи действительно находили убежище по преимуществу русские, православные, которых было в Малороссии подавляющее большинство и, естественно, что общались они тоже на русском (малороссийском) языке. Но среди запорожцев было также немало татар, поляков, даже немцев, евреев, не говоря уже о великороссах с Дону или с западных областей Московского государства. Что же касается ученичества, то оно действительно практиковалось, хотя тоже не было обязательным условием вступления в Сечь.

Колоссальным преувеличением следует признать рассказы об аскетизме запорожцев, обете безбрачия или существовавшей будто бы обязанности непременно бросить свою семью при вступлении в Сечь. Все это базируется по существу на том, что в Запорожскую Сечь не допускались женщины. Но отсюда до обета безбрачия еще далеко. Ведь Запорожская Сечь не была строго говоря каким-то городом или населенным пунктом, а являлась скорее военным лагерем, поэтому и считалось, что женщинам здесь не место. Семейные казаки уходили в Сечь весной, а осенью возвращались в свои города и местечки. Не порывали связи с родственниками по-видимому и холостые казаки. Это хорошо знали и в Сечи, и за ее пределами. Э. Лясота, отвечая на рассуждения казачьей старшины о нехватке лошадей для похода, говорил: «я не сомневаюсь, что поднявшись вверх, по Днепру, они могут запа-

стись лошадьми в своих городах и селах, где они родились и выросли, и где у каждого были родные и знакомые»⁵⁷. Таким образом даже человеку сравнительно постороннему было прекрасно известно о постоянных связях запорожцев со своими родными и семьями.

Фактически среди запорожских казаков довольно четко, уже с XVI века прослеживаются две категории. Во-первых, это сечевые казаки. В подавляющем большинстве сечевики были либо молодые люди, неуспевшие еще обзавестись семьей, либо порвавшие брачно-семейные узы. Эти люди находились в Сечи годами, участвовали в военных и не только военных предприятиях Запорожской Сечи. Именно они выбирали из своей среды старшину, участвовали на коло в обсуждении главнейших вопросов жизни войска, наконец, они получали постоянное жалование (денежное и хлебное), а также свою часть военной добычи. Они жили по куреням, составлявшим по существу главную административную единицу в Запорожской Сечи. Это было запорожское «товариство» или «лыцарство» в узком смысле слова.

Наряду с сечевиками членами Войска Запорожского считались, да и были на деле, «зимовые казаки». Обычно это были семейные люди, проживавшие в Приднепровье, не особенно далеко от Запорожской Сечи в различных городах, местечках, на хуторах. Большинство из них имело свое, причем порой немало хозяйство, которое могло быть существенно увеличено благодаря участию в каком-либо военном предприятии. В Сечь они приходили либо по вызову, связанному с приближением татар или турок, либо по случаю подготовки к походу самих запорожцев. Сечевики относились к этим казакам несколько свысока, называли их «сиднями», «гнездюками», хотя превращение сечевика в «гнездюка» было самым обыкновенным делом. Надо подчеркнуть однако, что во время военных предприятий зимовые казаки пользовались с сечевиками равными правами, могли быть избраны есаулами, полковниками, атаманами. Порой зимовые казаки за свои высокие военные качества пользовались среди запорожцев большой популярностью и влиянием. Примером тому может служить Северин Наливайко и ряд других действительно выдающихся деятелей запорожского казачества. Надо отметить также, что зимовые казаки, занимавшиеся хлебопашеством, торговлей, различными промыслами, нередко основывали свое влияние среди запорожцев кроме личных боевых ка-

честв также на том, что имели весьма значительное имущество, позволявшее в случае необходимости ссужать деньгами, оружием, продовольствием, конями, челнами сечевых казаков, а иногда и славное Войско Запорожское в целом.

В случае, если Запорожское войско предполагало осуществить особенно крупные предприятия и возникало опасение, что сечевиков и зимовых казаков будет недостаточно, по городам и местечкам Малороссии, отправлялись по поручению запорожской старшины вербовщики. Они ходили по куреням, по базарам и ярмаркам, агитируя добровольцев. «Кто хочет за христианскую веру быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов претерпеть всякие муки за святой крест, кто не боится смерти — приставай к нам! Не надо бояться смерти: от нее не уберешься. Такова казацкая жизнь!». Так описывает процесс вербовки новых казаков П. А. Кулиш, быть может несколько излишне увлекаясь поэтической стороной дела⁵⁸. Во всяком случае агитация «лыцарей Войска Запорожского» давала нужные результаты. Желающих попытаться казацкого счастья в Малороссии было всегда достаточно.

В конце XV—XVI веках главным объектом военных предприятий запорожцев были несомненно татарские или турецкие владения. Русские летописи и польские хроники, также как и документы этого времени, вполне согласно свидетельствуют о той громадной роли, которую играли в жизни малороссийских казаков военные промыслы. Судя по дипломатической переписке с крымским ханом казаки с Киевщины предприняли еще в 1490 году поход под Очаков. В 1502—1503 годах они, спустившись лодками по Днепру до Тягинского перевоза, напали на татарский отряд и разгромили его. В 1524 году казаки пограбили Крым. В 1538 году — новые нападения казаков на Очаков.

В 1545 году «своевольные запорожцы» числом свыше 800 человек во главе с какими-то «старшими казаками» Карпом, Андрушей, Лесуном и Яцко напали на крымских людей, шедших в Москву. В том же 1545 году, когда татарский царевич Эмин-Гирей, направлявшийся с отрядом в Аккерман (Белгород), хотел переправиться через Днепр «козаки на него ударили, иных побили, а иных поймали, а сам (царевич) ледве втек до Бела города»⁵⁹.

В семидесятые годы XVI века в самый разгар борьбы за Молдавский престол (в которой участвовала казачья армия гетмана Сверчовского) прогремела слава о подвигах отряда

казаков под командованием атамана Фоки Покотила, который разгуливал на лодках по Черному морю, наводя ужас на жителей прибрежных татарских и турецких городов. Примерно в то же время на Черном море промыслял и другой казачий отряд во главе с атаманом Самойло Косткой (в некоторых источниках его называют Кушкой или Кошкой). Правда, Костке не повезло. После многих приключений он попался все-таки в плен к туркам и был 25 лет рабом на галере⁶⁰.

Блестящую страницу в истории Запорожской Сечи вписали походы под предводительством Б. М. Ружинского. Князь Богдан Михайлович Ружинский, происходивший по прямой линии от великого князя литовского Гедимина, «презрел, — по словам польского геральдика Папроцкого, — ...богатства и возлюбил славу защиты границ. Оставив временные земные блага, претерпевая голод и нужду, стоит он, как мужественный лев, и жаждет лишь кровавой беседы с неверными»⁶¹.

Вначале он организовывал казацкую польскую милицию, охранявшую границы государства, а затем перешел к низовым казакам, сделавшись их самым популярным тогда вождем. Слава о нем особенно прогремела в 1575 году, когда он, мстя за набег татар на Украину, организовал, как отмечалось выше, поход на Крым, завершившийся полным успехом.

После этого Ружинский со своими казаками вырвался на лодках в Черное море и, приставая к турецким берегам, захватывал селения, даже крупные города, грабил их, поголовно истребляя жителей. Овладев Синопом он разрушил его до основания, в Трапезунте поголовно уничтожил все местное население, прорвавшись к Стамбулу «взял под ним многия корысти»⁶². Он разрушил построенную турками в устье Днепра крепость Аслам-город, предназначенную для того, чтобы преграждать казакам вход в Черное море. При штурме крепости сам Ружинский погиб. Но слава о его походах против татар и турок гремела и много лет спустя. Даже в конце XVII века запорожцы, угрожая султану и крымскому хану, напоминали о походах Б. М. Ружинского, обещая повторить их, если понадобится.

Конечно, ни крымский хан, ни слутан не верили да и не могли верить в то, что запорожские казаки совершают свои предприятия совершенно без ведома правительства и пытались воздействовать на казаков через польского короля. Что из этого получалось можно видеть из такого примера. В 1584 году казаки разорили турецкий город Тягин; причем сделали это настолько усердно, что возмущили сверх меры даже ко

многому привыкшее уже правительство Блистательной Порты. Послав Стефану Баторию, бывшему тогда польским королем, очередную порцию требований унять запорожцев, турки для верности дела сочли полезным также ограбить у Адрианополя шталмейстера польского короля.

Назревал крупный международный конфликт и Стефан Баторий пошел на уступки. Он направил к казакам своего дворянина Глембоцкого с поручением уговорить не делать нападений на Крым. Выслушав королевский совет, казаки утопили Глембоцкого в Днепре. И хотя даже их тогдашний гетман князь М. Е. Ружинский был явно против, организовали в 1585 году даже не один, а два похода на крымские улусы. Командовал запорожцами в этих походах атаман Ян Орышовский. Походы были весьма удачны. Не говоря уже о прочем, казаки захватили больше 40 тысяч лошадей и разного скота. Но, побив и основательно пограбив татарские улусы, запорожцы сочли все-таки за благо послать к хану своих посланцев с предложением мира. Послы говорили хану: «Прислали нас атаманы днепровские, чтобы ты, государь, их пожаловал, с ними помирился и давал им свое жалование, атаманы же все и черкасцы тебе хотят служить: куда пошлешь, на своего недруга, кроме литовского короля, и они готовы». Конечно все это несколько напоминало шантаж. Но, с одной стороны, крымский хан при случае и сам точно также делал, с другой — унять казаков он в тот момент не мог. Поэтому хан отвечал посланцам: «атаманов и всех черкасцев рад жаловать, и как они будут мне надобны, то я им тогда свое жалованье пришлю, и они бы были готовы». Инцидент этот можно было бы считать исчерпанным, если бы казаки не ограбили вскоре Очаков, а затем еще 17 татарских селений⁶³.

Как относилось польское правительство к такого рода «шкодам» запорожцев, сплошь и рядом осложнявшим отношения короны с турками и татарами в самые неподходящие моменты? Очень неоднозначно. Все зависело от конкретной обстановки, постоянно менявшихся отношений Кракова со Стамбулом и Бахчисараем, а также от того, какими реальными возможностями воздействовать на казаков, обладало именно в данный момент королевское правительство. Поэтому времена полного попустительства сменялись лихорадочной деятельностью по приведению Запорожской Сечи к повиновению. Общая же тенденция по крайней мере во второй половине XVI века состояла в стремлении королевского пра-

Вительства усилить свое влияние на запорожцев, свой контроль за ними.

Если в начале и даже середине XVI века общее руководство или скорее надзор за казаками на Днепре осуществляли старосты поветов — Каневского, Черкасского, то на рубеже 60-х — 70-х годов предпринимается попытка поставить запорожцев (да и все низовое казачество) под юрисдикцию коронного гетмана. На основе принятого еще в 1569 году решения об учреждении должности подведомственного гетману особого королевского чиновника «козацким старшим» был назначен в 1572 году белоцерковский шляхтич Ян Бадовский. Его полномочия, по крайней мере судя по универсалу короля Сигизмунда-Августа, были довольно обширны: быть «старшим и судьей над всеми низовыми казаками с тем, чтобы он каждому, кто будет иметь дело до казаков и кто придет с Низу до замков и городов наших чинил бы над ним по справедливости»⁶⁴.

Еще активней пытался регулировать действия запорожских казаков король Стефан Баторий. Обеспокоенный «своеволиями лыцарей Войска Запорожского» и в особенности тем, что в Сечь резко увеличился приток беглых хлопов, король, с одной стороны, думал привлечь часть казаков на государственную службу, записав их в реестр, с другой, вернуть всех прочих в «первобытное состояние». В апреле 1578 года был издан королевский универсал, обязывавший киевского воеводу князя Острожского «сгонять низовцев с Днепра», а старост хмельницкого, барского, брацлавского, винницкого, белоцерковского, черкасского и каневского, оказать ему в этом посильную помощь. Всех захваченных в плен запорожцев предписывалось безжалостно казнить⁶⁵.

Баторий настолько увлекся борьбой со своевольными запорожцами, что даже сделал крымскому хану совершенно беспрецедентное в своем роде предложение о совместном татарско-польском нападении на Сечь. Если такое нападение не состоялось, то только потому, что отказался хан, опасаясь слишком уж больших трудностей.

В общем же все старания польского короля уничтожить запорожскую казачью общину провалились. Запорожцы сопротивлялись решительно и умело. Направленные в 1578 году против низовых казаков лубельский воевода Ян Тарло и другие польские чиновники, по дипломатичному выражению М. Бельского «успеха не добились». Часть запорожцев ушла

в Московское государство, что было для короля и невыгодно, и опасно. В связи же с приближавшейся войной против Московского государства войны, а тем более такие умелые, как запорожские казаки, ценились на вес золота, Стефан Баторий и вообще был вынужден оставить казаков в покое⁶⁶. Он даже приказал польскому гетману Христофору Радивилу срочно нанять полторы тысячи казаков на службу и отправить их к московским границам⁶⁷. В конечном счете вся эта направленная против запорожцев кампания не дала фактически никаких других результатов, кроме роста недовольства правительством у запорожцев.

Практически с момента своего зарождения казачество Малороссии считалось (да и реально было) тем ядром, вокруг которого в периоды обострения национальных или социальных противоречий стремились объединиться оппозиционные элементы. Польские хронисты отмечают, что еще в 1490 году в Галиции имело место крупное крестьянское восстание под предводительством Мухи, которого относящиеся уже, правда к XVII веку источники называют казаком. Повстанцы, насчитывавшие по разным подсчетам от 9 до 10 тысяч человек, громили панские усадьбы, убивали панов. Лишь с большим трудом правительству удалось одолеть восстание⁶⁸.

В XVI веке резко усиливается эксплуатация крепостного населения. Достаточно сказать, что если в 1481 году крестьяне церковных имений отрабатывали с лана 1 день в неделю, а в 1503 году — два дня, то уже в 1581 году — шесть дней, а четверть века спустя, в 1603 году — двадцать четыре дня с лана в неделю (т.е. 6 дней в неделю должен был отработать уже не один, а четыре человека). Увеличиваются натуральные и денежные оброки. При чем нередко польские паны особенно в конце XVI — начале XVII веков стремились разложить повинности и подати на казаков. Это естественно вызывало резкие протесты.

Надо иметь в виду также, что образование Запорожской Сечи практически совпало по времени с усилением в Польско-Литовском государстве притеснений русского православного населения. До объединения Польши и Литвы большинство западных русских земель входило в состав Литовского государства, в котором русские играли весьма существенную роль. Русский язык был языком официальных документов в государстве, православная церковь занимала фактически господствующее положение, многие князья, в том числе и великие Литовские князья были православными. Со времени унии

между Литвой и Польшей (в 1386 году) положение русского населения начинает меняться в худшую сторону, что связано с усилением роли католической церкви, настроенной весьма воинственно по отношению к русским «схизматикам». Впрочем до открытых гонений вначале дело (по крайней мере в княжестве Литовском) не доходило. Но по Люблинской унии (1569 года) вся южная Русь, т. е. нынешняя Украина переходила к Польше. С этого момента разворачивается кампания по ополячиванию и окатоличиванию русских. В такой обстановке православное русское население Польско-Литовского государства пытается найти опору и защиту от гонений в казачестве, особенно в запорожском. Это естественно поскольку Запорожская Сечь формировалась преимущественно из малороссов, причем многие уходили казаковать, чтобы спастись от угнетения. Учитывая, что Запорожская Сечь представляла собой значительную военную силу, ситуация на Украине в конце XVI века была действительно взрывоопасной.

Роль казаков в выступлениях, конца XVI века неоспорима. В 1591 году на восточной Украине вспыхнуло восстание под руководством Крыштофа Косинского. Восставшие, ядром которых были запорожские и часть реестровых казаков, захватили Белую Церковь, Триполье, Переяслав, осадили Киев. Два года бушевало на Украине это восстание, во время которого повстанцы, по словам коронного гетмана Станислава Жолкевского, были объаты «таким упорством и стоеволием», что не смотрели уже «ни на бога, ни на короля, ни на что другое»⁶⁹. Лишь предательское убийство во время переговоров предводителя восстания и помощь крымского хана, который пользуясь отсутствием в Сечи осаждавших Киев казаков захватил и разрушил ее, дали возможность польскому правительству подавить выступление. Огнем и мечом «замирили» Украину. Однако ненадолго.

В 1594—96 годах разразилось восстание, во главе которого встал Северин Наливайко. Начав самую настоящую войну против панов и правительства, Наливайко обратился за помощью к запорожским казакам. Они поддержали восстание. Повстанческое войско овладело не только многими районами Украины, но и проникло в Белоруссию. Лишь мобилизовав все силы Польско-Литовского государства и сумев привлечь на свою сторону часть запорожской старшины, польскому правительству удалось подавить восстание. Захваченный в плен Наливайко после 3-х месячных пыток был казнен. Польский сейм, объявивший участвовавших в восстании казаков «пре-

дателями и врагами Отечества», постановил конфисковать казацкие земли. 1 сентября 1596 года был издан королевский универсал, приписывавший шляхте Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств истребить продолжавших сопротивление казаков, а на будущее пресекал все попытки поданных уйти в Запорожье⁷⁰. Конечно, такие вещи легче было написать, чем осуществить. Несмотря на репрессии малороссийское казачество продолжало свое существование.

Специального рассмотрения требует вопрос об отношении Запорожской Сечи, а в широком смысле и малороссийского казачества вообще, к Московскому государству. Во второй половине XVI века этот вопрос был особенно актуален, учитывая усиление гонений на русское, православное население в Польско-Литовском государстве. Если и раньше значительная часть украинцев и белоруссов в той или иной степени тяготела к Московскому государству, то после Люблинской унии настроения такого рода значительно усилились. Московское правительство, стремилось использовать их в своих видах.

Благодаря этому в семидесятые — восьмидесятые годы XVI века запорожское казачество, не порывая формально с польским королевским правительством, устанавливает совсем особые отношения с Московским царством. Запорожские казаки нередко участвуют в военных предприятиях русских войск, причем царь Иван Грозный настолько уверен в их симпатиях к Русскому государству, что, отправляя отряды ратных людей против крымских татар, заранее приказывает своим воеводам привлекать к выполнению царевых поручений запорожцев.

В марте 1556 года Иван Грозный получил сведения о том, что крымский хан собирается вторгнуться со своей армией в русские пределы. Чтобы отразить нападение царь приказал готовить армию у Серпухова, оттуда вести ее на Тулу, а из Тулы — в степь, с тем, чтобы своевременно перехватить крымское войско. Одновременно он приказал своему дьяку М. И. Ржевскому, взяв с собой путивльских казаков идти на Днепр, а там привлечь на свою сторону запорожцев и вместе с ними воевать крымские улусы, добывать языков, собирать сведения о крымском царе. Расчет Грозного на поддержку малороссийских казаков полностью оправдался. К отряду Ржевского действительно присоединились до 300 казаков из Канева. Вместе с ними Ржевский совершил по Днепру поход до Ислам-Керменя и дальше до Очакова, побил довольно

много татар и турок, разгромил направленные против него турецкие отряды и благополучно вернулся назад с захваченными пленными и добычей. Поход Ржевского произвел громадное впечатление не только в крымских владениях, где московские ратные люди появились впервые, но и в Польско-Литовском государстве⁷¹.

В 1559 году восьмитысячному отряду московских ратных людей под командованием окольного Д. Адашева (брата любимца Ивана Грозного) было поручено совершить новую экспедицию по Днепру. Отряд Адашева, совершив смелый рейд, вышел в устье Днепра, захватил два турецких судна. Затем русские воины опять-таки совместно с казаками совершили нападение на Крым, разгромили многие татарские улусы, навели ужас на подданных крымского хана, освободили пленных христиан и невредимыми вернулись назад⁷².

Экспедиции русских войск по Днепру показали готовность местного населения, особенно же малороссийских казаков, поддержать Московское государство. Однако благоприятное для присоединения Украины и борьбы с Крымом время было упущено, началась Ливонская война, в которой несмотря на все предосторожности Ивана Грозного Польско-Литовское государство выступило в конечном счете против России.

С началом Ливонской войны король Стефан Баторий принял меры для привлечения казаков в армию, воевавшую против России. Сделать это было тем легче, что и прежде малороссийские казаки по своей политической ориентации не представляли чего-то однородного. Да и настроения их менялись не так уж редко в зависимости от разных обстоятельств. Нападая на турецких, татарских купцов и послов малороссийские казаки не оставляли своими заботами и русских. В 1568 году часть казаков под командованием атаманов Андруша, Белоуса, Карпа и Лесуна, обосновавшись на Днепре ниже города Черкасс, промышляла нападениями на турецкие и татарские караваны. В то же самое время другие казаки под предводительством атамана Андрея Ляха, заняв удобную позицию на Днепре выше Кодацкого порога, напали на московских гонцов. Именно они захватив московского гонца Змеева, ехавших с ним крымского посланца и купцов, перебили 30 купцов, а троим отсекли руки — по официальной версии за то, что эти купцы покупали в Москве литовских пленников⁷³.

Участвуя в Ливонской войне на стороне Польско-Литовского государства, малороссийские казаки, выражаясь мягко,

не покрыли себя воинской славой. В начале 1568 года, осаждая под командованием гетмана Ходкевича (вместе с поляками) московскую крепость Улу они, по словам гетмана, добывав до окружавшего крепость рва, тут же повернули назад. Надо сказать, однако, что точно так же поступили и поляки⁷⁴. По-видимому дело здесь было вовсе не в национальной солидарности.

Как бы там ни было, а значительная часть малороссийских казаков сражалась в составе польско-литовской армии в течение всей Ливонской войны. Да и после того, как она закончилась, имели место весьма серьезные инциденты, связанные с нападениями украинских казаков на русские города и села, например, захват и уничтожение Воронежа казаками запорожского атамана Потребацкого⁷⁵. Но в общем влияние Москвы на Украину среди казаков в конце XVI века было довольно велико. Не случайно, что когда австрийскому правительству понадобилось нанять на службу запорожских казаков, то оно обратилось не в Краков, а в Москву, причем московское правительство направило в Запорожскую Сечь своего посланца Василия Никифоровича, который и оказал посреднические услуги представителю австрийского императора Э. Лясоте⁷⁶. Конечно, такого рода отношения несколько не мешали многочисленным «недоразумениям» между московским правительством и запорожскими казаками. Наиболее ярко это проявилось в Смутное время в начале XVII века.

§ 2. Формирование донского казачества

Разные версии существуют по вопросу о том, когда и при каких обстоятельствах зародилось донское казачество. Если из них отбросить совершенно уже фантастические — вроде попыток доказать происхождение донских казаков от парфян или амазонок, то наиболее популярными следует признать три точки зрения.

Первая берет свое начало еще от Н. М. Карамзина, который, касаясь вопроса о происхождении донских казаков, писал: «Нет сомнения, что они же назывались прежде Азовскими, которые в течение XV века ужасали всех путешественников в пустынях Харьковских, Воронежских, в окрестностях Дона; грабили Московских купцов на дороге в Азов, в Кафу; хватали людей, посылаемых нашими Воеводами в степи для разведывания о Ногаях или Крымцах, и беспокоили набегам Украиню»¹. Н. М. Карамзин при этом подчеркивал, что

азовские казаки — беглецы из Русского государства, искавшие в казачьей жизни вольности или в крайнем случае легкой добычи.

Другую точку зрения наиболее четко сформулировал С. М. Соловьев. Смысл ее заключается в том, что донские казаки — это те же рязанские, только перешедшие на Дон и принявшие новое наименование².

Поскольку первые упоминания об азовских и рязанских казаках относятся к XV— началу XVI веков, то обе эти точки зрения близки по крайней мере в том, что касается времени зарождения донского казачества.

Представители третьей точки зрения склонны датировать зарождение казачества Дона временами, предшествовавшими монголо-татарскому нашествию. С большей или меньшей степенью категоричности они утверждают, что предками донских казаков были упоминаемые в русских летописях XII—XIII веков бродники. П. В. Голубовский формулировал эту мысль очень осторожно. «Бродники есть община, выработавшаяся из остатков Подонского населения. Это был прототип казачества», — писал он сто с лишним лет назад в своей монографии «Движение и жизнь народов степной полосы до татарского нашествия»³. Казачьи историки-эмигранты, особенно активно разрабатывавшие вопрос о бродниках в середине нашего века, писали гораздо категоричнее. И. Ф. Быков в своей «Истории казачества» посвятил бродникам целую главу, которую назвал «Бродницкая (казачья) народность во время владычества половцев в степной полосе (1094—1240 гг.)». В ней он вполне определенно указывал место размещения бродников в бассейне Дона, Северного Донца и их притоков. И. Ф. Быков называл бродников даже не предшественниками, не предками донских казаков, а уже собственно донскими казаками⁴. Сегодня эта точка зрения весьма популярна.

Довольно длительная, а подчас и шумная полемика по вопросу о происхождении донских казаков не привела, к сожалению, к выявлению за последние сто лет дополнительных данных, проливающих свет на этот вопрос. Одно время надеялись, правда, прояснить его с помощью данных археологических исследований. Но анализ известных ранее и открытых за последние годы предметов из христианских погребений, относящихся предположительно к XI—XIII векам, не дает каких-либо оснований для вывода о наличии в тот период на Дону казачьего или протоказачьего населения. Скорее речь

может здесь идти о погребениях пленников-христиан, захваченных и использовавшихся для различных надобностей половцами⁵.

То, что действительно твердо установлено по вопросу о происхождении донского казачества может быть суммировано следующим образом:

Первые летописные и документальные известия о донских казаках относятся к середине XVI века. До этого в донских степях оперировали по крайней мере на 50—70 лет раньше азовские казаки, а также казаки рязанские, не говоря уже о том, что сюда время от времени заходили казачьи отряды или орды из мест более отдаленных. Например, в 1469 году многочисленное татарское войско, составившееся за Волгой из разного рода изгнанников, беглецов и разбойников, называвшихся казаками, прошло, судя по сведениям, сообщаемым польским историком Длугошем от Волги через донские степи за Днепр и опустошило Подолию⁶. В 1481 году здесь действовали ногайские казаки, разгромившие хана Золотой орды Ахмата⁷. Но, строго говоря, во всех названных случаях речь идет не о предках, а о предшественниках донских казаков. Даже азовские казаки, о которых Н. М. Карамзин говорит столь категорично, что они позднее стали называться донскими, вряд ли могут быть признаны таковыми. Больше того: известно, например, что в летописях и документах второй половины XVI века азовские и донские казаки упоминаются одновременно, причем между ними нередко были вооруженные столкновения. Московский посол в Крыму А. Ф. Нагой доносил правительству, что ему очень трудно посылать вести в Москву поскольку «Азовские козаки с твоими государевыми козаками не в миру»⁸.

Еще менее вероятно, чтобы прямыми предками донских казаков были бродники. Дело в том, что имеющиеся у нас летописные упоминания о бродниках (их всего лишь три) настолько кратки и неконкретны, что не дают в сущности ответа на вопрос кто такие бродники вообще: племя, народ, сословная, социальная или профессиональная группа, или что-то совсем иное⁹. Н. И. Костомаров, например, на основе этих же летописных данных писал, что бродники — это «сбродные шайки восточных степей»¹⁰.

К тому же, строго говоря, имеющиеся летописные данные не дают возможности достаточно определенно сказать о месте обитания бродников. Сегодня далеко не все историки согласны с тем, что бродники жили в донских степях. Заслу-

живает внимания, например, точка зрения И. А. Авериня, считавшего, что бродники жили скорее всего в Дунайско-Днестровском междуречье¹¹. Таким образом по крайней мере сегодня вопрос о бродниках, как о протоказаках, остается открытым. Тем более нет сколько-нибудь убедительного доказательства того, что они были предками именно донских казаков.

Представляется несколько излишне категоричным мнение С. М. Соловьева о том, что донские казаки — это по существу — те же рязанские, только принявшие новое наименование¹². По нашему мнению, процесс формирования донского казачества был довольно длительным. Он захватил практически весь XVI век. На рубеже XV—XVI веков донские степи были по преимуществу местом кочевания различных более или менее крупных монгольских орд, прежде всего крымских, ногайских, астраханских. Здесь проходили также караванные пути из Причерноморья в Поволжье, в Москву, от Днепра к Каспию. Эти пути представляли собой большой соблазны для казачьих артелей: как русских, так и монгольских. Кроме упоминавшихся уже азовских казаков, о которых великий князь Василий Иоаннович писал в 1515 году турецкому султану, чтобы он запретил им тревожить наши окраины и хватать людей, посылаемых в степи для разведывания о крымцах и ногаях¹³, здесь промышляли также нередко казаки белгородские, малороссийские. Немало людей приходило казачество в донские степи также с Руси. С северной окраины Московского государства на Дон ходили промышлять знаменитые севрюки, на которых в 1549 году горько жаловался московскому государю ногайский князь Юсуф: «Наши люди ходили в Москву с торгом, и, как шли назад, ваши козаки и севруки, которые на Дону стоят, их побили»¹⁴. Путивльские городовые казаки тоже порой приставали к промышлявшим на Дону казачьим артелям¹⁵.

Особенно тесно были связаны с Диким полем рязанские казаки. Уже во времена существования формально независимого от Москвы княжества Рязанского казаки Рязанской земли неплохо знали эти места. Не случайно, что Иван III для сопровождения посла через донские степи стремился нанять именно рязанских казаков. Преемники Ивана III также не раз пользовались для этой цели услугами рязанцев. Василий Иоаннович, например, в 1521 году, заботясь о том, чтобы доставить невредимым в Стамбул московского посла, а турецкого посла напротив — в Москву, счел необходимым об-

ратиться по поводу того, где именно на Дону назначить место съезда послов и их проводников к рязанским казакам. И они проконсультировали государя с полным знанием дела¹⁸.

Позднее, когда московский посол боярин И. С. Морозов был направлен в Стамбул его сопровождали опять-таки казаки-рязанцы. В описании посольства Морозова говорится: «Посланы с Иваном Морозовым козаки-рязанцы десять станиц, а список ему дан именной, где кого из них оставить: в Азове четыре станицы, в Кафе четыре станицы, в Царь-город с собой взять две станицы; которых козаков оставить в Азове и Кафе, и ему тем козакам приказать: если крымский царь захочет идти на великого князя украину, то станица ехала бы к великому князю, а другие оставались бы и ждали новых новостей, и какие еще вести будут, ехали бы к великому князю по станицам же, чтоб великий князь без вестей не был»¹⁷. Этот документ свидетельствует фактически не только о том, что рязанские казаки считались тогда в Москве главными знатоками донских степей, но и о том, что по крайней мере в 20-х годах XVI века донских казаков, как таковых либо не было вообще, либо их еще не выделяли специально. Иначе зачем было обращаться не к донским, а к рязанским казакам.

Однако, уже в 1546 году воевода Путивля М. Троекуров писал великому князю Московскому о появлении на Дону из разных украин многих казаков, в том числе «твоих государевых». В этом сообщении, кроме самого факта, весьма интенсивного проникновения в Дикое поле казаков обращает на себя внимание также то, что речь идет не о рязанских собственно выходцах, а о людях из разных украин, причем не только Московского государства.

Первое время по-видимому формировавшиеся на Дону казачьи общины не имели постоянных поселений, да и многие казаки думали «показаковать» время, достаточное, чтобы поправить свои материальные дела, вернуться обратно. Но фактически это получалось далеко не всегда, о чем свидетельствует датированное 1584 годом донесение московского посла в Турцию Б. Благова о том, что на Дону и близ Азова живут казаки все беглые люди, «иные казаки тут и постарились живучи»¹⁸.

Как и в Польско-Литовском государстве формирование казачества на Дону было связано с весьма интенсивно проводившейся колонизацией Дикого поля. Практически в течение

Всего XVI века происходило последовательное и систематическое освоение Россией, утраченных ею во времена монгольского нашествия территорий. В процессе колонизации степей на южной и юго-восточной границах Московское государство опиралось, как отмечалось выше, на укрепленные линии. Они складывались постепенно. К началу XVI века укрепленная линия Московского государства проходила по течению рек Угры и Оки. Опорными пунктами линии были Серпухов и Коломна. Именно здесь и сосредоточивались основные силы московских войск, предназначенные для отражения монгольских набегов. В середине XVI века в основном заканчивается формирование Тульской оборонительной линии, проходившей от Нижнего Новгорода по течению Оки до Серпухова, от Серпухова до Тулы, а от Тулы до Козельска. В 60-х годах создается вторая линия обороны от Алатыря до Орла через Шацк, Ряжск, Данков и поворачивавшая оттуда к Рыльску и Путивлю.

Уже в конце XVI века строятся города-крепости Воронеж, Ливны, Белгород, Оскол, Курск, Валуйки и ряд других. Со строительством каждого из этих городов отвоевывался еще один кусочек Дикого поля, пограничная линия продвигалась вперед и вместе с ней продвигались вольные колонисты и служилые люди — дворяне, дети боярские, стрельцы, казаки. Поскольку казачьи отряды несли обычно по рекам и в степи сторожевую службу, то именно они и проникали раньше других и дальше других в Дикое поле. Составленные князем М. И. Воротыньским наказ и роспись полкам зафиксировали в частности, что в начале 70-х годов XVI века выделялись сторожи по рекам Сосна, Дон, Меча и иным, а также, и урочищам, непосредственно примыкавшим к Дону. Все сторожи выдвигались в степь на расстояние от 20 до 60 верст от городов¹⁹. Фактически эти государевы казаки оперировали уже на Дону и Донце, подходя нередко непосредственно к Азову или даже к Крыму.

Как видно из относящихся к середине XVI века документов не столь уж редки были случаи, когда в силу разных обстоятельств они покидали государеву службу и превращались в вольных или «воровских». Вот довольно типичный в этом отношении случай. Из города Путивля были направлены в Дикое поле шесть казаков. Они «весновали» на Донце, а потом пошли обратно в Путивль. Но по дороге на Муравском шляхе им встретились 90 малороссийских казаков и взяли их с собой. Вместе они ограбили крымского гонца, после

чего четверо путивльцев возвратились все-таки домой, а двое ушли с государевой службы и остались промышлять в донских степях²⁰. Подобные вещи на южной и юго-восточной границах Российского государства были настолько распространены, что не считались даже за серьезный грех. При желании вчерашний беглец вполне мог поступить вновь на государеву службу. Как бы там ни было, а государевы служилые казаки, ушедшие со службы по тем или иным причинам, были, видимо, в числе тех, кто положил начало вольному донскому казачеству.

Есть однако, все основания считать, что другим, не уступавшим по значимости источником пополнения Дона людьми были бежавшие холопы-крестьяне, число которых росло по мере усиления закрепощения сельского населения. Кроме отсутствия бояр, помещиков и царской администрации их влекло на Дон то, что это были действительно благодатные места для занятий сельские хозяйством, охотой, рыболовством. О богатстве этой земли ходили легенды. «Оттого, татары и называют Дон святым, — писал в конце XV — начале XVI веков неплохо знавший эти места польский писатель М. Мехевский, — что близ него они находят готовую пищу: плоды, мед, рыбу»²¹. К тому же донские степи были в XVI веке очень слабо заселены и приходившим в них колонистам не приходилось в сущности сражаться с местным населением, стогняя его с обжитых мест. Здесь главная опасность для них была другая — набег крымских и ногайских татар, а подчас своих же братьев — вольных казаков. Это в сущности было главным препятствием для занятий здесь земледелием. По крайней мере в XVI веке основными занятиями людей, пришедших на Дон, были кроме специфических казачьих промыслов охота, рыбная ловля, животноводство, особенно же разведение лошадей. В результате люди, бежавшие на Дон, с мыслью о вольном крестьянском труде на вольной земле, постепенно втягивались в эти занятия, а потом уходили с казаками в очередной поход за зипунами.

С точки зрения именно этого последнего промысла донские степи являлись также чрезвычайно удобным местом. Дон и сам был довольно крупной судоходной рекой, но кроме того рядом была Волга, выполнявшая роль главной водной артерии, по которой шла торговля между Русским и восточными государствами. Не так далеко был и Днепр, да и до Черного моря — рукой подать. К тому же через донские степи шли торговые караваны. И все это на сравнительно неболь-

шом участке земли, не контролировавшемся фактически никаким тогдашним государством. Не удивительно, что беглецы хлынули в донские степи из самых разных мест, а в первую очередь, конечно, из России и Польско-Литовского государства.

Поскольку вопрос об источниках пополнения донского казачества был и остается дискуссионным, целесообразно привести на сей счет свидетельства очевидцев и современников событий. Первое, что в этой связи обращает на себя внимание: московские цари в дипломатической переписке с соседними государствами не уставали повторять: донские казаки, мол — беглые «воры», не имеющие отношения к Московскому государству. «Наших Казаков на Дону нет никого; а живут на Дону из нашего государства беглые люди», — заявил, например, в ответ на представления крымского хана Иван Грозный. В другом своем послании он подчеркивал «А которые на Дону живут давно, бегая из нашего Государства»²².

В ответ на жалобы ногайского князя Юсуфа, Грозный писал: «Эти разбойники живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы и прежде посылали не один раз, чтоб их переловить, но люди наши добыть их не могут. Мы и теперь посылаем добывать этих разбойников, и которых добудем, тех казним. А вы бы от себя велели их добывать, и переловивши, к нам присылали». Предложение Московского царя явно отдавало злой иронией. Вряд ли князь Юсуф или его подданные, поймав донских казаков, отправляли бы их в Москву. Учинить расправу на месте было гораздо легче и проще. Вопрос заключался лишь в том, как этих казаков изловить. Впрочем, царь и великий князь Московский на случай, если его первый совет Юсуфа не удовлетворит, давал ему и второй совет — более практичный. Ногайским купцам необходимо лучше беречься дорогою²³.

Заявления о том, что донские казаки — беглые «воры», не имеющие отношения к Московскому государству, в конечном счете стали традиционными. Об этом писали в своих грамотах иностранным государям цари Федор Иоаннович и Борис Годунов, об этом же постоянно твердили московские послы в Крыму, у ногайских князей, в Астрахани или в Блистательной Порте.

Конечно к этим утверждениям нельзя подходить как к истине в последней инстанции: слишком уж сильно были заин-

тересованы московские государи в том, чтобы доказать отсутствие каких-бы то ни было связей с воровскими казаками Дона. Но вот что однако любопытно: именно в вопросе о том, что казаки — это по преимуществу беглые люди, были нередко согласны с московскими государями достаточно хорошо осведомленные иностранцы. Ногайский мурза Белек, например, жалуясь на донских казаков, которых он, видимо по аналогии с малороссийскими, называет черкасами, пишет «Белово (т. е. русского) Князя Черкасы беглые холопы были»²⁴. Уже в начале XVII века голландец Исаак Масса писал, что «в казаки по большей части поступают люди, убежавшие от своих господ»²⁵.

Возникала на первый взгляд странная ситуация. С одной стороны, иностранцы соглашались с тем, что казаки — это беглые, а раз так, то Московское правительство не должно было бы, кажется, нести за них никакой ответственности. Но, с другой стороны, те же самые иностранцы буквально засыпают Московское правительство жалобами на воровских казаков, требуя их унять. На деле это противоречие — кажущееся. В XVI веке, да и много позднее, побег от господ или даже с государевой службы не означал еще, что человек непременно порывает с государством. На деле и сами беглые старались сохранить какие-то связи со своим Отечеством и не отрезать себе дорогу для возвращения назад. И правительство сплошь и рядом стремилось привлечь беглецов на службу или по крайней мере оказывать на них какое-то влияние. В соседних государствах это прекрасно знали и стремились унять слишком уж досаждавших им казаков, воздействуя на них через Московское правительство. Послы крымского хана Магмет-Гирея напрямую требовали от Ивана Грозного в 1578 году свести казаков с Дона и даже с Днепра²⁶. Да и ногайский князь Юсуф, несмотря на все заявления Московского правительства о непричастности его к действиям донских казаков и заверения Ивана Грозного о желании дружить с ногаями, писал: «Какая же это твоя дружба! Захочешь с нами дружбы и братства, то ты этих своих холопей оттуда сведи»²⁷.

Нужно признать, что для такого рода заявлений у них было более чем достаточно оснований. Известно, что официально первой службой донских казаков Московскому государству было принято считать охрану царского посольства в 1570 году. Надо отметить, однако, что есть некоторые данные об участии донских казаков во взятии Казани в 1552 го-

ду²⁸. Что же касается присоединения Астрахани, которое, как известно, состоялось в 1556 году, то сведения, имеющиеся на этот счет выглядят довольно убедительно. С одной стороны, турецкий султан, жалуясь на донских казаков прямо говорил, что они Астрахань взяли²⁹. С другой, и русские источники свидетельствуют о том же. Стрелецкий голова Черемисинов сообщал, например, из только что захваченной Астрахани в Москву, что занять Астрахань было легко, поскольку к моменту подхода царевых войск она опустела. Дело в том, что на Астраханского хана приходил Ляпун — атаман донской и «поймал» многие улусы, почему астраханцы и выбежали из города³⁰. Любопытна также такая деталь: татарские мурзы, бежавшие в Крым из покоренных Иваном Грозным ханств, единодушно твердили крымскому хану о том, что донских казаков натравливает на мусульман никто иной как постоянно твердящий о дружбе с татарами Иван Грозный³¹.

В дипломатической переписке Ивана Грозного сохранились некоторые следы, говорящие в пользу этой версии. В августе 1571 года Иван Грозный послал на Дон к казакам следующую грамоту: «От царя и Великого Князя всея Руси на Дон Донским Атаманом и Казаком. Послали есмь для своего дела под Азов Казачья Атамана Микиту Мамина, да Молчана Яковлева с товарищи, и как они на Дон приедут, и о которых наших делах Микита Мих. вам учнет говорить, и вы бы с ним о наших делах промышляли за — один; а как нам послужите, с Микитою нашими делы учнете промышляти, и мы вас пожалуем своим жалованьем»³².

В этой грамоте Ивана Грозного обращают на себя внимание два весьма характерных момента. Во-первых, то, что Иван Грозный, в отличие от обычной своей практики довольно откровенно и даже цинично излагать существо дела, в данном случае говорит о миссии атамана Никиты Мамина и Молчана Яковлева «с товарищи» очень неконкретно и обвиняками. Учитывая то, что они, судя по грамоте, были посланы не в Азов, а под Азов, их миссия по-видимому была достаточно деликатной и требовала помощи донских казаков. Во-вторых, очевидно, что в данном случае речь идет о найме вольных донских казаков для выполнения конкретной и скорее всего разовой государственной службы. Фактически эта грамота вскрывает технологию взаимоотношений правительства и вольных казаков. Они не были формально на государственной службе и не получали постоянно государственного жалованья, но правительство прекрасно знало, что эти «беглецы» и «воры»

всегда готовы выполнить государственное поручение, разумеется, на подходящих для них условиях. Иван Грозный в своей грамоте и обращается к казакам не как государь к подданным, а как работодатель к людям, которых хочет нанять. О том, что казаки обязаны выполнять поручения царя нет и речи. Грозный обещает пожаловать их своим жалованьем, в зависимости от того, как они служить будут. К сожалению, у нас нет сведений о том, состоялась ли в данном случае сделка, как послужили царю донские казаки и как они были пожалованы в данном конкретном случае. Однако подобных ситуаций в отношениях правительства с донскими казаками было немало и до, и после.

В этой связи пожалуй наибольший интерес представляет история первой официально установленной службы донских казаков Московскому государству, имевшей место в 1570 году. 3 января 1570 года Иван Грозный направил на Дон казакам грамоту с предложением сослужить службу, связанную с важнейшей дипломатической миссией, которая была поручена московскому послу в Стамбуле боярину Ивану Петровичу Новосильцеву. Государь поручил атаману Мише Черкашенину (малороссийскому казаку, перешедшему на Дон — по довольно основательной догадке С. М. Соловьева) вместе с 50 атаманами и казаками проводить посла через степи, в которых, как мы видели, нападения на купцов и даже послов было самым обычным промыслом для удальцов, приходивших сюда из всех граничивших с Диким полем государств. При этом Иван Грозный обращался собственно не только к Мише Черкашенину, а ко всем его атаманам и казакам, чтобы они слушались Ивана Новосильцева во всех государевых делах, ходили куда он станет их посылать. «Тем бы есте нам послужили, а мы вас за вашу службу жаловати хотим», — писал Иван Грозный³³.

Из донесения И. Новосильцева видно, что казаки М. Черкашенина весьма добросовестно выполнили государственную службу. Выйдя из Рыльска в марте 1570 года посольство добралось до Донца на салазках (ртах), а затем, направилось водным путем до Азова. «Шли мы до Донца на ртах пешком, а твою государеву казну и свой запасишка вели на салазках сами. Как пришли мы на Донец первого апреля, я велел делать суда, на которых нам идти водяным путем к Азову, и за этими судами жили мы на Донце неделю; а у Мишки Черкашенина, у атаманов и козаков не у всех были суда

готовые старые на Донце, и они делали себе каюки», — писал государю И. Новосильцев³⁴.

На обратном пути из Азова донские атаманы и казаки тоже провожали посольство. Причем, путешествие это было весьма рискованным предприятием, судя по донесению посла: «Как мы пошли из Азова, пришла ко мне весть, что за нами пошли из Азова полем козачьи атаманы, Сенка Ложник с товарищами, 80 человек, да с ними же прибираются Казывы татары да два атамана крымских, а с ними человек с 300, и хотят нас на Дону или на Украине громить с обеих сторон; а со мною донских атаманов и козаков идет для береженья немного»³⁵.

Надо отметить, что далеко не все вольные донские казаки откликнулись на предложение царя сослужить ему службу. И. П. Новосильцев жаловался, в частности, что иные донские атаманы и казаки не пошли его сопровождать и царской грамоты не послушали. Впрочем, так вели себя порой не только казаки вольные, но и состоявшие формально на государственной службе. Уже на пути из Рыльска к Донцу из отряда Мишки Черкашенина дезертировал помещный казак Сила Нозрумов. Он воротился к себе назад в Рыльскую вотчину³⁶.

Во всяком случае, в начале 70-х годов XVI века часть донских казаков уже считалась состоящими на государственной службе. В росписи полкам, составленной в 1572 году князем М. И. Воротыньским, говорилось, что атаман М. Черкашенин с казаками должен быть в Большом полку³⁷. По росписи судовой рати 1576 года донские атаманы и казаки несли службу в Большом и Передовом полках³⁸.

Во время Ливонской войны, когда у Московского государства на счету был каждый ратный человек, правительство, естественно, стремилось привлечь к участию в военных действиях также и донских казаков. Сведения о том, как они воевали носят, правда, довольно отрывочный противоречивый характер. С одной стороны, известно, что в 1579 году во время осады польско-литовскими войсками Полоцка Иван Грозный отправил на выручку гарнизона отряд под командованием воеводы Шеина, состоявший из детей боярских и донских казаков. Шеин, однако, действовал нерешительно, а донские казаки, судя по Разрядной книге, изменили и ушли «без отпуску» на Дон³⁹.

Однако, два года спустя донские казаки показали себя с самой лучшей стороны в сражении за Псков, на захват которого Стефан Баторий бросил лучшие свои силы. Польского

короля здесь ждало жестокое разочарование. Русский гарнизон Пскова не хотел и думать о сдаче. За 132 дня осады Пскова его защитники отбили 281 приступ, сами совершили 47 вылазок, нанеся врагам огромные потери. Среди защитников города было 500 донских казаков во главе с атаманом М. Черкашенином. Он героически сражался и погиб защищая город от поляков⁴⁰. Примечательно, что этот донской атаман был одним из немногих людей эпохи Ивана Грозного, который не только отмечен в летописях и документах, но и прочно остался в памяти народной. Уже в XIX веке была записана и издана русская народная песня, посвященная Михаилу Черкашенину и его геройской гибели в Ливонской войне⁴¹.

Надо отметить также, что народная память достаточно прочно зафиксировала участие донских казаков в Ливонской войне. Например, в исторической песне «Оборона Пскова от Стефана Батория». Баторий грозит царскому воеводе С. К. Карамышеву: «Князей твоих бояр, всех в полон поберу. Донских казаков твоих под меч преклоню»⁴². Как известно, ничего из этого у польского короля не вышло. Неудача под Псковом заставила Батория пойти на мирные переговоры. 15 января 1582 года между Россией и Польшей было заключено перемирие сроком на 10 лет.

В общем же приведенные факты свидетельствуют о том, что, начиная с середины XVI века, донские казаки формально еще независимые от Москвы, имели тем не менее с нею достаточно тесные связи. Конечно, речь шла тогда не о подданстве их московским государям, а о более или менее продолжительной по времени службе отдельных атаманов и казаков, и даже целых казачьих артелей государю на условиях найма. Так или иначе, но Москва начинает уже постепенно распорядиться на Дону.

Любопытные подтверждения тому дают документы, относящиеся ко временам царствования сына Ивана Грозного — Федора Иоанновича. В 1585 году посол турецкого султана в Москве требовал от царя Федора Иоанновича, чтобы он немедленно унял донского атамана Кишкина, «злого разбойника Азовских пределов». По обыкновению, послу разъяснили, что Москва не имеет отношения к действиям воровских донских казаков и что вообще в Диком поле близ Азова злодействуют не столько русские, сколько литовские казаки. А впрочем, добавили послу Блистательной Порты, атаман Кишкин уже отозван в Москву, а его товарищам не велено больше тревожить Азов⁴³. Как видим, у Московского правя-

тельства при всех его заявлениях о независимости донских казаков были достаточно серьезные рычаги воздействия на этих «воров» и «злодеев».

Весьма характерно также, что в 1587 году во время переговоров об избрании царя Федора Иоанновича польским королем, Москва обещала полякам помощь в борьбе против турок ратными людьми, в частности, донскими казаками⁴⁴. В том, что это обещание вполне выполнимо и что донские казаки по приглашению московского государя пойдут воевать против турок даже и за Польшу, не сомневались ни в Москве, ни в Кракове.

Тем более не могло быть сомнения в возможности нанять казаков на государеву службу, если речь шла о том, чем казаки нередко занимались сами, даже и без всякого царского жалования: для нападения на крымские улусы или владения союзных крымскому хану ногайских людей, для отражения мелких татарских шаек, для захвата либо с целью получения выкупа, либо на продажу (скорее всего в Москву) пленных татар, турок или азовских казаков.

Интересна датированная концом июля 1594 года грамота царя Федора Иоанновича к низовым казакам Дона и атаманам Миките Болдырю, Степану Ершеву и Ивану Носу. Судя по этой грамоте, низовые казаки Дона посылали царю Федору Иоанновичу от имени войска казака Пронку с просьбой пожаловать их за верную службу государю. Служба эта состояла в том, что они ходили специально для захвата «языков» на крымские улусы, «Языка» захватили и отправили в Москву. Кроме того, донские казаки и атаманы, ходили на азовских людей, которые пытались напасть на русские украинны, громили союзных крымскому хану ногайских татар (из Казыева улуса), «улусы их нагайские воевали и жгли, жен их и детей секли и в полон имали, да отполонили русскаго полону шесть сот тридцать человек»⁴⁵.

Царь Федор Иоаннович оценил заслуги казаков и атаманов, направил в виде жалования 50 пудов свинца и 50 пудов селитры, да 6 пудов с четвертью серы, а кроме того, доброе сукно, да продовольственные припасы: 150 четь сухарей, 40 четь круп, 40 четь толокна.

На будущее же казакам предписывалось: если крымские или азовские люди, или ногайские Казыева улуса пойдут войною на наши украинны, и вы б на них на Дону, Донце и по иным рекам на перевозах приходили и над ними промышляли. Кроме того, казаков обязывали на улусы ногайские

ходить и к государю вести всякие почаше писать. А наше царское жалование вам и впредь будет, добавлял Федор Иоаннович. Впрочем, кроме этих общих на почти все случаи жизни указаний царь и великий князь Московский давал вполне конкретное задание: проводить до Азова русского посла в Стамбул Данила Ислентьева и следовавшего с ним турецкого дипломата Резван-чеуша. Кроме того по случаю миссии Ислентьева и переговоров с турками царь требовал от казаков жить в мире с азовскими людьми. Которые будут азовские люди ходить на Дон для рыбных ловль и для дров «вы б тем людем, потому ж, задору никоторого не чинили, жили б есте по прежнему, как вы с Азовым в миру живете»⁴⁶. Надо сказать, правда, что последнее пожелание Федора Иоанновича было малоисполнимо. Постоянные стычки русских с татарами, донских казаков с азовскими в приграничной полосе были явлением настолько обычным среди официального мира между государствами, что прекратить их хотя бы на несколько месяцев было делом почти невозможным.

Итак, служба атаманов и казаков Дона Московскому царю была делом довольно широко распространенным еще в XVI веке. С 70-х же годов XVI века царское жалование донским казакам за разные службы поступает весьма регулярно, причем товарами наиболее нужными для казачьей общины: оружием, боеприпасами, продовольствием (прежде всего продуктами земледелия — на самом Дону в то время казаки земледелием не занимались), сукнами и тому подобным. Сказанное не означает однако, что казаки были к тому времени в отношениях подданства московскому царю или хотя бы постоянно служили ему. Каждый казачий атаман или рядовой казак, поступая на московскую службу или выполняя хотя бы разовые поручения царя, считал себя вправе покинуть, когда ему заблагорассудится эту службу. Тем более, что практически сделать это не представляло ни малейшего труда. Характерно, что в относящейся к концу XVI века ведомости на выплату жалования казакам и атаманам Дона, Волги, Яика, Терека, напротив многих фамилий, стояла весьма выразительная пометка: «збежал»⁴⁷.

Вообще, обосновавшиеся на Дону атаманы и казаки, стараясь поддерживать хорошие, насколько это возможно, отношения с Москвой, в том, что касалось военных экспедиций, сплошь и рядом предпочитали действовать на свой страх и риск, не оглядываясь на московское правительство. Поэтому заявления московских дипломатов о непричастности государ-

ства к действиям казаков, далеко не всегда были отговоркой. В 1576 году Иван Грозный лишь из письма турецкого султана узнал, что донские казаки захватили Азов и удерживали его в своих руках некоторое время. Именно в этот момент московскому правительству по самым разным соображениям не следовало ссориться с Турцией. Поэтому ответ Ивана Грозного по поводу «разбоев» донских казаков был, пожалуй, не таким уж неискренним: «А что еси писал, что Казаки Донские приходили на Азов... и они не по нашему велению на Дону живут, бегая из нашего Государства... на Дону и на Волге и наши казны граблывали, и мы за то их кажнивали... А мы к Азову людей своих не посылавали, и впредь посылати не хотим. Сведав про то, которые Казаки воровали, к Азову приходили, по всем своим Украйнам заказали, который Казак Донской придет на Украйной город наш, которые на Азов приходили, велели тех имая казнити»⁴⁸.

В Крыму и Стамбуле в общем-то достаточно хорошо понимали, что возможности влияния Москвы на донских казаков не безграничны. Москва могла еще натравить казаков на татар и турок, унять же казачьи «разбой» — вряд ли. Поэтому, повторяя на все лады о том, что донские казаки грабят улусы в Крыму, не дают из Азова выйти⁴⁹, турецкие и татарские дипломаты в общем не делали из этого слишком уж крупных осложнений в отношениях с Россией. В конце концов «разбой» казаков был делом столь же обыкновенным, как набеги крымских или ногайских татар на московские владения. Даже к неоднократным предложениям московских царей казнить воровских казаков, если они попадутся, приходилось относиться с известной осторожностью. В ответ на такие казни казаки мстили за своих друзей и родственников. Как это бывало можно судить на примере следующего донесения в Москву, присланного из Крыма: «Прислал турецкий царь чауша к крымскому царю и писал у нему: зачем ты казнил сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня донские козаки за сына Мишкина Азов взяли, лучших людей из Азова побрали 20 человек, да шурина моего Усеина, кроме черных людей»⁵⁰.

Как видим, даже сам турецкий султан не рекомендовал своим союзникам и вассалам излишне раздражать казаков, обосновавшихся в XVI веке на донской земле. Слишком дорого это обходилось.

В течение XVI века казаки постепенно обживают Дон. Первоначально казачьи артели по-видимому не имели постоянных городков или станиц. Даже в 1521 году, судя по цар-

скому наказу русскому послу в Турции Третьяку Губину, на Дону не было ни одного населенного пункта. В 1549 году, как следует из жалобы ногайского князя Юсуфа Ивану Грозному, атаман донских казаков Сары-Азман построил уже 3—4 казачьих городка⁵¹. Обосновавшихся в них казаки настолько досаждали туркам, что российский дипломат Петр Тургенев доносил в 1551 году царю: у турок на казаков обида великая, поскольку эти «разбойники» отняли у них Дон, «с Азова оброк емлют, и воды из Дону пити не дадут»⁵².

Надо отметить, однако, что городки, созданные казаками в 40—50-х годах возможно просуществовали лишь несколько лет. Во всяком случае в 1569 году, когда турецкие войска предприняли наступление на Дон, а затем Астрахань они, судя по сообщению С. Е. Мальцева (московского дипломата, захваченного в плен татарами, которого турки заставили быть гребцом на одном из своих судов), не видели не только каких-либо городков на Дону, но и казаков вообще, которых они очень сильно опасались, поскольку считали, что в тех местах на Дону даже двух тысяч казаков было бы вполне достаточно, чтобы разгромить турецкую армию⁵³. По-видимому казаки были на этот счет иного мнения, почему и откочевали подальше от места следования турецкой армии.

С турецким походом под Астрахань связана, хотя и косвенно, легенда о возникновении Черкаска, ставшего позднее на Дону казачьей столицей. Судя по этой легенде малороссийские казаки, пришедшие вместе с князем Вишневецким защищать от турок Астрахань, остались недовольны разделом добычи, ушли из отряда Вишневецкого и поселились на Дону, основав городок, который и стал называться Черкасском⁵⁴. Впрочем об основании Черкаска есть и другие сведения.

В 1570 году в устье реки Аксай существовал еще один казачий городок, по-видимому самый южный тогда на донской земле. Именно до этого городка казаки провожали царского посла в Турцию Новосильцева и здесь же встречали его на обратном пути. В 1571 году в источниках встречаются упоминания о казачьих городках Раздоры (Донецкие) и Митякине. В 1583 году крымский хан жаловался на строительство еще четырех казачьих городков, в том числе Маныча и, вопреки легенде, Черкаска. В 1594 году в документах впервые упоминается Монастырский городок, в 1595 году — Медведицкий. В общем же в конце XVI века земля донская была уже довольно плотно заселена казаками⁵⁵.

В литературе, относящейся к первым страницам истории донского казачества, не раз предпринимались попытки проанализировать вопросы организации управления казачьими общинами, складывавшимися на Дону в XVI веке. Многие авторы пытались найти на Дону уже в те времена единое казачье войско, напомиравшее по своему образцу то, что существовало в XVII—XVIII веках. Но для таких выводов по видимому нет достаточных оснований. Судя по царским грамотам, донесениям московских дипломатов, проезжавших через Дон, а также турецким, ногайским и крымским источникам, вплоть до конца XVI века термин «донское казачество», применявшийся иногда, означал не что-то единое в смысле военной организации или единой общины, а понятие, охватывавшее довольно пестрый конгломерат отдельных артелей, общин, станиц казаков, живших и промышлявших на Дону. Некоторые из них были на государственной службе, большинство — занималось вольным промыслом. Одни проживали на Дону постоянно и даже заводили семьи, обзаводились хозяйством. Другие приезжали казачеством и возвращались обратно в свои города, поместья, вотчины, когда казачество им надоедало или же приносило достаточную добычу, чтобы довольствуясь ею можно было больше не рисковать. Подчинялись эти артели и станицы своим выборным атаманам или, если речь шла об артелях на государственной службе, атаманам, назначенным правительством. При организации крупных экспедиций отряды объединялись, но по их окончании, они делили добычу и снова расходились. Атаманов единого донского войска тогда не было. В смысле организации внутренней жизни и управления, эти общины во многом были схожи с общинами малороссийских казаков. Все важнейшие вопросы, по крайней мере формально, решались на кругах, хотя, конечно, влияние рядовых казаков и казачьей старшины реально было отнюдь не одинаково.

От Запорожской Сечи казачьи общины на Дону довольно сильно отличались в одном отношении: в Запорожье женщины не допускались. На Дону в созданных казаками городах люди семейные были не такой уж редкостью. В. М. Броневский, специально изучавший быт донских казаков в первый период их расселения на Дону, отмечал, что обычай захватывать в плен женщин, нередко татарок или турчанок, был здесь весьма распространен. Существовавшие на Дону брачные обычаи очень сильно отличались от тех, что считались нормой в обычных условиях на Руси. В XVI и даже в XVII

веках казаки крайне редко венчались по церковному уставу. Обычно все ограничивалось устным заявлением жениха и невесты о желании вступить в брак перед народом или станичной избой.

Вот как описывал эту процедуру В. М. Броневской: «Помолясь Богу, кланялись они на все стороны, и жених, назвав невесту по имени, говорил: ты будь мне жена. Невеста, поклонившись ему в ноги, отвечала также, называя его по имени: а ты будь мне муж. После сих слов целовали друг друга, и принимали от всего собрания поздравление. Утвержденное таким образом супружество почиталось законным. Сей обряд в старину был всеобщий у Казаков, и даже те, кои в последствии сочетались по правилам Церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить». Как легко было вступить в брак, так легко было и его расторгнуть. Отправляясь в дальний поход или просто потому, что жена надоела, казак продавал жену, бросал землянку. В этом обычае, также как и в полнейшей зависимости казачьих жен от мужей сказывалось прежде всего то, что женщина для них была по преимуществу либо военной добычей, либо предметом купли-продажи. Лишь постепенно обычаи в этом смысле несколько смягчились.

Добывание жен у татар сказалось не только на внешнем облике донских казаков, но и на их нравах, обычаях, языке. Даже в XVIII веке женщины в беседах меж собой «любили говорить по-татарски, что принималось за знак хорошего образования»⁵⁶. Многие татарские слова, хотя большей частью искаженные, вошли в словарный запас донских казаков.

Надо подчеркнуть однако, что значение тюркского элемента при формировании донского казачества все же не следует преувеличивать. По-видимому большинство донских казаков и атаманов были все-таки русскими (и малороссами). Об этом свидетельствует не только анализ донского диалекта, но и то, что казачий уклад, казачья культура, религия, которую они исповедывали, были в конечном счете русскими, православными.

В военной тактике донские казаки немало почерпнули из арсенала монголов, особенно в том, что касалось навыков степной войны. Но традиции речных и морских походов, которыми донские казаки также славились, наряду с запорож-

скими, они позаимствовали скорее у ушкуйников, промышленявших на Волге, чем у кого бы то ни было другого.

Запорожская и донская казачья общины, в основном сформировавшиеся к концу XVI века, пожалуй наиболее рельефно отражали черты вольного казачества России и Украины, распространившиеся в конце XVI — начала XVII веков и на другие казачьи объединения, возникшие на южных и юго-восточных границах Московского государства.

Г Л А В А III

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ. ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬИХ ОБЩИН В ПОВОЛЖЬЕ, НА ТЕРЕКЕ, УРАЛЕ И В СИБИРИ

§ 1. Борьба Русского государства за Волжский путь и формирование казачьих общин в Поволжье

Совсем особое место в истории зарождения и формирования русского казачества принадлежит великой русской реке Волге. Два обстоятельства имели в этом смысле решающее значение. Прежде всего, конечно же, то, что Волга — важнейшая водная артерия, игравшая еще со времен Волжского Булгара громадную роль в торговле между восточными государствами и Русью, а отчасти и также со скандинавскими странами. Здесь были особенно богатые торговые города. Здесь была масса купеческих караванов, следовавших с весны до осени буквально один за другим из моря Хвалынского в верхнее Поволжье, которое через весьма развитую систему водных сообщений уже в глубокой древности фактически имело возможность сообщаться со всеми европейскими государствами и в обратном направлении — из верхнего Поволжья в Хвалынское море, откуда открывалась прямая дорога не только в весьма богатые тогда города Закавказья, но и в Персию, а через нее даже в Индию и Китай. Купеческие фактории на Волге и купеческие караваны были чрезвычайно заманчивым объектом для удальщиков, искавших легкого, пусть даже и опасного пути к обогащению. Не случайно, что именно Волга стала в XIV—XV веках в конечном счете главным районом деятельности ушкуйников, да и не только ушкуйников.

С другой стороны, именно тогда, а фактически и много позднее, Волга была порубежной рекой Российского государства, причем это — была сравнительно близкая и доступная для жителей большинства земель северо-восточной Руси граница. Уйти на Волгу из владимирских, суздальских, рязанских или московских деревень было сравнительно просто. Несколько дней даже пешего пути — и беглец оказывался в приграничной полосе или даже за границей, на безопасном

удалении от княжеских сборщиков налогов, а также от собственного боярина или помещика. Условия для формирования вольных казачьих общин были поэтому в Поволжье просто идеальными.

В то же время и само правительство, чтобы обезопасить восточные и южные границы государства, много способствовало росту в Поволжье служилого, городского казачества. Здесь нелишне также напомнить, что именно на Волге или в непосредственной от нее близости сложилось служилое казачество Рязанское и Касимовское. Не случайно, конечно, и то, что относящееся еще к 1444 году первое летописное упоминание об участии служилых городских казаков в отражении набега ордынского царевича Мустафы на Переяславль-Рязанский связано в Окско-Волжском районе¹.

И именно активно формировавшемуся в XV—XVI вв. казачеству было предназначено сыграть весьма существенную роль в борьбе Российского государства за Волжский торговый путь. Выше отмечалось, что даже «подвиги» ушкуйников (хотя они, конечно, об этом совсем не думали) достаточно серьезно подрывали не только торговое значение, но и вообще силу Золотой Орды и сложившихся позднее более мелких монгольских ханств и княжеств. Не зря столь остро реагировали на их деятельность монгольские ханы.

Но все вместе взятые разбой ушкуйников показали монгольским владыкам в Поволжье детскими шалостями, когда в борьбу за Волжский торговый путь действительно серьезно включились великие князья Московские, выступавшие фактически во главе объединенной коалиции русских княжеств.

На рубеже XV—XVI веков достаточно ясно определился перелом в этой борьбе в пользу Руси. Наиболее зримым проявлением его были завоевание в 1480 году формальной независимости Русским государством и распад Золотой Орды, окончательно завершившийся к концу XV века. Связь между этими событиями очевидна. По мере того, как усиливалась Россия, падало влияние монгольских владык, распоразжавшихся раньше в Восточной Европе, как в своем улье.

Возникшие на развалинах Золотой Орды Казанское, Астраханское, Сибирское и Крымское ханства, а также более мелкие монгольские государства враждовали между собой, что значительно их ослабляло. Уже в конце XV века некоторые из них находились в зависимости от великих князей Московских.

Но слабость и зависимость от Москвы этих государств ни в коем случае нельзя преувеличивать. Крымское ханство, например, было в XVI веке достаточно мощным государством и «подарки», которые Московские князья были вынуждены регулярно посылать Крымским ханам, чтобы застраховать русские земли от набегов с юга, по своим размерам сильно напоминали дань. К тому же крымские ханы претендовали на то, чтобы подчинить своему влиянию Казань и Астрахань. Когда им в какой-то степени это удавалось на юго-восточной границе Московского государства, образовывалась весьма мощная коалиция мусульманских ханств, представлявшая достаточно серьезную угрозу.

Но даже и во времена, когда отношения между Москвой и татарскими ханствами считались хорошими, пограничные русские земли нередко подвергались нападениям кочевников. Татарские князья и мурзы: казанские и астраханские, крымские и ногайские практически ежегодно организовывали набеги на русские княжества, грабили их, уводили порой с собой большой полон. В этом смысле «зависимость» от Москвы того или иного хана ровным счетом ничего не меняла. Нередко было так: казанские, например, послы от имени своих ханов клялись в преданности московским владыкам, а казанские же князья и мурзы в это самое время грабили приграничные русские села. В 1551 году, то есть буквально накануне присоединения к Российскому государству Казанского ханства, в нем содержалось до ста тысяч русских пленных.

Предпринятый Иваном Грозным в 1552 году поход против Казани вполне обоснованно рассматривался в русских летописях и остался в памяти народной как важнейшее событие в борьбе за свое Отечество от иноверных врагов, прямое продолжение борьбы против татаро-монгольского ига. В этом походе важная роль были отведена казакам. Сообщая о действиях русских войск, летописи, конечно же не ставившие своей специальной целью прославлять казаков, тем не менее постоянно отмечают их активнейшее участие в развернувшихся событиях.

Говоря о первых распоряжениях Ивана Грозного, прибывшего для непосредственного руководства походом, летописец, как деталь, заслуживающую внимания, упоминает, что царь приказал идти из Нижнего Новгорода на Казанский посад князю Петру Серебрянному, «а с ним дети боярские и стрельцы и казаки». Казачьи отряды были посланы Грозным перекрыть перевозки по рекам Вятке, Каме, Волге с тем, чтобы

отрезать Казань от северных и северо-восточных районов ханства. Из Мещеры были посланы на Волгу две с половиной тысячи пеших казаков под командой атаманов Северги и Елки. Им было приказано, сделав суда, идти вверх по Волге, завоеывая подвластные казанским ханам селения².

Значительные отряды казаков были двинуты на Казань в составе двадцатитысячной армии, сосредоточенной под Свияжском. В этой армии казаки воевали в составе третьего полка, в который входили наряду с ними также союзные русским чуваша, черемисы, горные жители³.

Противник ожесточенно сопротивлялся, стремясь использовать в полной мере преимущества, связанные с хорошим знанием местности, поддержкой основной частью населения казанских ханов. Татарские войска в сравнительно мелких, правда, боях и стычках не раз одерживали победы, нанеся серьезный урон русским. Несли потери и казаки. Летописец отмечает в частности, что «с Камы ехали казаки в судах на Свиягу по корм, Северга с товарищи, и казанские люди их побили, а Севергу в Казань привели, да там убили, и товарищев его 30 человек»⁴. Надо сказать, что это было не единственное убийство взятых в плен казаков, что, конечно, отнюдь не способствовало улучшению отношения к противнику со стороны их товарищей, оставшихся в живых. Взаимное озлобление и жестокость борющихся сторон — одна их характернейших черт казанского похода русских войск.

В середине августа 1552 года Казань была окружена русской армией, которая постепенно стала сжимать кольцо. На рассвете 23 августа русские начали наступление на Казань. Впереди шла легкая дружина (до семи тысяч человек), состоявшая из стрельцов и пеших казаков. Командовали дружиной молодые князья Юрий Шемякин-Пронский и Федор Троекуров. Выполняя царский приказ, войска при передвижении соблюдали строгий порядок. В челе дружины были ее воеводы, за ними атаманы и головы стрелецкие, затем — рядовые стрельцы и казаки.

По наведенному мосту русские перешли Булак — речушку «зело тиновату и непроходиму», по выражению героя Казанского похода князя А. М. Курбского. Войска шли не просто на виду — в непосредственной близости от крепости: не более двухсот сажен — по данным Н. М. Карамзина. Перейдя мост, они попытались, как и было намечено, занять Арское поле. Неожиданно растворились крепостные ворота и до пятнадца-

ти тысяч казанцев: конных и пеших нанесли удар по дружине. Не выдержав натиска, побежали в беспорядке стрельцы. Дело поправили мужественные воеводы. Князья Шемякин и Троекуров остановили бегущих и увлекли их за собой. Подошедшее вскоре подкрепление помогло восстановить положение. Казаки и стрельцы не только выстояли, но и отбросили татар к крепости, захватив пленных, и лишь после этого в боевом порядке отступили от стен.

25 августа дружина Шемякина и Троекурова, отразив новую вылазку защитников крепости, подошла вплотную к городской стене, расставив в наиболее подходящих местах пушки и туры. У самой стены казаки захватили построенную из камня т. н. Даирову башню и удержали ее, несмотря на все контратаки казанцев. Именно из этой башни был сделан знаменитый подкоп под город, взорвав который, русские лишили казанцев возможности доставлять в город воду. Но и это не сломило казанцев. Они сумели найти новый ключ. Вода из него была, правда, худой и смрадной. Защитники города и жители пухли от нее, но продолжали сражаться⁵.

Продолжавшаяся полтора месяца осада Казани дала немало случаев отличиться в бою казакам. Они под командой князя Александра Горбатого-Шуйского участвовали в штурме построенного казанцами острога на Арском поле, взяли его, тем самым лишив защитников Казани последней возможности поддерживать связь с татарскими войсками вне пределов города. Под верховным командованием князя Михаила Воротынского казаки, построив у Арских ворот башню, обстреливали из пищалей защитников города. И 1 октября в день решительного штурма Казани, увенчавшегося, наконец, долгожданным успехом, среди тех, кто первым взшел на крепостные стены и ворвался в город, было опять-таки немало казаков⁶.

То, что именно казаки немало способствовали успеху похода и взятию Казани, чрезвычайно прочно запечатлелось в памяти народной. Не случайно, что многие исторические песни, былины и предания (без достаточных, правда, по-видимому, оснований) называют Ермака Тимофеевича, будущего покорителя Сибири, участником казанского похода, а некоторые из них рисуют дело даже таким образом, что Казань взял собственно и не Иван Грозный, а казачий атаман Ермак, хотя все-таки по поручению Московского государя⁷.

Еще более заметным было участие казаков в покорении Астрахани, к которой все промышленавшие на Волжском тор-

говом пути русские удальцы, начиная с ушкуйников, проявляли жгучий интерес, грабя, если везло, самый город, если нет, — то, по крайней мере, его окрестности. Иногда это делалось с разрешения или даже по прямому приказу государеву, а чаще же ушкуйники и казаки обходились и без них. Во время борьбы за Казань, судя по донесениям русских послов, турецкий султан писал ногайским князьям, упрекая их в равнодушии к общему мусульманскому делу, ссылаясь на то, что они не только не оказывают должной помощи казанцам, но даже более близкой к ним Астрахани: «русские же казаки Астрахань взяли, оба берега в Волги отняли и ваши улусы воюют; как вы за это стоять не умеете?».

Но среди самих ногайских татар была сильна державшая сторону Москвы группировка, которая просила Ивана Грозного передать Астраханский престол их ставленнику Дербашу — родственнику последнего формально независимого Астраханского хана Ямгурчей. Теснимый русскими, ногаями и крымцами, Ямгурчей постоянно колебался, принимая сторону то одних, то других, то третьих. Это его и сгубило. Придравшись к действительно имевшему место оскорблению в Астрахани русского посла, Иван Грозный весной 1554 года направил на судах к устью Волги небольшое по численности, но отборное войско под командованием отличившегося под Казанью князя Ю. И. Пронского-Шемякина. Войско состояло из государевых дворян, детей боярских, стрельцов и казаков во главе с атаманом Федором Павловым. Не доходя до Астрахани — у Переволоки, русский авангард, состоявший из казаков и детей боярских, разгромил высланные навстречу ему войска астраханцев. Ямгурчей бежал в Азов так поспешно, что бросил на произвол не только столицу, но и собственную семью. Она и была захвачена казаками под командованием Павлова. «Угонил Атаман Федка Павлов ушкул с девами Царевыми... и Цариц поймали, большую Тефкель Келмагметову Мурзину дочь, другую Крымшавкалову Цареву дочь Кандазу, да Цареву Емгурчееву дочь Ертугану, да Цареву ж Емгурчееву меньшицу Ельякши Биримину, и взята родила сына Ярышты, да Царевичеву жену Анболатову Мергивану, да Царевичеву дочь Байбиче Царевну; а людей многих побили», — говорится по этому поводу в летописи⁸. Царевен с детьми отослал и в Москву. В Астрахани на положении вассала Московского государя воцарился Дербаш.

Новый хан оказался ничуть не надежней прежнего. Он, правда, преимущественно силами казаков, предусмотритель-

но оставленных в Астрахани Грозным, отбил наступление Ямгурчей. Но зато сам начал ссылаться с султаном и крымским ханам, да к тому же ввязался в междуусобную резню ногайских князей, причем на стороне противников Москвы. В 1556 году Дербаш открыто объявил войну Российскому государству, напал на царского посла Мансурова, которому удалось, правда, отбиться от астраханцев, потеряв при этом из 500 имевшихся у него казаков и стрельцов до 200 человек.

Ответные меры были приняты незамедлительно. К Астрахани направили по Волге стрельцов, вятчан, да 50 казаков во главе с атаманом Колупаевым. 500 казаков под командованием атамана Лялуна Филимонова пошли на Астрахань по-лем. Русских поддерживали многие ногайские князья. Казаки Филимонова, первыми обнаружив астраханские войска, разгромили их, перебив немало сторонников Дербаша. Хан бежал. Русские войска вошли в брошенную почти всеми жителями Астрахань. Астраханское ханство было окончательно ликвидировано, причем не без участия Ногайской орды. Соперничество татарских князей сыграло весьма существенную роль в установлении русского владычества над Волгой⁹.

Присоединение к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств коренным образом изменило политическую ситуацию на востоке Европы. Более чем трехсотлетнему господству монголов в Поволжье был положен конец. Как карточный домик рассыпалась вся система взаимоотношений государств Восточной Европы и Западной Сибири, складывавшаяся веками. Резко возросло на востоке влияние Московского царства. Вассалами Московского царя признали себя правители Большой Ногайской орды. Сибирский хан Едигер прислал Ивану Грозному дань и шертную грамоту, свидетельствующую о переходе его под покровительство Москвы. Зависевшая до того от Казанских ханов Башкирия, объявила о добровольном присоединении к России. Башкир теснили тогда с юга и юго-востока киргиз-кайсацкие племена, с запада — ногаи. Расколота на части (она в сущности никогда и не была единым независимым государством) Башкирия, лишившаяся к тому же покровительства казанских ханов, сочла за меньшее зло присоединение к России, поскольку иначе башкирам грозило полное уничтожение.

Таким образом, овладение Казанью и Астраханью не только обеспечивало контроль Российского государства за Волжским торговым путем (что само по себе было чрезвычайно важно), но и значительно отодвигало русские государ-

ственные границы на юг и восток. Перед российским казачеством открылись новые перспективы и возможности. Они касались прежде всего освоения Волжского пути.

Ближайшие пятьдесят — шестьдесят лет после падения Астрахани были золотым веком для волжского казачества. Здесь следует, видимо, достаточно четко оговорить, что широко встречающийся в летописях и царских указах, начиная примерно с 1560 года термин «волжские казаки», а затем даже термин «Волжское казачье войско» (он появляется в документах уже с начала XVII века) отнюдь не означают существования на Волге какого-то единого объединения по образцу казачьих войск XVIII — начала XX веков. Речь шла, как на Дону, о совокупности казачьих общин, станиц, шаек и групп, промышлявших тогда на Волге. Прежде всего среди них надо выделить государевых городских казаков, численность которых здесь значительно возросла к концу XVI века благодаря тому, что правительство размещало на Волге ратных людей для защиты вновь завоеванных земель как в старых городах — Казань, Астрахань, так и во вновь построенных — Свияжск, Самара, Алексеевск.

Но одних лишь городских казаков было, конечно, мало. Поэтому Иван Грозный и по его распоряжению царские воеводы принимали экстренные меры для привлечения на государеву службу вольных «воровских» казаков. Поступавшим на царскую службу атаманам и казакам списывались все прошлые (зачастую немалые) грехи, устанавливалось определенное натуральное, а нередко и денежное жалование. На них распространялись правила, касавшиеся городских казаков (в частности в том, что касалось освобождения от налогов и повинностей, права беспошлинной торговли и т. п.). Взамен они должны были нести государеву службу, охраняя посольства, защищая Волжский торговый путь и волжские города от крымских, ногайских татар и других кочевников, а также от своих прежних коллег — «воровских» казаков. Принимавшиеся на государеву службу артели и станицы, сохраняли значительную автономию, продолжали жить по своим прежним законам и обычаям и под началом прежних атаманов. Вольные казачьи артели нанимались как на постоянную бессрочную службу, так и на какой-то срок, а чаще для определенной вполне конкретно обозначенной цели: например, на лето для охраны перевозов через Волгу или для участия в каком-то походе.

Наконец, также весьма значительную по численности группу составляли вольные или «воровские» казачьи станицы, состоявшие преимущественно из беглых крестьян и мещан, потянувшихся на Волгу в поисках привольной жизни и добычи. Во второй половине XVI — начале XVII веков в условиях, когда прежняя татарская администрация (и система обороны от разбоев) была уничтожена, а новая русская только еще создавалась, возможностей для казачьих промыслов было вполне достаточно. Казаки и осваивали активно берега Волги.

В конце XVI века на Волге имелось уже довольно много казачьих городков и еще больше более или менее постоянных казачьих пристанищ. Московский посол Семен Мальцев, направленный к ногаям и захваченный в плен азовскими казаками, писал в 1569 году, что «утечь» ему из плена было «добрее мочно: два были Казачьи городка на Волге добре блиско...»¹⁰. Он однако не утек и поступил, видимо, с точки зрения личной безопасности вполне разумно. Даже если городки принадлежали поступившим на государеву службу казакам — все равно оставалось еще под вопросом, кого послу следовало больше опасаться: их или казаков азовских. Очень уж скользкой и трудно различимой была грань, отделявшая государевых казаков от «воровских». Те и другие при случае всегда стремились использовать подвернувшиеся им возможности.

Надо отметить, что поскольку Волжский торговый путь был самым заманчивым объектом для казачьего промысла, на Волге промышляли не только собственно волжские казаки, но и донские, гребенские, яицкие, а также запорожцы и азовские казаки. Тот же Семен Мальцев был захвачен в плен именно на Волге. То, что речь шла о после и, следовательно, особе неприкосновенной, нимало не заботило азовских казаков. И, конечно, не только азовских. Наибольшую активность на Волге проявляло все-таки донское казачество уже в силу своей географической близости. Сообщения о нападениях донских казаков и атаманов на проходившие по Волге купеческие и посольские караваны чрезвычайно часто встречаются в документах второй половины XVI века, а также в современных летописях.

На протяжении нескольких веков на Волге действовал отмеченный Иваном Грозным (в письме к крымскому хану¹¹) и считавшийся вполне естественным порядок. Казаки казны купеческие и государевы «граблывали». Их за это, если, ко-

нечно, ловили, «кажнивали». Но приходили на Волгу новые удалыцы и все начиналось с начала.

О том, какие обычаи господствовали на Волжском торговом пути во второй половине XVI века вскоре после присоединения к Московскому государству Казани и Астрахани, достаточно красноречиво говорят исторические песни и предания, посвященные волжскому периоду деятельности будущего покорителя Сибири Ермака Тимофеевича, а также, к сожалению, очень малочисленные, но тем более важные документы и свидетельства летописей, так или иначе относящиеся к этому деликатному сюжету.

Первое, что в этой связи обращает на себя внимание: не только в народных песнях (вообще говоря, значительно более правдивых зачастую, чем летописные своды), но и в летописях, составлявшихся порой со специальной целью прославления завоевателя Сибири, ни в малейшей степени не пытаются даже скрыть характер промыслов Ермака на Волге. Даже Есиповская летопись (по крайней мере ее Бузуновский и Головинский списки) прямо говорит о том, что Ермак Тимофеевич в бытность вольным казаком «не опасаяся его царского величества указу... начаша по рекам Дону и Волге воровать и всяких людей побивать и грабить», не исключая послдов, в том числе царских¹². Ремезовская же летопись с эпическим спокойствием повествует об этом как о чем-то вполне общеизвестном и ни в коей мере не набрасывающем тень на личность знаменитого атамана. Больше того, рассказывая, как Иван Грозный направил стольнику Мурашкину указ о том, чтобы он очистил Волгу от казаков, и как Мурашкин опоздал, С. У. Ремезов говорит с явным сочувствием по отношению к ермаковым казакам: «государев указ на станех их не застал»¹³. Народные же песни, как бы подытоживая общепринятую на сей счет точку зрения, вкладывают в уста Ермака поистине крылатую фразу: «А на Волгу пойтить — нам ворами слыть»¹⁴. Надо ли говорить о том, что в народной песне, еще в больше степени, чем у летописца, сочувствие на стороне «воров».

Пожалуй, наиболее подробное описание того, чем занимались ермаковы казаки на Волге и по какой причине решили перебраться к Строгановым на Урал, содержится в Толстовском списке Строгановской летописи. Вот как об этом говорится: «В лето 7087 году, апреля в 6 день, слышаху Семен и Максим, и Никита Строгановы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков и атаманов Ермака

Тимофеевича с товарищи, како на Волге на перевозех Ногайцев и Ардабазарцев промят и побивают, и зело гораздо по Волге храбруют. Послаша к ним людей своих с писанием и з дары многими и велел их честно и добровольно к себе призывать дабы шли к ним в Чюсовские городки и острожки на помогание им противу неверных супостатов. Атаманы же и казаки велми сему возрадовашася яко послании придоша к ним от честных мужей с великою честью и з дары и зовут их к себе на помоощь. Тогда атаманы и казаки Ермак Тимофеев с товарищи, Иван Кольцов, Яков Михайлов, Никита Пан, Матфей Мещеряк и со всеми их атаманы и казаки собрався в круг и начаша думати и советовати со единомысленою и предоблею своею дружиною: итти ли им на помогание к Строгановым или нет. И собрався на устье матки Самары реки на крутом на красном на берегу на желтом на сыпучем на песочку, не ратняя труба протрубила, говорил атаман Ермак Тимофеевич: «О есте, братцы атаманы и казаки донские, яицкие, волские и терские, думайте думу, братцы, с цела ума, чтоб нам не продуматца: на Волге нам жить — ворами слыть, а на Дону нам жить — казаками слыть, а на Яик итти — переход велик, а се добычи нет. Да нам же негораздо шуточка нашутилась, что разбили мы лотку коломенку и громили казну государеву; из тово мушкета немецково вылетела пулка свинцовая, из тово кафтана камчатово выносила бумагу хлопчатую, убила посла государева; аще ль тот посол под Астрахань с ево государевою великою казною денежною и пороховою дошел, и мы только ныне не поидем таким честным людем на помогание, и они на нас станут писать к Москве непослушание государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа России; и государь на нас раскручинитца, велит нас перенмать и по городам разослать и по темницам розсажать, а меня Ермака велит государь царь повесить: потому, что большому человеку большая и честь бывает. А толко мы государю царю вину принесем, а таких честных людей послушаем и к ним на спомогание поидем, и они об нас станут писать милостивия и благополучныя словеса к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа России, и государь царь до нас умилицца и отдаст нам пеню великую вину». И такие мудрые вымышленные словеса полюбилися многим атаманам и казакам. И взговорил атаман Иван Колцов: «Добро нам итти на помогание таким честным людем, а только нас Господь Бог помилует и неверных нам Бог покорит под ноzi наши, и Сибирское

государство возмем и град поставим, и святые Божия церкви воздвигнем и соберем себе славу вечную и укувим себе живота вечнаго и в предъидущем веке. Аминь»¹⁵.

Судя по всему, автор или авторы летописи при ее написании очень активно привлекали фольклорный материал: былины, предания, исторические песни. С нашей точки зрения, это делает данный фрагмент летописи особенно ценным. В данном случае не так уж важно: так или нет проходил круг, на котором Ермак Тимофеевич вместе со своими казаками обсуждали вопрос о предложении, сделанном им Строгановыми и состоялся ли этот круг близ устья речки Самары или же где-то в совсем другом месте. Летопись зафиксировала обычные тогда народные представления о том, как решают вопросы вольные казаки. Под этим углом зрения и надо рассматривать летописные сведения в данном случае. Судя по ним, у вольных казаков, промышлявших на Волге, господствовали в артелях относительно демократические порядки. Главные вопросы (а вопрос о походе на Урал несомненно был таковым) рассматривались казаками сообща. Любопытно однако, что, если верить описанию, главная роль в принятии решений отводилась все-таки не рядовым казакам, а атаманам. Слово же Ермака Тимофеевича, т. е. самого главного атамана имело во всех отношениях решающее значение.

Особое внимание следует обратить на то, в каких тонах описывается обычный казацкий «воровской» промысел на Волге. Судя по приведенному здесь отрывку, а он вполне согласуется с соответствующими свидетельствами других источников, нападение на купеческие караваны, тем более если речь шла о «нехристях», не считалось сколько-нибудь серьезным грехом в общественном сознании людей XVI—XVII веков. Дело было в конце концов самым обычным и промыслили таким образом не только «воровские» казаки, но и почтенные купцы и даже князья. Иное дело — государевы караваны, «суда орленые». Нападение на них означало даже и в сознании самих казаков выступление против самого государя, т. е. нечто близкое к государственной измене. Почему этот «промысел» и считался более опасным. Правда, то, что ослушники, все-таки решавшиеся нападать на государевы суда и государевых людей, надеялись в случае удачи загладить этот свой грех государевой службой. Если вспомнить о том, с какой легкостью в XVI веке, да и много позднее, казакам при поступлении на государеву службу списывали подобные и даже более серьезные грехи, станет ясно, что психология, о

которой шла речь выше, базировалась на действительно серьезных основаниях.

Документы, имеющиеся в распоряжении историков, относительно жизни и деятельности реальных казачьих ватаг, вполне подтверждают данные летописей и фольклорных источников. Относящийся к 1591 году указ царя Федора Ивановича Астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину дают весьма выразительные детали казачьего житья-бытья на Волге в начале 90-х годов XVI века. Прежде всего в нем идет речь о служилых казаках. Судя по документу, поступающему на государеву службу, даже самые незначительные по численности казачьи отряды видели именно в государе своего верховного хозяина, к которому они, в случае надобности, отнюдь не стеснялись обращаться. Из текста указа следует, что непосредственно царю Федору Иоанновичу били челом волжские атаманы Семейка Белой с товарищами — всего около 500 человек о том, что в прошлом, т. е. в 1590 году посылал их из Астрахани боярин князь Ф. М. Троекуров вверх по Волге к Меловым горам и выше их. Казакам велено было охранять перевозы на всем протяжении от Меловых гор до Астрахани от нападений ногайских татар из Казыева Улуса. Казаки в общем довольно успешно справились с этим поручением, перебили многих хищников, направлявшихся для грабежа русских земель, а также взяли в плен пять мурз и десять рядовых татар, которых они доставили государю. Кроме того, на тех же самых перевозах через Волгу они захватили и перебили довольно много «воровских» казаков, отправлявшихся на промысел. Князь Троекуров подтвердил эти сведения и выдал казакам и атаманам от государева имени жалование. Размер жалования колебался в зависимости как от занимаемой казаками должности, так и от реальных заслуг их перед государем. Рядовым казакам князь Троекуров выдал по рублю на человека, атаманам же сверх того — по сукну на каждого. Что же касается наиболее отличившихся атаманов Семейки Белого, Семейки Кокарева, Ивана Черного, Шестака Тимофеева и сорока рядовых казаков, непосредственно участвовавших в захвате ногайского мурзы Баса (они и доставили мурзу к государю), то жалование им было дано непосредственно в Москве. Кроме денежного жалования на каждого казака было велено выделить по одному фунту свинца, да по одному фунту ямчуги.

Надо отметить, что государевых волжских казаков чрезвычайно широко привлекали к мерам по очистке волжских

берегов от казаков «воровских». Об этом достаточно красноречиво свидетельствует челобитная атамана одного из отрядов волжских казаков Н. Болдыря. В ней говорится, что били челом государю «Волской атаман Микита Болдырь, и в товарищев своих сорока человек место, а сказал: в прошлом деи в 97 году громилы его на Волге Черкасы... и ранили, и держали его у себя, в полону, шесть недель, и он у них ушел, да у них же деи он поймал трех человек, казаков воров, и привел на Переволоку, к воеводе ко князю Григорью Засекину да к Ивану к Нащокину; да его же деи послали, с Царицына, воевода князь Григорий Засекин да Иван Нащокин, с Остафием с Соловцевым, в Керешку, за воровскими атаманы и казаки, за Ондриюшею за Голощалам с товарищи и они деи Ондриюшу Голощала с товарищи изымали, а иных их товарищев побили, и привели того Ондриюшу с товарищи на Царицын; да в прошлом деи в 98 году посылали его, с Царицына, воевода Роман Олферьев да Иван Нащокин, на Медведицу за воровскими казаки, и он деи, на Медведице, поймал, казаков воров, четыре человека, и привел их на Царицын; да в 98 же году посылали его, из нового города с Саратова, воевода князь Григорей Засекин да Федор Туров, с сотником стрелецким с Иваном с Бирюевым, для воровских атаманов и казаков, и они деи изымали, на Медведице воровского атамана Треню Щеголева и привели на Саратов; и Государь бы его за его службы, пожаловал своим Государевым жалованьем, как ему Государю Бог известит»¹⁶.

Из свидетельства воевод князя Григория Засекина и Ивана Нащокина следует, что в 1589 году атаман Н. Болдырь, убежав от черкас и от воровских казаков, немедленно присоединился к отряду царских ратных людей. На распросе он показал, что воровские казаки и черкасы разошлись. Атаман Борис Татарин, а с ним черкас и казаков полтора человека пошли на Алатырские и на Темниковские места грабить мордву, а атаман Ондриюша и с ним до ста человек стали на Карамыше и тоже собираются мордву и чувашей грабить, иные же атаманы и казаки разошлись на промысел по другим рекам. По сведениям, полученным от Болдыря, государевы ратные люди организовали поиск шаек воровских казаков, одних побили, других захватили, в том числе и атамана Ондриюшу Голощала.

Весьма характерная деталь: несмотря на то, что на основе свидетельств Болдыря удалось разгромить шайки воровских казаков, полного доверия к Болдырю у воевод по-видимому

все-таки не было. Поэтому на распросе (под пыткой) атамана Ондриюшу Голощала с пристрастием допрашивали относительно поведения у него в плену Никиты Болдыря. Голощала дал относительно Болдыря следующие показания: «а про Микиту про Болдыря сказал: отгромили они у Микиты... лошадей, и его с собою имали, и к крестному целованию его приводили, чтоб он был в воровстве за один, и на них бы не подвел, и лиха никоторого не учинил: и целовав деи Микита крест у них ушел»¹⁷. Как видим порядки в крупных ватагах вольных казаков в общем-то мало чем отличались от порядков у государевых казаков. Точно также они, захватив в плен, предлагали вступить в свой отряд, заставляли крест целовать, и точно также целовавшие крест, улавливая подходящую минуту, стремились уйти от людей чьими сотоварищами они поневоле стали.

Известие воевод Засекина и Нащекина (со слов Болдыря) любопытно еще и в том отношении, что показывает как в крупных ватагах на почве разногласий по вопросам о методах и самое главное объектах казачьего промысла возникали противоречия, приводившие даже к расколам, к тому, что большие отряды дробились и благодаря этому становились легкой добычей правительственных войск. Конечно, далеко не всегда такие расколы кончались полюбовным расставанием. Сохранилось немало свидетельств того, что различные ватаги «воровских» казаков в случае возникновения разногласий выясняли отношения вооруженными стычками. Так было на Дону, Волге, да и в других районах формирования и промыслов казачьих артелей. Е. П. Савельев и ряд других авторов полагают даже, что начало формированию Гребенского казачьего войска на Кавказе было положено именно благодаря столкновению одновременно промышлявших на Волге артелей атаманов Ермака Тимофеевича и Андрея Шадры. Согласно версии Е. П. Савельева, в результате столкновения этих двух артелей, потерпевшие поражение сторонники Андрея Шадры (всего около 300 человек) ушли на Гребни вместе со своим атаманом¹⁸. Хотя гипотеза Е. П. Савельева обоснована явно недостаточно, надо сказать, что в сохранившихся преданиях и песнях о Ермаке действительно содержатся упоминания о столкновениях с другими атаманами.

Вторая половина XVI века была временем завершения формирования казачества на Волге. Именно тогда, особенно же после установления контроля Московского государства над Волжским путем, казачество как служилое, городское, так и

вольное, «воровское» реально становится одной из самых главных сил в этом районе. Конечно, даже приблизительная численность казаков на Волге вряд ли может быть сейчас установлена. Надо отметить, однако, что уже в 1591 году указ царя Федора Иоанновича обязывал служилых казаков Волги выставить в поход на Северный Кавказ против Шамхала Тарковского 1000 человек, что к тому же не должно было отражаться на несении ими обычных служб на Волге. О том насколько велика эта цифра можно судить хотя бы по тому, что яицкие казаки должны были выставить в этот поход лишь по 500 человек¹⁹. Что же касается вольных казаков на Волге, то их число значительно колебалось, поскольку сюда нередко ходили промышлять малороссийские, донские, яицкие и терские казаки. В общем же их было в этом районе по-видимому значительно больше, чем городовых. Во всяком случае численность отряда Ермака в бытность его на Волге определяется некоторыми источниками (Ремезовской летописью, например) в семь тысяч человек. Минимальная же цифра, которая встречается на этот счет в летописях — 540 человек. Но ведь в данном случае речь идет лишь об одном, но далеко не единственном тогда на Волге отряде.

§ 2. Терское казачество

Завоевание Казани и Астрахани, переход под контроль Российского государства великого Волжского пути коренным образом изменили обстановку на Каспии и на Северном Кавказе. Удаленное раньше на сотни верст от Кавказа царство Московское вошло с этого момента в непосредственное соприкосновение с его народами, и как-то сразу, вдруг, на протяжении жизни одного поколения утвердило среди них свое влияние, приняв под покровительство одних, подчинив вооруженной рукой других, привлекая выгодами на свою сторону третьих.

Укрепление русских позиций на Кавказе происходило в острейшей борьбе с Турцией и Персией, до того безраздельно господствовавших в этом регионе, распоряжавшихся как у себя дома в формально самостоятельных кавказских султанатах, княжествах, царствах. Как и в других пограничных районах Московское правительство опиралось здесь на поддержку казачества: служилого и вольного.

Вопрос о том, когда казаки появились на Кавказе, был и остается дискуссионным. Даже если не брать полумифические известия относительно «казаков» из Казахии Констан-

тина Багрянородного, все равно разброс мнений на этот счет существует и в научной, и в популярной литературе очень большой. Некоторые авторы прошлого и начала XX веков отодвигали первые эпизоды, связанные с пребыванием казаков на Кавказе во времена Киевской Руси. В. А. Потто в своей книге «Два века Терского казачества», отмечая, что вопрос этот «не может считаться и ныне еще окончательно решенным», все же пытался связать начало формирования казачьих общин на Тереке с набегами новгородских ушкуйников и вообще новгородской вольницы на Северный Кавказ. Он сообщал со ссылкой на Н. М. Карамзина, что «в княжение Ярослава Мудрого, а может быть и ранее, начались набеги новгородской вольницы на богатые прикаспийские города, и, по свидетельству Никоновской летописи, некто Улеб в 1032 году доходил до «Железных Врат» (Дербента), где погибло в бою множество новгородцев». Он писал далее, что дорожка, проторенная на Северный Кавказ в дни величия и славы, «не западала» и в скорбное время монголо-татарского ига. «Новгородская вольница по-прежнему пробиралась по Волге в Каспийское море, грабила его берега, а потом распродавала свой ясырь и добычу в татарской Астрахани»¹.

Как отмечалось выше новгородские ушкуйники действительно были, по нашему мнению, во многих отношениях предшественниками казаков. При всем этом было бы все-таки серьезным упрощением ставить между ними знак равенства. К тому же нельзя не заметить, что сами по себе сведения о набеге новгородцев в окрестности Дербента в 1032 году следует использовать с очень серьезной оговоркой. Уже Н. М. Карамзин, приводя эти сведения, отмечал, что они даны в Никоновской и некоторых других летописях, но у Нестора и в харатейной Новгородской летописях, также как и в летописи Попа Иоанна сообщения об этом нет. Крайне щепетильный в том, что касалось точности, сообщаемого им материала, Н. М. Карамзин именно поэтому не стал включать известия о походе Улеба с его ватагой в основной текст «История государства Российского», а дал его в примечании, специально оговорив, что В. Н. Татищев помещал Железные Ворота на Урале, а Г. Ф. Миллер был в этом отношении с ним вполне солидарен². С. М. Соловьев, также изучивший этот вопрос, писал: «К княжению Ярослава относятся первые положительные известия о столкновениях русских с финскими племенами: под 1032 годом встречаем известие, что какой-то Улеб (очень может быть, что Ульф — сын Рагнвальда) ходил из Новгорода

на Железные Ворота, но, как видно, поход был неудачен, потому, что из дружины Улебовой мало возвратилось народу. 80 верст к югу от Устьсысольска, у села Водча, находится городок, по-зырянски Карил, т. е. городской холм; предание и теперь называет это место Железными воротами»³. Как видим даже факт прибывания новгородской вольницы на Северном Кавказе в 1032 году вряд ли можно считать достаточным твердо установленным.

И. Д. Попко и М. А. Караулов, отмечая эпизодические набеги новгородских ушкуйников в XI—XV веках на Северный Кавказ, детально разработали версию о том, что массовое переселение русских казаков на Терек произошло в первой половине XVI века⁴. В. А. Потто хотя и с некоторыми оговорками соглашался с основными положениями этой версии⁵.

Наиболее четко версия сформулирована в книге И. Попко «Терские казаки с стародавних времен»⁶. Существование версии сводится к тому, что набеги новгородских ушкуйников (а новгородское ушкуйничество И. Попко считает «началом воровского казачества») проложили русским дорогу на Терек. Возможно даже, что некоторые ушкуйники селились здесь при вполне благоприятном отношении к этому местным жителям. Непосредственным же толчком для переселения на Терек большой группы рязанских казаков было, по его мнению, присоединение к Московской державе великого княжества Рязанского, последовавшее в 1520 году.

По версии И. Попко московское правительство, борясь с сепаратистскими тенденциями в присоединенном княжестве, приняло решение переселить живших до того в Червленном Яре вольных казаков в Суздальские пределы. И. Попко весьма подробно с обилием мелких деталей описывает, что за этим приказом последовало: «Когда московский наместник объявил рязанцам приказ о выселении в пределы суздальские, Червленный Яр замутился и разделился на два «круга»: в одном из них, люди пожилые и более зажиточные приговорили покориться новой сильной власти и, под ведомством московских приказов, служить в городских казаках, по стрелецкому уряду, где доведется; в другом же кругу казаки молодые, нестолько домовитые и к тому же бывалые, знавшие с новгородскими удалыцами, шумно решили отправиться по знакомой дорожке на Дон и на Волгу и уже не самодурью, а обдуманно, с родом и племенем, у кого такие были. Каждая из сторон осталась при своем и одна другой не перечила — как всегда водилось в казачестве»⁷.

И. Попко сообщает, что в волости Червленного Яра зимовала тогда станица новгородских ушкуйников, которые подбивали рязанских казаков уйти с ними на Волгу. В конечном счете новгородские ушкуйники и рязанские казаки «несогласники» объединились и совместно двинулись в путь «на святой неделе, после разговенья красным янчком, караван отплыл от городка Червленного, с пищальной пальбой и песней». И. Попко подробнейшим образом описывает триумфальное шествие казаков по Волге и Дону, по Каспийскому морю и Тереку, закончившееся в конечном счете основанием на гребнях казачьей колонии, послужившей началу Гребенскому казачьему войску и уточняет, что это событие произошло во второй четверти XVI века, «к концу царствования Василия Иоановича, в 1530-х годах»⁸. Большинство сторонников этой версии с теми или иными вариациями пересказывают сообщение И. Д. Попко, порой оспаривая те или иные его частности. Например, М. А. Караулов в отличие от И. Д. Попко полагал, что Червленный Яр, откуда переселились на Терек рязанские казаки, расположен не в южной, а в восточной части Рязанского княжества⁹. Он сделал этот вывод на основе данных диалектологии.

И. Бентковский и И. Кравцов справедливо отмечали в свое время недостатки и противоречия версии И. Попко¹⁰. И хотя они в свою очередь тоже не избежали противоречий, пожалуй не менее серьезных, чем противоречия И. Д. Попко, в главном, по-видимому, все-таки правы: версия И. Д. Попко слишком слабо аргументирована.

В самом деле, при ближайшем рассмотрении выясняется, что в основе ее лежат главным образом общие рассуждения вроде «естественно думать, что такие флоты (флоты ушкуйников — В. М.) проникали в Каспийское море и наведывались в устье Терека»¹¹, причем совершенно неясно, почему собственно «естественно думать» так, а не иначе. Кроме общих рассуждений И. Попко приводит также без серьезной проверки предания терских казаков, собранные к тому же не специалистами. Например, весь эпизод о переселении рязанских казаков из Червленного Яра на Терек основан на рукописном сборнике «местных преданий, казачьих и горских, заслуженного гребенца, генерал-майора Феодула Филипповича Федюшкина»¹², а данные об участии гребенских казаков в посольстве кабардинских князей к Ивану Грозному в 1555 году, взяты из казачьей песни¹³. Конечно, полагаться на песни

и предания как на стопроцентно достоверные источники не приходится.

Не более убедительными выглядят попытки связать воедино рязанских казаков и новгородских ушкуйников. Фактически главным доказательством этой версии является то, что в Гребенском (Кизляро-Гребенском) полку вплоть до конца XIX века хранились 103 старинных знамени, причем два из них «с едва заметным изображением новгородского герба»¹⁴. Но знамена могли попасть в полк не обязательно — от ушкуйников. Новгородские ушкуйники, зачастую совершавшие походы на свой страх и риск, далеко не всегда воевали под новгородскими знаменами. Зато известно, что в старину, когда само знамя было вещь довольно дорогостоящей, вновь сформированным частям или частям, утратившим по той или иной причине знамя, нередко выдавались знамена расформированных сотен и полков. Например, Уральское казачье войско, утратившее свои боевые знамена во время несчастного Хивинского похода под командованием князя Бековича-Черкасского в 1717 году, получило от Петра I взамен знамени упраздненных стрелецких полков «из тех, что поновее»¹⁵. Обнаружив эти знамена у уральских казаков, наверное, было бы все-таки несколько опрометчиво делать вывод о том, что предками уральских казаков были бежавшие на Яик стрельцы. Как видим в доказательствах И. Д. Попко все весьма зыбко, проблематично. На них вряд ли можно построить сколько-нибудь убедительную версию.

Не удивительно, что большинство историков, стремившихся опираться не на столь ненадежные «факты», а на то, что вполне твердо установлено, относили появление казаков на Тереке лишь ко второй половине XVI века, когда Московское царство завоевало уже Казань и Астрахань. Такой точки зрения придерживались В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Броневский, И. Л. Дебу, А. Ржевский¹⁶, да и большинство советских историков¹⁷. Сегодня она доминирует в науке. Надо, однако, отметить, что, строго говоря, точка зрения И. Д. Попко также имеет право на существование, в качестве одной из возможных научных гипотез.

Как бы там ни было, но даже если отдельные ватаги ушкуйников — новгородских, хлыновских или каких-то других и проникали на Терек, создавали свои поселения на его берегах, то во всяком случае лишь с момента завоевания Россией Астрахани в 1556 году, были созданы минимально необходимые условия для освоения русскими Северного Кавказа.

К этому времени и относятся первые, дошедшие до нас документы, касающиеся поселения казаков на Тереке.

Известно, что Иван Грозный, особенно после своей женитьбы на дочери кабардинского князя Темрюка, красавице Мариан или как ее зовут в русских летописях Марии Темрюковне (в 1561 году) серьезно активизировал свою дипломатическую деятельность на Северном Кавказе. Не случайно, что в Персии, Турции и в Крымском ханстве отнеслись с большим недовольством и подозрением к матримониальным действиям Московского царя. Для подозрений у них было больше чем достаточно оснований: многие кабардинские князья и без того ориентировались на Москву. Уже в ноябре 1552 года, т. е. сразу после присоединения к Московскому царству Казани, в Москву прибыли двое черкасских князей с просьбой принять их в подданство. В августе 1555 года в Москву прибыла делегация во главе с князьями жажинскими Сибоком, Ацымгуком и Тутарыком, которые били челом Ивану Грозному уже от всех жителей земли Черкасской, о том, чтобы царь и великий князь Московский дал бы им помощь против царей турецкого и крымского, а они взамен объявляли себя, своих жен и своих детей холопами московских государей на веки вечные. Иван Грозный пожаловал их «великим жалованием», обещал помогать против крымских ханов, относительно же турецкого султана ответил, что с ним у него мир.

Два года спустя кабардинские князья Темрюк и Тизрют просили Ивана Грозного дать им помощь против Шахмала Тарковского. Именно по их просьбе Иван Грозный и послал в 1559 году впервые Московские войска на Кавказ. К сожалению, детали похода не известны. Но судя по тому, что Шахал Тарковский в том же 1559 году заключил мир с кабардинскими князьями и сам вступил в русское подданство, это первое, со времен Киевской Руси предприятие русских войск на Северном Кавказе было видимо успешным¹⁸.

В связи с походом 1559 года некоторые историки высказывали в прошлом и высказывают сейчас различные предположения об участии в нем казаков. И. Д. Попко, например, пишет как о чем-то само собой разумеющемся, что в составе направленного против Шахмала царского войска «должны были находиться гребенские казаки»¹⁹. Он идет даже и еще дальше, предлагая считать 1559 год — временем первой службы гребенских казаков Российскому государству²⁰. Но, строго говоря, доказательств этого у нас нет никаких. В летописных известиях о походе, казаки не упоминаются вообще, хотя это,

разумеется, отнюдь не означает, что их не было в царском войске. Вполне могли быть, но были ли в действительности? Вряд ли стоит на этот счет фантазировать даже из самых лучших побуждений.

Разумеется, что после женитьбы Ивана Грозного на Марии Темрюковне влияние Московского правительства в Кабарде резко возросло. В 1563 году Иван Грозный посылает для защиты своего теезя князя Темрюка от изменивших ему черкесов 500 стрельцов и 500 казаков. Фактически это первое достоверное известие о государевых казаках на Северном Кавказе. Казаки помогли князю Темрюку удержать свои владения от нападения и разорения мятежниками. Но, конечно, кардинально решить вопрос о дальнейшей судьбе Кабарды эта тысяча человек не могла²¹.

В 1566 году в Москву из Кабарды прибыл царев шурин, князь Матлов Темрюкович и с ним тридцать человек. Они били челом, «чтобы Государь пожаловал для бжеженья от недругов велел город на реке Терке усть Сююнчи реки, поставить», — говорится в Александро-Невской летописи²². Эта просьба была удовлетворена. 2 февраля 1567 года в Астрахань и на Терек были посланы вместе с князем Матловым русские воеводы князь Андрей Семенович Бабичев и Петр Протасьев «со многими людьми, да и пушки и пищали»²³.

Отряд построил в 1567 году на территории Кабарды первую русскую крепость²⁴. Она была расположена на правом берегу Терека в месте впадения в него Сунжи. Стратегическое положение крепости было чрезвычайно удобным. Она стояла в непосредственной близости от перевоза через реку Сунжа, на пути, называвшемся в документах XVI—XVII вв. Османовским шляхом или Османовщиной. В город сходились также еще несколько караванных путей. В крепости был русский гарнизон, состоявший из стрельцов и казаков. С этого момента и можно говорить уже с полной определенностью о зарождении казачества на Тереке.

Важность строительства нового города оценили однако не только жители Кабарды и Московское правительство, но также и в Стамбуле. Угрожая войной Московскому государству, турецкий султан ультимативно потребовал снести город, военный гарнизон вывести. Воевать с Блистательной Портой Русское государство тогда не могло. И Иван Грозный пошел на уступки. Город снесли. В грамоте, направленной царем турецкому султану в марте 1571 года, говорилось: «Желая быть с тобою впредь в братстве и любви, мы показали братской

любви знамя: город с Терека реки, из Кабардинской земли, велели снести и людей своих оттуда свести в Астрахань; а что ты писал к нам о дороге, то она была заперта для того, что многие люди ходили воровским обычаем, измены многие и убытки нашему городу Астрахани делали; но теперь для тебя, брата нашего, дорогу мы отпереть велели всяким проезжим людям»²⁵.

Надо сказать однако, что уход московских войск не означал фактически прекращения жизни крепости. Ее тут же заняли (неизвестно самовольно или по тайному царскому указу) «воровские» казаки, которых к тому времени скопилось на гребнях довольно много. К ним добавились вскоре до трехсот казаков, самовольно прибывших с Волги, а также многочисленные беглецы из различных российских областей²⁶. Слишком уж привлекательно было место, на котором крепость располагалась. Из нее с равным успехом можно было как защищать государевы интересы и государевых союзников в Кабарде, так и грабить проходившие вблизи этого бойкого места караваны.

В 1577—1578 годах по случаю русско-турецкой войны крепость восстановили. Она реально являлась тогда одним из важнейших пунктов защиты русских интересов на Северном Кавказе. После восстановления ей дали название Терки. Уже в 1577 году крепости суждено было сыграть весьма существенную роль в развернувшейся на Кавказе войне. Подробности этого дошли до нас в передаче возглавлявшего русский гарнизон в Терках Лукьяна Новосильцева. Л. Новосильцев в 1578 году был послан Иваном Грозным послом к германскому императору Рудольфу II. Его рассказ о событиях на Тереке, свидетелем и участником которых он был, сводится к следующему: еще до прибытия на Терек русского отряда, которым он командовал, турецкие войска вторглись за реку Сулак в персидские владения, заняли там города Шемаху и Темирхан и, оставив в них гарнизоны, возвратились назад.

«И Казилбашский шах, — продолжал Новосильцев, — собрался под свои города пришед и те свои города облегал многою силою. И турецкий султан писал к крымскому к Мегметь-Гирею царю, чтоб Мегметь-Гирей царь шол в Кизилбашу, к турецким людям на помощь, со всею Крымскою ордою, и Крымский Мегметь-Гирей царь сам в Кизилбашу не пошел, а послал брата своего Калгу-Алды-Гирея царевича со многою ратью, а как Крымский царевич... шол своею ратью мимо го-

сударя нашего города Терку и лез Сунчу реку, у Горячева колодезя, а с ним было ратных людей полтретьядцать тысяч, и прислал ко мне государеву воеводе, в Терку, прошати у меня дороги и казаков бы мне государевых в то время велети уняти, чтоб им Сунчу реку от Терских казаков перелезли здорово. И как Крымский Алды-Гирей царевич перелезши Терку сошелся с Кизилбашским и кизилбашские люди его побили, и Калгу-Алды-Гирея царевича взяли жива и которые люди Крымского с того дела утекли и пошли назад и перелезли Сунчу реку далее от Терскаго города, и нам про них случилась весть, что они через Терку перелезли безвестно, а с ними было тысяч с десять. И аз дошедь, с Божиею помощю и государевым счастием, тех людей побил на голову и лошади их отогнал»²⁷.

Мы видим, таким образом, что русская крепость на Тереке, занятая казаками, сыграла весьма существенную роль в разгроме турецких войск, являвшихся в конце XVI века главными соперниками Московского государства на Северном Кавказе. Между тем необходимость укрепления позиций царства Московского в этом районе настоятельно требовала контроля за устьем Терека. До тех пор пока этого не было, любой противник: персы, крымско-турецкие войска или отряды их вассалов на Кавказе в любой момент могли перекрыть пути сообщения между русской колонией в Кабарде и Московским государством.

Терский городок был вновь оставлен московскими войсками. Но вновь, как и несколько лет назад, вольные казаки отказались покинуть обжитые уже места. К тому же эти места по обилию караванных дорог были очень удобными с точки зрения сформулированного И. Д. Попко главного интендантского правила гребенских казаков: «Волка ноги кормят»²⁸. Русских казаков поддержали в тот момент ориентировавшиеся на союз с Москвой кабардинские князья которых, правда, конечно же не радовало казачье интендантское правило, но они прекрасно понимали, что обосновавшиеся на гребнях казаки — их естественные союзники в борьбе против турок и персов. Так или иначе гребенские казаки не ушли, а пополнив свои ряды выходцами с Волги и из более отдаленных районов Московского государства, оседали караванные пути.

И вновь на них посыпались жалобы в Москву из Бахчисарая и из Стамбула. В русско-турецких отношениях этого времени терские казаки играли уже столь серьезную роль,

что, направляя своего посланника Благова в Константинополь, царь и великий князь Федор Иоаннович счел необходимым специально проинструктировать его о том, как надо отвечать пашам султана Амурата на их претензии относительно действий казаков с Терека. «Мы знаем, — должен был говорить Благов, — что вы жалуетесь на разбой Терских Козаков, мешающих сообщению между Константинополем и Дербентом, где ныне султан властвует, отняв его у Шаха Персидского: отец Государев, Иоани, для безопасности Черкесского князя, Темрюка, основал крепость на Тереке, но в удовольствие Селима вывел оттуда своих ратников: с сего времени живут в ней Козаки Волжские, опальные беглецы, без Государева ведома»²⁹.

Конечно, отвечая турецкому султану и его пашам следующим образом, российский посол, так же как и государь Федор Иоаннович, несколько лукавил. Вряд ли приходится сомневаться в том, что на гребнях в Терском городке жили тогда действительно «воровские» казаки и следовательно «ослушники» государевы. Но несомненно и другое: услугами этих беглецов и ослушников Московские цари пользовались весьма широко, причем не только на Северном Кавказе. Во всяком случае ответ, данный Федором Иоанновичем, был вполне типичным дипломатическим ответом на подобные вопросы иностранных государей относительно казачьих подвигов.

Правда и то, что иностранные государи в свою очередь всячески старались «утеснить» казаков, лишь только к этому предоставлялась какая-нибудь возможность. Сохранились предания о том, что Шамхал Тарковский — ненадежный подданный Московских царей, то клявшийся в верности Ивану Грозному и его сыну, то изменявший тому и другому, великоленно понимая стратегическую важность присутствия на гребнях русских казаков, попытался захватить Терки. Неожиданно подступив к городу с большим войском, он попытался с ходу приступом взять его. Казаки отбили приступ. Началась длительная и весьма изнурительная осада. Запрудив канал, по которому из Терека в крепость шла вода, Шамхал думал уморить осажденных жаждой и таким образом вынудить к сдаче. Осажденные, испытывая муки жажды, тем не менее продолжали упорно отбиваться. Пробовали копать на территории крепости колодцы, из этого ничего не выходило. Предания рассказывают, что после двадцатидневной борьбы, когда силы осажденных были уже на исходе, наступил один из самых почитаемых казаками праздник — День Святой

Троицы. «Кзаки пели молебен и просили у Бога дождя. К вечеру пошел проливной дождь и на утро крепостной ров наполнился водою, как будто манною, сошедшею с неба для голодных детей Израиля в пустыне. Это чрезвычайно ободрило и оживило осажденных, а Шевкала заставило снять осаду и отступить. В наступившую ночь казаки сделали вылазку и побили татар на ночлеге, захватив у них порядочную добычу»³⁰.

Одержанная победа не могла однако затушевать того обстоятельства, что нечаянное нападение Шамхала Тарковского нанесло серьезный ущерб гребенским казакам. Их поселения, располагавшиеся вне стен крепости, были пограблены или сожжены, стада скота угнаны, да и потери казаки понесли судя по всему тоже немалые. В сущности речь шла о том, что были поставлены под угрозу позиции, с таким трудом завоеванные на Северном Кавказе Московскими государями. Обеспокоенное этим правительство приняло экстренные меры. Терский городок был срочно исправлен, укреплен и занят отрядом московских стрельцов под командованием воеводы князя А. И. Хворостинина. Направленное из Астрахани войско разорило владения Тарковского Шамхала. Воевода Хворостинин потребовал от него повинования государю. Вот что писал он Шамхалу в 1589 году: «К нам изо всех ближних и дальних мест, все Кабардинские и Горские князи, присылали Послов и учинились под Государя нашего рукою... а ты, Шевкал Князь, живешь ближе иных, а по ся места ни о чем еси не присылал и прежнюю свою присылку забыл, что было тебе быти в Царской воле, и Государь послал бы и на тебя рать свою, и ему бил челом Мурат-Кирей Царевич (зять твой) чтобы на тебя рати своей ещо не посылал... и ты бы прислал в город Терской в заклад братью свою»³¹. Это не были пустые угрозы. В относящихся к 1590 году документах отмечается, что войска А. И. Хворостинина, стрельцы и казаки, «Шевкалу утеснение великое учинили», и «реку Койсу Государевы люди у него отняли, и город на Койсе хотят ставити, и Шевкал Государю бьет челом»³².

Московское правительство позаботилось об укреплении российских позиций на Кавказе. С этой целью в 1588 году в устье реки Терек на его притоке Тюменке был заложен город, который вначале называли то Теркою, то Терским городом, то Тюменским острогом на Тереке, то Тюменским новым городом. С этого времени постепенно за старым городом на

Сунже закрепилось название Сунжина городища или Сунши³³.

Новый город в устье Терека стал резиденцией московских воевод. Первым воеводой в него был назначен князь Андрей Иванович Хворостинин, прибывший в крепость с значительным отрядом московских стрельцов и городских казаков. Под его руководством ратные и рабочие люди московские во главе с боярином Михайлом Бурцевым и келарем Протасьевым окончательно завершили строительство укреплений. 22 ноября 1588 года князь А. И. Хворостинин докладывал государю о том, что город поставлен и что он переселился в него с войсками и со многими жителями³⁴.

Новый город был по тем временам достаточно серьезно укреплен. Судя по мемуарам Олеария, Котова и некоторых других путешественников, посетивших Терский городок в начале XVII века, он был обнесен вокруг высокими деревянными стенами с бойницами и башнями. В городе имелась собственная артиллерия, что на Кавказе было делом сравнительно редким. Путешественники рассказывали также, что на них производило весьма благоприятное впечатление устройство Терского городка, его планировка, имевшиеся в городе здания, в том числе собор, каравансарай, торговые ряды, а также воеводский двор и другие присутственные места. Город и его окрестности утопали в садах, благо климат здесь был самый благоприятный для садоводства и огородничества. «А около города Терка садов много и в садах всяких овощей много. А против Терка остров Чечень стоит в мори, ходу до него парусом полдни и тот остров велик и рыбы много», — писал о новом городе московский купец Федот Котов³⁵.

По течению Терека от старого города до нового, а также на гребнях гор располагались станицы и курени, в которых жили казаки городовые и вольные. Их количество довольно быстро росло. Только в новом Терском городке проживали в XVI—начале XVII веков до двух тысяч московских стрельцов и до пятисот городских казаков. Надо сказать, что колебавшееся, правда, постоянно число казаков вольных, по-видимому значительно превышало количество казаков городских. Уже в 90-е годы XVI века в случае начала военных действий терские казаки выставляли до 1000 воинов, из которых половина была — городовые казаки. Городовые казаки несли государеву службу за определенное (и довольно значительное по тем временам) жалование, вольные служили бесплатно или как тогда было принято говорить и писать «с травы и

воды». Но они не были обязаны выставляться на войну поголовно всех имевшихся в наличии бойцов. К тому же вольное казачество терское, сделав своим центром остров Чечень, чрезвычайно активно промышляло в Каспийском море, не оставляя своими заботами также Волгу и Яик. Поэтому между волжскими, терскими и яицкими казаками установились очень прочные связи. Они практически ежегодно организовывали совместные предприятия на Каспийском море. Переход казаков с Волги на Терек и обратно, тоже был делом вполне обычным и заурядным. Любопытна и такая деталь: казаки, которые почему-либо не могли принять участие в походе за зипунами, нередко нанимались для охраны купеческих караванов, следовавших по той же Волге или Каспию. Знаменитый терской казак Илейка Муромец, выдававший себя за царевича Петра во времена великой Смуты в Московском государстве, прежде чем уйти на Терек был наемным казаком у разных купцов, водивших торговые караваны по Волге, Каме, Вятке³⁶. Конечно охрана купеческих судов считалась занятием более спокойным, но зато не столь прибыльным. Нападать на караваны было не в пример выгоднее.

Разумеется, что промышляя на Волге и в Каспийском море, гребенские и терские казаки не оставляли своими заботами и места близлежащие. Воевода А. И. Хворостинин писал государю: «Здесь, государь, как приехали мы на Терек, в твой государев Тюменский острог, Михайло Бурцов да келарь Протасьев дали нам роспись, что погромили Терские атаманы и казаки на реке Брянце у людей калского узденя Аплана Боранского, а на погроме взяли трех человек да с ними 45 лошадей, да разные вещи...». У Тюменского князя Салтанея казаки «поймали на звериной ловле трех человек и отвели их в плен и забрали у них оружие, 40 лисиц и иной всякой рухляди...». По требованию воеводы казаки возвратили четырех пленных (двое других, по их словам, «утекли»), лошадей же и рухляди не отдали и сами к воеводе не поехали³⁷. И воевода с этим смирился.

О том, насколько самостоятельными чувствовали себя по отношению к Москве гребенские и терские казаки, можно судить и по тому, что они порой нанимались на военную службу к местным государям (к Карталинскому царю Семеону, к Кахетинскому царю Александру и др.)³⁸. И все это, разумеется, без какого-либо разрешения Москвы или московских воевод на Кавказе.

На Тереке как и в других районах формирования казачьих общин не было непроезжимой грани между казаками городовыми и вольными. Городовые нередко принимали участие в военных предприятиях «воровских» казаков, «воровские» — при подходящих условиях нанимались на государственную службу. При всем том некоторые различия все же имелись. Городовые казаки составляли здесь более зажиточную и более оседлую часть населения. Многие из них имели свои семьи, довольно значительные хозяйства, что у вольных «воровских» казаков встречалось относительно реже.

Говоря о городовых казаках, размещавшихся в Терском городке, надо отметить также что, подавляющее большинство из них были пешими, что в общем-то соответствовало и их стилю жизни, и решаемым ими задачам: оборона Терского городка, походы, совершавшиеся в основном по морю и по рекам. Именно поэтому русским послам, отправленным к Кахетинскому царю, было приказано говорить, «что в том государевом городке на Терке государевым людям конным быть невозможно, а будут все люди пешие и стрельцы и казаки с вогненным боем»³⁹. Среди вольных казаков, а позднее и среди городовых, конные все-таки были, хотя и сравнительно немного.

Кроме несения государевой службы и походов за зипунами, важнейшими источниками доходов казачества как вольного, так и городского были охота, рыбная ловля, а также занятие сельским хозяйством, которое начало активно развиваться среди русских на Тереке с конца XVI—начала XVII веков.

Как донское, запорожское и яицкое казачество терское сформировалось на полиэтнической основе. Кроме русских беглецов из самых различных областей Московского государства, среди терских казаков был весьма силен тюркский элемент. Казачество активно пополнялось представителями горских народов, причем иногда они вливались в состав войска довольно значительными группами. Например, в 1590 году на Терек из Кабарды ушли князь Куденек Камбулатов и Сунчалей Янглычев со своими узденями.

Сунчалей Янглычев остался на службе и поселился в Терском городке. Любопытно также, что постепенно около городка формируются слободы, названия которых Черкасская, Татарская и Новокрещенская, говорят сами за себя. Уже в конце XVI века жители этих слобод — мусульмане по преимуществу начали переходить в православную веру (отсюда и

название «новокрещены») ⁴⁰. Правительство, православная церковь всячески стимулировали этот процесс. Крестившиеся знатные люди получали обычно вместе с православными именами княжеские титулы или сохраняли их, если таковые имелись раньше. Как рядовые, так и знатные горцы привлекались обычно на военную, казачью службу за соответствующее жалование.

Столь же пестрым как национальный был и социальный состав казаков. Конечно, каких-либо обследований или даже переписей казаков на Тереке в XVI—XVII веках не проводилось. Однако имеются относящиеся к этому времени разрозненные, но довольно характерные данные. По словам упомянувшегося уже Лжепетра среди пяти старых казаков, затеявших авантюру с выдвижением его кандидатом на московский престол, двое были боярскими холопами и служили: один у князя В. Черкасского, другой — у князя В. Трубецкого. Сам же Илейка Муромец до того, как сделаться казаком, был казачьим холопом сына боярского Г. Елагина ⁴¹.

Мысль о том, что терские казаки — бывшие холопы, бежавшие от своих хозяев, постоянно подчеркивалась на переговорах в дипломатической переписке московских царей с иностранными государями в конце XVI—начале XVII веков ⁴². Правда, принимать такого рода заявления за стопроцентную истину конечно же не приходится: слишком были заинтересованы московские цари в том, чтобы представить дело так, как будто доставлявшие иностранным государям хлопоты казаки были какими-то отщепенцами, за действия которых московское правительство не может нести никакой ответственности. В реальной жизни среди терских казаков были и дети боярские, и выходцы из дворян, даже туземные князья, лица духовного звания, подьячие и т. д. Но, по-видимому, беглые холопы все-таки преобладали.

В распоряжении историков имеется слишком мало сведений о социальной дифференциации внутри терского казачества в конце XVI—начале XVII веков. Однако те сведения, которые есть, говорят о том, что она появилась уже тогда. Судя по всему, человек, бежавший из России в казачью общину на Терек, далеко не сразу становился полноправным казаком. Обычно он шел вначале в подручные к старым казакам. Таким подручным был некоторое время у старого казака на Тереке и Илейка Муромец. Причем в отряде у этого казака были и другие молодые товарищи ⁴³.

Институт своеобразного казачьего ученичества исследован еще недостаточно, да и по скудности имеющихся в распоряжении историков документов сделать это весьма не просто. Ясно однако одно: на Тереке, как и в других казачьих общинах, имущественное и не только имущественное разделение имело место уже в конце XVI века. Надо однако отметить, что значение этого фактора в тот период вряд ли следует переоценивать. Даже и много позднее расслоение казачества шло значительно медленнее чем, например, крестьянства.

Именно XVI—начало XVII веков были временем наиболее широкого развития казачьей демократии. Как в Запорожье, на Дону, на Яике, так и на Тереке в казачьих общинах существовала выборность атаманов и вообще всех лицеехих в них лиц. Все основные вопросы по крайней мере формально, решались на круге. Например, вопрос о том, кому быть самозванным царевичем Петром, терские казаки обсуждали в 1606 году именно на круге. Наряду с Илейкой Муромцем была выдвинута еще другая кандидатура и лишь когда второй кандидат, отговариваясь незнанием московских обычаев, снял свою кандидатуру, терские казаки утвердили на роль «царевича Петра» Илейку Муромца ⁴⁴.

Разумеется, что колонизация казаками — служилыми и вольными — Терека и прилегающих к нему районов, укреплявшая позиции Московского государства на Северном Кавказе, отнюдь не радовала ни турецкого султана, ни крымского хана, ни персидского шаха. Одной из серьезнейших претензий, которую высказал, например, крымский хан Борису Годунову, была такая: «Ваши козаки донские Азову городу досаждают; ваши же козаки с Дона и с Самары к Овечьим водам приходят украдкою к нашим улусам, воруют скот. Султан ко мне писал, что казну свою потратил, взял город Дербент, а теперь из Азова в Дербент людям его прохода нет: русские козаки, которые на Тереке живут, на перевозах и топких местах на них нападают; султан не может этого терпеть с большою ратью и нарядом хочет города брать и Москву воевать» ⁴⁵.

Редко подобные требования крымских ханов поддерживались их сюзеренами и покровителями из Стамбула. В 1592 году, например, гонец крымского хана со ссылкой на своего государя и султана турецкого требовал от русского правительства свести с занимаемых ими мест терских и донских казаков. Дьяк Андрей Щелкалов отвечал ему так: «Это дело не-

статочное, государь наш в этом крымского и турецкого не послушает, мало ль что турецкий пишет! Прежде писывал турецкий о Казани и Астрахани, и тому чему верить? Как было тому статья? А теперь также не схожее дело. Терского города государю нашему не снашивать. Терский город поставил государь в своей отчине, в Кабардинской земле для того: из давних лет кабардинские черкасы холопы государевы; а бежали из рязанских пределов в горы, и служили отцу государя нашего и теперь служат; они били челом, чтоб для их обереганья город велел на Тереке поставить, а теперь государю нашему от своей вотчины как отступиться?»⁴⁶.

Московское правительство и не думало об оставлении Терека. Напротив, оно стремилось, насколько это возможно, укрепить здесь свои позиции, порой не рассчитывая как следует собственных сил. Это показали в частности события 1594 года, связанные с войной против Тарковского Шамхала. Дело в том, что еще в 1586 году кахетинский князь Александр, теснимый турками и персами, обратился к царю Федору Ивановичу с просьбой спасти жизнь и души его подданных, принять его княжество под высокую руку Московского царя. Федор Иванович дал на это свое согласие. Но, как выяснилось вскоре, защищать эти новые, удаленные от Москвы, владения было делом нелегким. Правда, Москва отклонила предложение князя Александра о совместной войне против Турции и Персии по случаю нарушения их войсками суверенитета Кахетии. Однако другое предложение кахетинского князя—о свержении с престола Тарковского Шамхала, с тем, чтобы заменить его сватом Александра Крым-Шамхалом показалось соблазнительным и вполне реальным.

Весной 1594 года князь Д. И. Хворостинин с отрядом казаков и стрельцов возобновил укрепления старого города на Тереке и, мобилизовав дополнительно до тысячи гребенских казаков, выступил в поход против Шамхала Тарковского. Русский отряд насчитывал в общей сложности до пяти тысяч человек⁴⁷.

На первых порах, казалось, что поход будет удачным. Отряд князя Хворостинина довольно легко взял Тарки, не имевшие серьезных укреплений. Но именно потому, что их легко было взять, защищать Тарки оказалось тоже непросто. Надежда на помощь кахетинского князя Александра не оправдалась. Он не прислал ни войск, ни продовольствия. Сват его Крым-Шамхал тоже не подавал ни малейших признаков

жизни, так что на престол в Тарках садить было собственно некого.

Между тем Шамхал Тарковский развернул против русских священную войну. Окружив отряд Хворостинина в Тарках, он отрезал ему пути сообщения с Терками, многочисленными нападениями изматывал русские войска, не давал возможности подвозить продовольствие, припасы, эвакуировать раненых. Положение сделалось критическим. Князь Хворостинин принял в такой обстановке единственно возможное решение: отступить. Отступали, не зная как следует дорогу и без проводников, обремененные обозом, в котором было немало раненых. Поэтому скорость передвижения была невелика.

Обнаруживший отступление отряда князя Хворостинина Тарковский Шамхал погнался за ним, догнал на марше и смело атаковал. Русским пришлось принимать бой в крайне невыгодных условиях. Прорываясь сквозь строй противника, русские казаки и стрельцы продолжали кровавый путь к Тереку. Пришлось бросить обозы, а затем и тяжело раненых (они сразу же были перебиты противником). В конечном счете вырваться из окружения удалось лишь немногим. До трех тысяч русских казаков и стрельцов были перебиты. Особенно большие потери понесли пребенские казаки. Из тысячи человек их вернулось домой не более семисот. Так закончился этот обещавший поначалу такие выгодные результаты поход⁴⁸.

Неудача, постигшая отряд князя Хворостинина, выявив слабые стороны русских на Северном Кавказе, не заставила однако Московское правительство отказаться от сделанных уже здесь завоеваний. Царь Федор Иоаннович, принявший титул государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкасских и горских князей⁴⁹ и не думал отказаться от своих претензий. Казаки тем более не собирались покидать Терек и даже увеличили в ближайшие годы свою численность за счет притока беглецов с Волги и других районов России. Да и местное население, особенно же князья, ориентировавшиеся на Москву, не изменили своей линии на союз с Россией. Тот же кахетинский князь Александр, который так сильно подвел отряд князя Хворостинина в 1594 году, отвечал на советы турецких послов перейти на сторону Турции, поскольку Москва мол далеко от Кахетии: «А Терек и Астрахань не далеко»⁵⁰. Эта его позиция осталась неизменной и после неудачи русских войск.

§ 3. Казаки на Урале

Одним из главных районов формирования казачьих общин наряду с Украиной, Поволжьем и Доном был Урал. Населенный финно-угорскими племенами, этот край уже в глубокой древности славился своими сказочными богатствами, особенно же пушниной и драгоценными металлами.

Русские начинают проникать на Урал задолго до монгольского нашествия. Летописцы, перечисляя племена и народы, платившие дань Руси в X—XII веках, называют в частности чудь, ямь, норому, пермь, печору, югру.

Распад Древнерусского государства и татаро-монгольское нашествие ослабили, но не прервали полностью связь с этими племенами. За влияние на Урале соперничали Новгородское и Ростовское княжества, а также все более усиливавшееся княжество Московское. На первых порах доминировали здесь несомненно новгородцы.

Новгородские летописи сообщают (правда, к сожалению, слишком скупо) не только о торговых экспедициях, предпринимавшихся на Урал купцами, но и о походах в этот край отрядов вольных ушкуйников. Именно эти предшественники казаков стали создателями первой относительно крупной русской колонии в Предуралье—Хлыновской республики, просуществовавшей независимо около трехсот лет.

Основанная на не дошедших до нас документах, а также местных преданиях, Хлыновская летопись «Повесть о стране Вятской» рассказывает, что в 1174 году группа новгородцев, чество, решила переселиться на новое место. Проплыв на ушчестве, решила переселиться на новое место. Проплыв на ушкях по Волге и Каме, они добрались до реки Чепцы, а затем до Вятки. Разгромив в нескольких боях местных жителей, они основали на месте захваченных вотякских поселений два русских города — Никульчин — ниже устья реки Чепцы и Хлынов (Вятку) — около устья реки Хлыновицы¹. Хлыновская республика была совершенно независимой от Великого Новгорода, нередко даже враждовала с ним. Но в том, что касалось организации управления и общественно-политической жизни вообще, новгородские традиции в Хлынове были очень сильны. Как и в Новгороде все главные вопросы решались на вече. Оно выбирало должностных лиц и отрядало их от должностей, что тоже было вполне в духе новгородской вечевой демократии. Имелось здесь однако и весьма серьезное отличие. Хлыновцы вообще не стали учреждать у себя

должность князя, сделав управление в своей земле республиканским не только по духу, но и формально².

Отношения с местным вотякским населением были у хлыновцев достаточно сложными. Вотяки под предводительством местных князьков не раз поднимались на борьбу с пришельцами, пытались даже захватить Хлынов. Но их нападения неизменно удавалось отразить, причем обычно с большим уроном для нападавших: слишком уж несопоставимы были вооружение, приемы организации военных действий у вотякских племен и у вчерашних новгородцев. Хлыновская республика крепла. В нее начали стекаться, кроме новгородцев, двиняне, да и выходцы из других городов и земель северо-восточной Руси. По справедливому замечанию С. М. Соловьева, независимая хлыновская община стала на северо-востоке «притоном всех беглецов, подобно южному Берладу и Тмутаракани»³.

Хлынов—Вятка практически вплоть до присоединения ее к Московскому государству (в 1489 году) была одним из главных центров ушкуйничества. Вятские ушкуйники, соединяясь с новгородскими или же действуя на свой страх и риск, совершали дерзкие походы на Волгу и Каму, захватывали купеческие караваны и грабили целые города как татарские, так и русские⁴. Ушкуйничество среди вятчан считалось одним из наиболее прибыльных и вполне легальных промыслов, как позднее считалось таким промыслом на Руси и в Польско-литовском государстве «казакование».

Наряду с ушкуйниками во второй половине XV века на Каменный пояс все чаще проникают московские дружины и в их составе казаки служили. В сообщениях о походах московских ратей на Вятку, в верховья Камы, на Западный Урал вообще казаки упоминаются постоянно. Летом 1468 года, во время войны с Казанским ханством, именно сюда — на Каму и даже в Башкирию — ходили воевать казаки Ивана Руна⁵.

В 1472 году Иван III направляет против Пермского князя Михаила дружину, которая разбила пермяков, захватила в плен самого князя. Правда, позднее он был отпущен из плена и даже продолжал княжить в Перми Великой, но уже как подданный Московского государя.

Фактически присоединив к Российскому государству Великую Пермь, Московские князья заботились о том, чтобы их новые подданные не терпели обид от соседних племен.

Здесь опять-таки немалую роль играла военная сила, в частности казаки. Когда в 1481 году вогуличи напали на Великую Пермь, московские войска разгромили их, воевали землю вогуличей по рекам Пелым, Тавде, Иртышу и Оби, взяли в плен многих местных князьков, которые после этого моментально пожелали мириться. 4 января 1485 года князья югорские и кодские заключили договор с подвластными Москве вымскими князьями Петром и Федором, «да с Олексием с казаком». Они обязались на пермских людей не нападать и «им лихо не мыслити». На том высокие договаривавшиеся стороны клялись и «из золота воду пили»⁶.

Южный Урал и особенно районы по течению реки Яик активно осваивались казаками вольными. Когда начался этот процесс — сказать трудно: если о служилых казаках сохранились все же какие-то упоминания в летописях, то действия вольных, не состоявших на государственной службе казаков, описаны в официальных актах и летописях значительно хуже.

Сохранились предания и легенды. Судя по ним еще во времена Тамерлана, т. е. в конце XIV — начале XV веков, на Яике обосновалась ватага удалцов во главе с атаманом Василием Гугней. О его происхождении рассказывали разное — одни считали Гугню донским казаком, другие — новгородским ушкуйником, бежавшим на Дон к казакам. Сначала он со своей ватагой промышлял на Волге и в Каспийском море, нападая на купеческие суда и караваны, потом сделал базой берега Яика, где лишь зимовал, отправляясь каждую весну на свой обычный промысел. Эта-та ватага (состоявшая из трех десятков человек) и положила, судя по преданиям, начало заселения Яика казаками⁷.

Легенды и относящиеся к началу XVIII века документы: донесение в Военную коллегию атамана Рукавишникова, прошение на имя Петра I яицкого станичного атамана Федора Михайлова и некоторые другие, в немногих словах, но довольно выразительно рисуют жизнь и быт первых на Яике русских поселенцев. Если верить этим источникам, то казачьи ватаги, по крайней мере вначале, были очень невелики — по нескольку десятков человек. Управлялись они выборными атаманами, власть которых однако была ограничена постольку-поскольку наиболее важные вопросы решались на казачьем круге.

Первые казачьи поселения строились обычно на островах — для безопасности. Это были временные жилища вроде

землянок, предназначенные для того, чтобы лишь перезимовать. По традиции, установившейся со времен Василия Гугни, весной казаки уходили промышлять на Волгу или на Каспийское море, причем, возвращаясь осенью на Яик, зачастую выбирали для стоянки новое место. Постоянные казачьи «городки» возникают позднее — по-видимому в конце XVI — начале XVII веков.

Берега Яика были заселены очень слабо. Живших здесь татар — сначала подданных ханов Золотой Орды, а потом Ногайских князей, конечно, не радовало столь близкое соседство с казачьими ватагами. Мелкие вооруженные столкновения между теми и другими были нередки, тем более, что у казаков довольно долго держался обычай добывать себе жен, нападая на окрестные селения.

Сохранились предания и о каком-то более крупном военном столкновении казаков с татарами. Хань Золотой Орды, видя храбрость казаков, хотели будто бы привлечь их к себе на службу, обещая за это дать им улусы и сделать мурзами. Казаки отказались. Татарское войско обложило со всех сторон казачий городок, надеясь уморить его обитателей голодной смертью. Голод среди казаков был ужасен. Они «от голоду ели подошвы и кожи и коренья и иную всякую нечистоту», — говорится на этот счет в одном из документов.

Тем не менее казаки не сдавались. Они сделали себе деревянные пушки, заряжали их за неимением ядер костями и камнями и били по противнику. В конечном счете татары вынуждены были уступить, оставив казачий городок в покое. Когда произошло это сражение, сказать трудно. Судя по тому, что речь здесь шла о ханах Золотой Орды — не позднее XV века⁸.

Надо отметить, однако, что казаки далеко не всегда враждовали с местными татарами. Некоторые из них, по-видимому, вступали в казачьи артели, участвовали в их походах. Характерна и такая деталь: буквально все предания и легенды о первых поселившихся на Яике казаках, отмечают, что в их артелях были также татары. Предание рассказывает, что уже в ватаге Василия Гугни был по крайней мере один татарин. В прошении же на имя Петра I яицкого станичного атамана Федора Михайлова «с товарищи» прямо говорится, что предки яицких казаков — вольные люди с Дону, а также татары «из Крыма, с Кубани, из иных мусульманских народов»⁹.

Но русские, православные составляли видимо большинство даже в самые начальные времена казачьей колонизации Яика. В пользу этого предположения, кроме сказаний и легенд, свидетельствуют также некоторые археологические находки, сделанные еще в XVIII—XIX веках. Речь идет здесь о неоднократно упоминавшемся учеными и путешественниками «Голубом городище», располагавшемся примерно в восемнадцати верстах от города Илецка на старом русле реки Урал—Кош-Яике. И. И. Железнов, исследовавший в прошлом веке остатки жилищ, могильников и укреплений, пришел к однозначному выводу о том, что это остатки не городка ногайских татар, как думали ученые до него (например П. С. Паллас), а, по-видимому, наиболее ранних поселений казаков на Яике. Об этом свидетельствует в частности то, что на месте «Голубого городища» река довольно часто вымывала из берега деревянные гробы. Ни ногайские татары, ни татары вообще тогда не хоронили умерших в таких гробах. Вероятней всего, что погребальный обряд у жителей «Голубого городища» был христианский¹⁰. К сожалению, мы не можем сейчас проверить достоверность сообщенных И. И. Железновым сведений, поскольку еще в прошлом веке река смыла последние остатки «Голубого городища». Заметим, однако, во-первых, что сообщаемые И. И. Железновым данные об обычаях обычно отличались высокой точностью. Во-вторых, что «Голубое городище», судя по всем дошедшим до нас сообщениям, располагалось там, где Яик ближе всего к течению Волги и, следовательно, здесь легче всего могли обосноваться казачьи общины, перебравшиеся с Волги или даже с Дона.

Таким образом, суммируя сказанное, мы можем сделать вывод о том, что есть немало прямых и косвенных данных, свидетельствующих о проникновении казаков на Урал, начиная самое позднее с XIV—XV веков. Несомненно, однако, что наиболее интенсивно процесс освоения казаками Урала развернулся после завоевания Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств, присоединения к Русскому государству Башкирии.

Сразу же после заявления башкир о подданстве русскому царю Иван Грозный направил в Башкирию довольно крупный отряд московских войск, состоявший из конных казаков и пешей роты стрельцов во главе с воеводой Иваном Нагим. Они основали в 1574 году на реке Белой Воложке небольшой острог, который собственно и был первым поселением русских в Башкирии. Острожек был занят гарнизоном, состояв-

шим в основном из городских казаков. С этого собственно и начинается история уфимского казачества, влившееся позднее в Оренбургское казачье войско. Со времени основания острожка, а значит и первой службы казаков государству, позднее стало исчисляться старшинство Оренбургского войска.

Острожек на Белой Воложке, являвшийся фактически предшественником нынешней Уфы, которая была заложена здесь позднее — в 1586 году, представлял из себя небольшое, на скорую руку построенное сооружение. От реки Уфы до Белой Воложки на расстоянии десяти верст был вырыт ров и построен палисад. Посередине палисада стояла башня, в которой постоянно дежурил караульный из казаков¹¹. По существу, это укрепление мало чем отличалось от обычных на юго-восточной и восточной границах, подобных оборонительных сооружений. Примерно по такому же типу были построены укрепления в Бирске и Мензелинске. Защищать такие укрепления в случае нападений кочевников было нелегко. Они выдерживали натиск противника зачастую лишь благодаря отчаянной храбрости, занимавших их гарнизонов, в которых каждый казак, каждый житель вообще прекрасно понимал: если крепость падет, пощады им не будет.

Уже на следующий год после основания острога на Белой Воложке, его гарнизон подвергся нападению кочевников, которых привели с собой в Башкирию сибирские царевичи Аблай и Тевкель. Нападение было успешно отбито, причем казаки так отличились, что скуповатый на милости подданным Иван Грозный приказал наградить их золотыми деньгами.

В 1582 году — новая беда. В первый, но далеко не в последний раз, против русского владычества восстала Башкирия. Повстанцы стремились уничтожить все возникшие к тому времени здесь русские поселения, убивали переселенцев не взирая на пол и возраст. Только мужество ратных людей, особенно же казаков, дало возможность в конечном счете подавить это выступление.

Российское правительство понимало, что одними лишь репрессивными мерами удержать присоединенные на Урале территории невозможно. Были приняты экстренные меры по привлечению в Башкирию русских и не только русских переселенцев. Сюда были переселены в частности наскоро крещенные после взятия Казани арские татары, потомки которых получили позднее название нагайбаков. Переселяют в этот

край немало марийцев, удмуртов, мишарей, мордовы. Конечно, и они были не такими уж надежными, с точки зрения московского правительства, подданными. Но зато у них сразу же начались трения и стычки с коренным населением на весьма благодатной для этого почве земельных отношений. Сказывалась здесь также и религиозная рознь. В результате переселенцы во время довольно многочисленных башкирских бунтов поддерживали обычно русскую администрацию. Принцип «разделяй и властвуй» действовал здесь в полной мере. Бывший тогда довольно крупным торговым центром

Если в Башкирию переселялись казаки преимущественно городские и по прямым распоряжениям правительства, то громадные территории по течению реки Яик осваивали в основном вольные казаки. Вопреки распространенной версии о том, что казаки пришли на Яик с Волги, после того, как их разгромил там отряд стольника Мурашкина, они очень мало напоминали беглецов, спасавшихся от царского гнева. Казачий отряд, прибывший на Яик в 1580 году, судя по всему был достаточно серьезной вооруженной силой. И думали казаки не столько о спасении бегством, сколько о завоевании новых территорий. Они захватывают в бою целый ряд принадлежавших ногайским татарам городков, в том числе Сарайчик,

По обычаям времени победоносный штурм города сопровождался последующим его капитальным разграблением. Ногайский князь Урус быть может все-таки несколько сгущая краски, так писал об этом Ивану Грозному: «Приходили де Государевы казаки сего лета (1580 года) и Сарайчик воевали и сожгли; не только, что живых людей секли, и мертвых из земли вынимали и гробы их разоряли».

В этом сообщении ногайского князя, кроме конкретных фактов, связанных с захватом Сарайчика казаками, особенно интересна такая деталь: Урус, судя по всему, вполне уверен, что казаки совершили нападение не на свой страх и риск, а с ведома и по поручению Московского правительства. Казаки напрямую названы им государевыми. Иван Грозный отвечал, что он здесь не причем. Казаки объявлялись государственными преступниками и ворами. Любопытно, однако, что царь Иван Васильевич многократно и торжественно отрицавший свою связь с казаками, как-то в пылу полемики с Урусом, незадолго перед этим в союзе с крымскими татарами, вторгшимся в русские земли и основательно их попрабившим, писал: «За такие ваши неправды и грубость повелим вас самих воевать... казакам астраханским и волж-

ским, и донским, и казанским, и мещерским. И над вами над самими и не таковую досаду учинят, и нам уже нынеча своих казаков унять немочно»¹².

На мысль о том, что связь между захватившими Сарайчик казаками и Московским правительством все-таки существовала, наводит и такое обстоятельство: именно в 80-е годы XVI века, одновременно с действиями казаков на Яике Московское государство принимает меры по укреплению своих позиций в соседней Башкирии, помогает Ермаку в завоевании Сибири, стремится прочнее закрепить за собой низовья Волги. Во всех этих случаях оно делает ставку на казаков.

Важно и то, что на этот раз казаки стремились уже не просто захватить ту или иную добычу, а обосноваться на Яике всерьез и надолго. Урус через несколько лет вновь вынужден был жаловаться Ивану Грозному, что действовавшие в числе 600—700 человек казаки поставили на Яике «город большой». В это же время русский посол в Турции боярин Благов сообщал в Москву, что по данным ногайских послов Кутлабердея и Тулупара, «казаки на Волге и на Яике и на реке Эми поставили городки многие»¹³.

Конечно же все жалобы и ногайских послов, и даже самого князя Уруса были сильно похожи на глас вопиющего в пустыне. Независимо даже от отношений с теми или иными казачьими артелями Московское правительство считало (хоть и не всегда афишировало это свое мнение), что казаки делают важное и нужное для Российского государства дело.

Поселившиеся на Яике казаки формально не были в конце XVI и даже начале XVII веков подданными Московских царей. Но влияние Московского правительства на них уже чувствовалось. В упоминавшемся выше наказе царя Федора Иоанновича астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину по поводу подготовки к походу в 1591 году против Тарковского Шамхала Московский государь велит яицким атаманам и казакам прибыть в Астрахань для участия в походе не позднее чем «к Петрову заговейну». При этом он достаточно категорично устанавливает и численность отряда яицких казаков — 500 человек и размер жалования: «... на корм им давати, в Астарахани, по осмине муки человеку, да десятма человеком четверть круп и толокна, или по колку пригоже, смотря по житью, сколько они у Истарахани станут жити, а конным сверх того, дати по четверти овса человеку. А будет они, для нужи, учнут просити денег, и им дати по

полтине человеку на нужу, а о досталном о денежном жалованье и о хлебном запасе, для Шевкалские службы, Государев указ будет вперед»¹⁴.

Тон государева наказа довольно характерен. За ящкими казаками и атаманами признается еще право поторговаться о размере жалования за службу («...просити денег»), но в общем к ним обращаются как к людям в определенной степени зависимым от Москвы, которым можно уже и «велеть». Обращает на себя внимание также численность отряда — 500 человек. Она говорит о том, что ящкие казаки представляли тогда в военном отношении довольно серьезную силу.

Участие в походе против Шамхала позднее официально считалось первой службой казаков Яика Российскому государству. С 1591 года и исчислялось старшинство Яицкого казачьего войска.

В конце XVI века, особенно после присоединения к Московскому государству Казани и Астрахани усиливается казачья колонизация Западного и Среднего Урала. Она в это время во многом связана с деятельностью именитых людей, промышленников и купцов Строгановых, получивших от Ивана Грозного громадные привилегии и в частности право осваивать новые земли, привлекая к себе на службу казаков.

Они и использовали это право, нанимая ватаги вольных казаков еще задолго до прихода на Урал Ермака Тимофеевича. Если Строгановы могли уже в 1572 году выделять на государеву службу в Большой полк тысячу казаков «с пещалми», то можно себе представить как велика у них была общая численность ратных людей. К Ермаку Строгановы обратились поскольку были наслышаны о храбрости, проявленной атаманом и его казаками в многочисленных стычках с ногайскими татарами, а также при нападениях на купеческие караваны. В апреле 1579 года Строгановы послали Ермаку и его товарищам «дары многие» вместе с грамотой, в которой звали их в свои Чусовские городки и острожки для ратной службы.

Казаки Ермака пробыли на Урале до похода в Сибирь по разным подсчетам от двух до четырех лет. Они защищали Строгановские городки от нападений соседних племен, сами совершали походы на эти племена, причем даже довольно отдаленные — за Уральский хребет. «По-за Камени Вогulich воевали и обогатели, а хлебом кормилися от Максима Строганова», — говорится по этому поводу в летописи.

Есть достаточно убедительные свидетельства того, что казаки, пришедшие на Урал к Строгановым, рассматривали свои поселения здесь не просто как временные жилища, где надо лишь перезимовать для того, чтобы весной можно было идти «за зипунами». Они как будто хотели обосноваться на Урале надолго. Казаки построили небольшой городок, который даже и позднее назывался Ермаковым городищем. В этом городке была построена и освящена церковь Святого Николая, в которой казаки совершали богослужения, благо среди них были три священника¹⁵.

Роль казаков Ермака в обороне, расположенных на Урале городков Строгановых, была столь велика, что, когда они пошли на восток в Сибирь и Пельмский князек, воспользовавшись их уходом, совершил нападение на русские городки, Строгановы получили чрезвычайно сердитую грамоту от царя Ивана Васильевича. Грозный требовал немедленно вернуть казаков Ермака, чтобы защитить российские поселения на Камени¹⁶. Правда, практического значения эта грамота не имела, поскольку когда она пришла, вопрос уже был практически исчерпан, а Ермак «с товарищи» находился далеко в Сибири. Но, во всяком случае, документ этот свидетельствует о том, что совсем недавно рассматривавший казаков как «воров» и «разбойников», приказавший переловить их и повешать Иван Грозный, уже до завоевания Ермаком Сибири, рассматривал поступивших на службу к Строгановым атаманов и казаков как очень важную силу, необходимую для обороны восточных рубежей государства.

Надо отметить также, что не все сподвижники Ермака, пришедшие с ним на Урал с Волги, отправились на завоевание Сибири. Часть казаков и атаманов осталась с разрешения Ермака в Строгановских городках и основанных казаками по реке Сылве поселениях. Некоторые источники сообщают также, что после гибели Ермака далеко не все его казаки ушли обратно в Россию. Большая часть из тех, кто уцелел во главе с атаманом Мещеряком остались либо в Сибири, либо же вернулись на Урал. Они прочно обжились со временем в этих районах. Грамоты Ивана Грозного и его ближайших преемников — Федора Иоанновича, Бориса Годунова, адресованные сибирским воеводам, под управлением которых находилась тогда и значительная часть Урала постоянно упоминают о поселениях казаков в Пермской земле по рекам Чусовой, Исети, Сылве, и другим местам¹⁷.

Мы видим, таким образом, что на Урале, как и в Европейской части царства Московского и в Польско-Литовском государстве, к концу XVI века вполне сформировались достаточно крупные общины вольных казаков, а также городовых, находившихся на государственной службе и, наконец, отряды, служившие частным людям, прежде всего Строгановым. Как и в других районах непроходимой грани между ними не было. Казаки с великой легкостью то поступали на службу к государству или частным лицам, и с такой же легкостью ее покидали. Характерно и то, что московские государи нередко ругая вольных казаков «ворами», «разбойниками» сплошь и рядом стремились заключить с этими «разбойниками» соглашения, чтобы использовать их военную мощь в государственных интересах. Конечно, государственная военная служба была важным, но далеко не единственным занятием казаков, особенно вольных. Как у запорожцев, донцов, терских казаков у их собратьев на Урале одной из главных статей дохода были экспедиции «за зипунами».

О военных походах уральских казаков известно, правда, гораздо меньше, чем об экспедициях казаков донских или запорожских. Постоянные мелкие стычки и набеги на окружающие их племена и народности: ногаев, башкир, киргизкайсаков уже по своей незначительности не могли поразить народное воображение. О них кроме преданий сохранились лишь очень краткие и не всегда ясные упоминания в летописях, кое-какие сведения в различного рода служебных документах, да еще некоторые свидетельства в работах преимущественно восточных авторов.

Между тем походы за зипунами — неотъемлемая составная часть истории казачества Урала. Характерно, что организаторами такого рода экспедиций была чаще всего отнюдь не казачья гольтыба, а люди состоятельные, либо со стороны (как, например, Строгановы, финансировавшие экспедицию Ермака), либо свои же зажиточные казаки. Это и естественно: военные предприятия — дело достаточно дорогостоящее, для них требовались корабли или лодки, если поход был морской или речной, требовалось оружие, припасы, продовольствие. Конечно, эти расходы окупались и давали немалую прибыль их организаторам в случае удачи. Впрочем, удача чаще всего сопутствовала им — ведь в казаки подбирались люди отважные и неплохо владевшие оружием. Те, кто влезал им плохо, не имели практически шансов выжить.

Яицкие казаки организовывали подобные экспедиции на Волгу или на Каспийское море практически ежегодно весной или в начале лета. Осенью они возвращались на родной Яик. На левом берегу реки между поселками Кулагинским и Гребенщиковским казаки по традиции делили добычу «дуван дуванный Яр». И место, где это обычно делалось, называлось Дуваный Яр.

Кроме морских яицкие казаки нередко организовывали и сухопутные экспедиции, иногда довольно отдаленные. Народные предания и работы восточных авторов сохранили сведения о крупной экспедиции яицких казаков в 1602 году против Хивинского ханства. Если верить этим данным, мысль о такой далекой экспедиции зародилась у казаков, когда они узнали, что жители одного из богатейших городов ханства — Ургенча, весной оставляют свои городские дома и кочуют все лето на берегах Амударьи. Казачьему атаману Нечая показало весьма заманчивым воспользоваться временной отлучкой наиболее боеспособной части населения.

Дело, правда, несмотря на это предстояло достаточно опасное, почему среди казаков нашлись трезвые головы, советовавшие атаману избрать для нападения другой, не столь богатый, но и не такой опасный объект. По обычаю казаков дело решилось на круге. Предание сохранило некоторые детали происходивших дебатов. Вначале выступил атаман, изложивший свое заманчивое предложение. Было предоставлено слово и представителям альтернативной точки зрения. Наиболее упорным оппонентом оказался какой-то бывший дьяк. Не мудрствуя лукаво Нечай приказал его повесить на ближайшей горе. С тех пор, меланхолически сообщает предание, гора сия зовется Дьяковой. Как бы то ни было, но вопрос решили. Около пятисот казаков (по другим данным даже до тысячи) совершили отчаянно смелый рейд, захватили Ургенч с налету, уничтожили немало местных жителей, в основном, конечно, стариков, детей и женщин, поскольку мужчины были, как и предполагалось, в отлучке; самым основательнейшим образом разграбили город, захватив громадные богатства.

Сгубила Нечая, его казаков неожиданно проснувшаяся у них страсть к беззаботной, праздной жизни. К тому же, как говорит предание, казаки захватили до тысячи женщин, и, как следует быть тому в легенде, в атамана влюбилась самая красивая ханская жена. Во всяком случае, возвращаться назад на Яик атаман не спешил. Его не встревожили даже

предупреждения ханши о том, что вот-вот может прийти с войском ее законный повелитель.

Наконец, после очень небыстрых сборов казаки двинулись в обратную дорогу. Они не спешили. Да если бы и спешили, вряд ли могли бы сильно ускорить свое движение, поскольку везли обозы награбленного, гнали до тысячи пленных.

Между тем, из похода вернулся хан. Оценив положение, с отборным войском бросился он догонять казаков и достиг их у устья Сырдарьи. Подробности сражения ханского войска с казаками Нечая сохранились не только по воспоминаниям казаков — участников битвы, но и в книге «Родословное древо тюрков», известного историка Абулгази-Баядурхана, поэтому соответствие этих подробностей истине проверить довольно легко: ведь в данном случае можно пользоваться материалами, вышедшими из двух враждебных лагерей.

Оба источника сходятся на том, что Нечай и его казаки, обнаружив, что они окружены значительно превосходящей по численности ханской армией, вмиг преобразились из ленивых, не желавших ничего делать людей, в грозных воинов. Два дня, по существу без перерыва, шел крайне упорный бой. Наконец казакам удалось вырваться из окружения, оставив, правда, в руках хана почти всю свою добычу и захваченных раньше пленных.

Но казаки были изранены, их кони утомлены. Ханская армия вновь настигла и окружила остатки отряда. На этот раз силы противников были уже совершенно несопоставимы. Положение осложнилось тем, что казаки были отрезаны также от воды. Они, пишет Абулгази-Баядурхан, «принуждены были утолять жажду кровию убитых товарищей своих». Только четверем-пяти казакам из всего отряда Нечая удалось вырваться из окружения и добраться до Яика. Они рассказали о походе, начатом столь удачно и так трагично окончившемся, о гибели своих товарищей и своего атамана¹⁸.

Поражение Нечая, однако, не привело к тому, что у казаков исчезла надежды на легкое обогащение в Средней Азии. Шесть лет спустя новый атаман — Шамай, набрав с собой до трехсот станичников, пошел по стопам своих предшественников. Его экспедиция, пожалуй, особенно любопытна с точки зрения анализа как сильных, так и слабых сторон казачьего воинства. Храбрость, умение сражаться, жесткая дисциплина в походе, которым могли бы тогда позавидовать даже московские дружины, каким-то странным образом сочетались

с просто непостижимой беспечностью. Так было и на этот раз. Отправляясь в далекий поход, атаман не позаботился даже о том, чтобы найти хороших проводников, понадеявшись видно на русское «авось». Уже у самой Сырдарьи казаки захватили мальчишку-калмычонка, которого и сделали своим проводником. Никакие просьбы родственников не убедили казаков, что ребенка надо вернуть. Казаки заплатились за это. Попавший в западню атаман был захвачен калмыками, которые предложили обменять его на мальчика. Казаки отказались, дав весьма характерный ответ: «Атаманов у нас много, проводников нет». Так и остался Шамай в плену.

Однако, проводник оказался не из лучших. То ли потому, что он ненавидел казаков, то ли просто не знал дороги, только завел он их достаточно далеко от цели пути — к берегу Аральского моря. Казаки оказались там почти без провианта. Между тем, наступила зима, холод, голод. Большая часть казаков здесь перемерла. Оставшиеся в живых Христа ради должны были просить хивинцев, которых они собирались грабить, взять их в плен, в рабство. Хивинцы и сделали это великодушно. Мало кто из отряда Шамаю вернулся назад. Несколько больше повезло самому атаману. Через некоторое время калмыки привезли его на Яик, и товарищи выкупили Шамаю.

В общем же, два таких крупных поражения подряд не могли, конечно, пройти бесследно. Во всяком случае, авантюры, подобных этим двум походам, они уже никогда не принимали, ограничиваясь, по большей части, экспедициями за зипунами на Волгу и в Каспийское море, которые может быть не обещали такой добычи как Хива, но зато и были гораздо менее опасны.

§ 4. Ермак. Начало формирования сибирского казачества.

Начало формированию сибирского казачества было положено знаменитым походом Ермака. Похожая на сказку история этого похода всегда занимала народное воображение, интересовала профессиональных исследователей. О Ермаке и о его походе написаны тысячи монографий и научных статей, многочисленные повести и романы, сложены песни, былины, легенды. Кажется уже миллионы раз самым тщательнейшим образом проанализированы каждое слово, каждая буква тех, правда, очень немногих документов, об этом походе, которые дошли до нас из XVI века. Но и сейчас, как во времена первого собирателя материалов о Ермаке архиепископа Киприя-

на, открытых вопросов, дискуссионных проблем значительно больше, чем тех, которые можно считать решенными.

Первый и быть может наиболее сложный в этом плане вопрос—о месте похода Ермака, казачьей колонизации Сибири во внешней политике Российского государства. Известно, что связи Сибири с Русью начинаются задолго до Ермака. Еще до монгольского нашествия русские обратили свое внимание на считавшиеся тогда сказочными богатства Сибири. Первыми в этом отношении были новгородцы. Есть сведения о том, что в XI веке новгородские купцы имели контакты с югричами, обдорою и другими племенами. Новгородские гости и «данщики» более или менее крупными партиями проникали за Каменный пояс, обменивали у местных жителей на свои товары лучших в тогдашнем мире сибирских соболей. В новгородских летописях сохранились, например, сведения о посылке еще в XII столетии купцом Гурытой Роговичем своего «отрока» с товарищи для поиска Мугазен¹.

Конечно, далеко не всегда экспедиции новгородцев в Сибирь носили мирный характер. Ватаги ушкуйников, промышляя на Волге и на Каме, порой заходили очень далеко на восток в поисках добычи. Летописи сохранили известие о том, как в 1364 году отряд новгородцев под командованием Александра Абакумовича и Степана Ляпы ходил по Оби вплоть до самого моря, сражался с местными князьками и вернулся с большой добычей². Судя по данным летописи, поход преследовал задачи не только получения добычи, но и завоевания югорских племен, наложения на них дани.

В конце XIV—XV веках по мере возвышения Москвы восточная торговля, связи с Сибирью постепенно переходят к Московским князьям. Их интересы здесь отстаивают и оружием. В 1483 году великий князь Московский Иван III направил своих воевод князя Федора Курбского и Ивана Салтыкова Травина с отрядом ратных людей, «вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю». Московские ратные люди, по сообщению Устюжской летописи, дошли до Югорской земли, «князей югорских воивали и в плен повели»³.

В 1499 году была организована новая военная экспедиция в Сибирь под командованием воевод князей Семена Курбского и Петра Ушатова. Разрядная книга сообщает под 7007 (1499) годом об этом походе:

«Того же лета послал князь великий в Югорскую землю на Куду и на гогуличи воевод князя Семена Федоровича Кур-

бского да князя Петра Федоровича Ушатова, да Василья Иванова сына Гаврилова.

А со князем Семеном детей боярских Цыгера да Володю Сугорских, да вятчан, которые живут в московской земле, Костю Якошева сына Пугвина, да Леву Иванова сына Олексеева, да Петрушу Попова; а устюжан с ним 1304 ч., а вымеч и вычегжян 500 человек.

А со князем Петром Ушатым дети боярские: вологженя Микита Тимофеев сын Матафтин да Микита Пушников; да вятчан, которые живут в московской земле, Гаврило Сафонов, да Ивашка Сенкин сын Бобровникова, да Ивашко Якушкин; а двинян с ним и важан, и пенежан 1920 ч.

А с Василием Ивановым сыном Гаврилова дети боярские: вологжане Сиг Савельев, да Федко Неправдин; да вятчане, которые живут в московской земле, Якуш Татарин; да Гридя Ивашков сын Татаринов; а вятчан с ним: 200 ч. руси да 100 ч. арян, татар и остяков»⁴.

Экспедиция была довольно успешной. Русские войска заняли больше сорока городков, захватили в плен 58 местных князьков, которые присягнули на верность великому князю «по их вере».

Русские походы в Сибирь уже к началу XV века обеспечили здесь известное политическое влияние Московского государства. Во всяком случае сын Ивана III великий князь Василий Иоаннович внес в свой титул земли Обдорскую и Кондинскую. Речь шла о территориях по нижнему течению реки Обь и по реке Конде, впадающей в Иртыш⁵. Конечно всерьез говорить о владениях этими землями тогда не приходилось. Речь шла больше о претензиях, чем о реальности.

Завоевание Русским государством Казани и Астрахани не просто передвинуло границы царства Московского на восток до Урала, включая Башкирию и берега реки Яик, но и вплотную поставило вопрос о дальнейшей судьбе Сибири. Лишившись покровительства со стороны казанских ханов, сибирский хан Едигер, которого угрожали свергнуть с престола воинственный правитель Бухары и князя Ногайской орды, обратился за помощью к Москве. В 1555 году он снарядил большое посольство к Ивану Грозному, поздравил его со взятием Казани. Летопись сообщает, что послы Тягул и Панчяды «били челом государю ото князя Едигера и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял за себя во свое имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собрати»⁶.

В ходе переговоров договорились о размере дани. Послы обещали от имени своего хана—давать с каждого «черного» человека по соболю, да дороге царскому по белке. «Черных» же людей исчислили по всей земле сибирской 30700 человек. Иван Грозный принял на себя титул «всего Сибирской земли повелитель»⁷. К Едигеру было направлено царское посольство, во главе которого стоял сын боярский Митка Куров сын Непейцин.

Конечно, принимая покровительство Москвы, сибирский хан Едигер рассчитывал, с одной стороны, нейтрализовать при помощи Ивана Грозного ногайских князей. С другой стороны, всерьез о подчинении Москве он не думал. Давать дань в установленном размере не собирался (благо Москва была далеко). В ноябре 1556 года посол Едигеров Баянда привез вместо 30700 соболей только 700.

Едигеру пришлось однако вскоре разочароваться в своих надеждах. Не такой человек был государь Иван Васильевич Грозный, чтобы довольствоваться пустыми титулами и спустать подданным невыполнение взятых на себя обязательств. Под горячую руку он посадил посла под арест. В Сибирь же были направлены государевы служилые татары Девлет-Хозя да Собаня Рязановы, которым было поручено сообщить сибирскому хану недовольство Ивана Грозного и исправить положение дел с данью. Однако реальных рычагов воздействия на Сибирь у Ивана Грозного не было. Пришлось идти на компромисс. Когда в сентябре 1557 года от Едигера прибыло новое посольство с шертной грамотой, формально закреплявшей подданство Сибирского ханства Московским царям и доставившее дань в 1160 соболей, Грозный махнул рукой на то, что уговор о размерах дани не соблюдается и дипломатично сделал вид, что инцидент исчерпан⁸.

Отношения между Москвой и Сибирью резко ухудшились после того, как на ханском троне, свергнув Едигера, утвердился в 1563 году Кучум. Правда, вначале он признал было формально вассальную зависимость от Москвы, но потом повел дело к разрыву, перебил царских посланцев, организовал ряд нападений на русские владения, не говоря уже о том, что совершенно перестал платить даже ту чисто символическую дань, которую платил Едигер. Таким образом, к моменту похода Ермака в Сибирь положение дел было следующее: Сибирское ханство с формальной стороны считалось вассалом Москвы, но фактически связи были прерваны, отношения явно враждебные. У Московского же государства, занятого

Ливонской войной, не было ни сил, ни возможности вооруженной рукой поддержать свой авторитет и свою власть в Сибири.

Говоря о политике Московского правительства на востоке в это время, надо также отметить, что здесь за недостатком войск да и денег Иван Грозный сделал ставку на инициативу частных людей, которую он довольно умело направлял. Именно тогда Строгановым были даны грамоты, значительно расширявшие их владения и полномочия, связанные с привлечением ратных людей на военную службу⁹. Именно тогда, если верить весьма вероятной догадке ногайского князя Уруса, воровские казаки с Волги по наущению, если не по прямому приказу Ивана Грозного, захватив столицу нагайских татар, утвердились на берегах Яика. Именно тогда Иван Грозный посылает стрельцов и казаков во главе с воеводой Нагим для того, чтобы закрепить в царской власти Башкирию. Связь между этими событиями очевидна. Даже в разгар Ливонской войны Иван Грозный не отказывается от завоевательных планов на востоке, причем явно делает ставку на казаков. Поход Ермака в Сибирь следует по-видимому и рассматривать в контексте этой политики.

Но если связь похода Ермака с общим курсом восточной политики Ивана Грозного очевидна, то все же остается открытым вопрос о том, кто был подлинным инициатором этого похода. На этот счет существуют разные точки зрения. Сторонники первой, опираясь, правда, главным образом на косвенные данные и соображения общего порядка, доказывают, что фактически инициатором похода Ермака в Сибирь было московское правительство, возможно даже непосредственно сам Иван Грозный. В статье Г. Красинского «Покорение Сибири и Иван Грозный» эта точка зрения обоснована наиболее обстоятельно. Судя по этой статье, Ермак, отправляясь в Сибирь, в сущности выполнял план, задолго до того намеченный Московским царем¹⁰. По нашему мнению, эта точка зрения не является достаточно убедительной. Не говоря уже о том, что для обоснования связи похода Ермака с какими-то конкретными планами Московского правительства одних догадок все-таки маловато, ученые (начиная с Г. Ф. Миллера) имеют в своем распоряжении текст знаменитой «опальной» грамоты Максиму и Никите Строгановым, датированной 16 ноября 1582 года. В подлинности этой грамоты сегодня сомнений нет. Тем больший интерес она представляет.

Судя по грамоте, Иван Грозный был крайне недоволен тем, что Строгановы самовольно, без царского указа направили Ермака и его казаков «воевать» вотяков, вогуличей, а также Пельинские и Сибирские места и тем оголили русские города в Пермской земле, на которые тут же предпринял нападение Пельинский князь с сибирскими людьми и вогуличами. В гневе Иван Грозный припоминает все прежние прегрешения ермаковых казаков на Волге и прямо подчеркивает, что им казакам и атаманам «...было вины свои покрыты тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они сделали с вами вместе потомуж, как на Волге чинили и воровали, в который день к Перми к Чердыни приходили вогуличи, сентября 1 день, а в тот же день от тебя из острогов Ермак с товарищи пошли воевать Вогулич, а Перми ничем не пособили; и то все сталося вашим воровством и изменою, а толко бы вы нам служили, и вы б тех казаков втепоры в войну не посылали, а послали их и своих людей из своих острогов наши земли Пермские оберегать»¹¹.

Таким образом, из текста опальной грамоты видно, что не только Иван Грозный не посылал казаков Ермака в Сибирь, но считал такую посылку их со стороны Строгановых крайне опасной авантюрой и нарушением существенных государевых интересов. Далее Иван Грозный требовал срочно вернуть ермаковых казаков для защиты пермских городов, в случае же невыполнения приказа угрожал Строгановым опалою, а Ермака и его казаков обещал «перевешати»¹². Правда, грамота очень сильно запоздала. Однако текст ее говорит сам за себя и вполне убедительно, по нашему мнению, опровергает версию о том, что непосредственным организатором похода в Сибирь был Иван Грозный, правительство.

Необходимо отметить, что гораздо более распространенной среди исследователей является точка зрения, согласно которой инициатива похода Ермака в Сибирь принадлежала Строгановым. Собственно об этом говорится уже в опальной грамоте Ивана Грозного. Позднее в XVII веке эту концепцию, в довольно завершеном уже виде, высказал неизвестный нам автор Строгановской летописи, принадлежавший по-видимому и сам к окружению Строгановых. Судя по этой летописи, именно Строгановы пригласили Ермака с Волги в свои вотины, содержали и кормили атаманов, казаков, использовали их для обороны Пермской земли, а также для наступатель-

ных действий против непокорных племен, а затем снарядили и отправили экспедицию Ермака в Сибирь¹³.

Н. М. Карамзин и ряд других историков вполне разделяли это мнение¹⁴. Довольно популярна эта точка зрения и сейчас. Между тем она, по нашему мнению, серьебно упрощает ситуацию, и в конечном счете ведет к тому, что роль Ермака и его казаков сводится к роли наемников, пусть даже наемников достаточно храбрых, мужественных, умелых. Разумеется, что и сегодня многое во взаимоотношениях Ермака со Строгановыми остается неясным. Мы не знаем из-за отсутствия документов, как выглядело приглашение Строгановыми Ермака и его товарищей в Пермскую землю. Неизвестны также текст и содержание договора Ермака со Строгановыми, заключенного перед отправкой в Сибирь. Надо однако отметить, что в распоряжении историков все же имеются сведения, явно не согласующиеся с концепцией о решающей роли Строгановых при организации похода в Сибирь. Речь идет прежде всего о Ремезовской летописи. Историки спорили и спорят относительно достоверности сведений, сообщаемых этой летописью. Г. Ф. Миллер восхищался ею и использовал содержащиеся в ней данные. Н. М. Карамзин, указав на имеющиеся в ней довольно грубые неточности и ошибки, фактически сделал вывод о ее недостоверности. Как показали дальнейшие исследования, этот вывод был излишне преждевременным и категоричным.

Летопись, составленная проживавшим в Тобольске коренным сибиряком сыном боярским С. У. Ремезовым, несомненно имеет массу недостатков. Она написана значительно позднее, чем Есиповская и Строгановская летописи (в конце XVII — начале XVIII веков), содержит ряд противоречий и неточностей. При всем том ее выделяют в положительном смысле два момента: во-первых, анализ Ремезовской летописи показывает, что автор при ее написании довольно широко использовал местные предания и возможно документы, которые до нас не дошли. Целый ряд факторов, сообщаемых С. У. Ремезовым, не встречается ни в других летописях, ни в дошедших до наших дней документах. Чрезвычайно важно, что С. У. Ремезов, в отличие от большинства летописцев, не просто сводил материалы других источников (многие летописцы даже не сводили, а собственно переписывали чужие летописи), но и пытался также проверить их данные с помощью доступных ему тогда источников. Во-вторых, надо учитывать еще одно обстоятельство, которое отличает Ремезовскую летопись

от большинства других. Например, на содержание Есиповской или Строгановской летописей, особенно на имеющиеся в них оценки наложил слишком большой отпечаток своего рода «социальный заказ»: в одном случае церкви, в другом — семейства Строгановых. Насколько известно, С. У. Ремезов, составляя свое летописание, выступал как совершенно частный человек, не заинтересованный специально в искажении истины в угоду какой-либо тенденции. Конечно, это не гарантировало летописца от ошибок, подчас даже довольно грубых, но во всяком случае сознательного искажения истины он не допускал.

И именно С. У. Ремезов совершенно иначе, чем другие летописцы, рисует картину взаимоотношений Ермака и Строгановых. Есиповская летопись не упоминает о роли Строгановых в организации экспедиции Ермака вообще. Это естественно: в ней Ермак выглядит рыцарем без страха и упрека, воюющим за веру христианскую против «окаянных Агарян». Строгановская летопись инициативу приглашения Ермака на Урал и организации похода в Сибирь безоговорочно отдает Строгановым. Ремезов рисует очень отличающуюся от идиллии картину отношений между Строгановыми и казаками. Начать с того, что С. У. Ремезов, хотя и упоминает, что Ермак с казаками «хлебом кормились от Максима Строганова», не говорит вообще об инициативе Строгановых при организации похода в Сибирь. Больше того, судя по Ремезовской летописи, у Максима Строганова в процессе подготовки похода возник с Ермаком и его казаками серьезный конфликт. Вот как говорится об этом в летописи: «А в походе Ермак не струги дружине своей у Максима взявая с пристрастием, а не вовсе в честь или в займы, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конец и приступи к Максиму гызом; Максим же увещеваше их Богом и государем, что числом им запасов дати и о том прося у них кабалы, егда возвратитесь, на ком те припасы по цене взяти, и кто отдаст точно или с лихвою; из них же воиска паче всех Иван Колцов с есаулы крикнуша: «О мужик, не знаешь ли ты и телере мертв, возмем тя и ростреляем по клоку, да и нам на росписку по имяном на струги поартелно 5000, по именов на всякого человека, по 3 оунта пороху и свинцу и ружья, и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и двум полоти, и колико масла пудов, и знамена полковые с ыконами, всякому ста по знамени».

Максим же страхом одержим и с подданными своими отворил анбары хлебные, и по именов полковых писарей и весом успевающе, дающе день и ночь коемуждо по запросу числу на струги, и струги их пружу знимать не стали и под берегом тонути; они же приправили набой, излегчили приматы запасов помене по стругам, и управишася вси, по совету вси в путь свой июня в 13 день смиренно и обещахася вси Максиму: «Аще Бог управит путь нам в добыче и здравии имама быти, заплатим и наградим по возвращении нашем; аще ли же избиени будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успении, а чаем возвращения ко отцам своим и матерям»¹⁵.

Эпизод, что и говорить, весьма колоритен. Простые наемники, которые целиком и полностью зависят от своих хозяев, так себя не ведут. Ермаковы казаки, особенно же Иван Кольцо держали себя с «работодателями» настолько непринужденно, что Г. Ф. Миллер, на основе описания этой стычки, С. У. Ремезовым, сделал даже вывод о том, что Максим Строганов возможно поневоле, из страха перед ермаковыми казаками снабдил их всем необходимым для похода в Сибирь: пусть мол разбойники убираются подальше¹⁶.

Думается все же, что такой вывод является излишне категоричным. Он противоречит содержанию опальной грамоты Ивана Грозного Строгановым. Грозный, как мы знаем, несколько не сомневался в том, что отряд Ермака отправили в Сибирь именно Строгановы и что у них есть реальная возможность вернуть казаков назад. К тому же нельзя не учитывать и реальную силу Строгановых в Пермской земле. У них были на службе в то время отнюдь не только ермаковы казаки. Так что поставить на место в случае необходимости казачью вольницу они вполне могли. Вспомним, наконец, и то, что все летописи кроме Есиповской отмечают факт найма Ермака и казаков Строгановыми. Да и поведение в Сибири Ермака и его отряда несколько не напоминает поведение разбойничьей шайки, думающей только о грабеже, и не считающейся ни с чем. Ермак приводил жителей Сибири в подданство Московскому царю, облагал их в пользу государя известной данью. С какой стати станет это делать глава разбойничьего отряда, готовый сегодня наняться на службу купцу, завтра его же ограбить, а послезавтра — кинуться неизвестно в какую авантюру?

Видимо, все-таки, несмотря на имевшийся между ними конфликт, отношения между Строгановыми и казаками были

партнерскими. Отправляясь в Сибирь, Ермак и его казаки были просто марионетками, готовыми выполнить любой приказ своих хозяев. Но и Максим Строганов, снабжая казаков всем необходимым для похода в Сибирь, отнюдь не был человеком, убоявшимся казачьих угроз. Он великолепно знал, что делал. Договор с казаками был ему в целом достаточно выгоден, поскольку подобные экспедиции в случае удачи обогащали не только казаков, но и тех, кто их снаряжал (последних даже еще больше). К тому же Строгановы не могли не учитывать того, что успех экспедиции Ермака укрепил бы их позиции на Урале и в Западной Сибири. Во всяком случае, племена, обитавшие на территории Сибирского ханства, должны были бы впредь вести себя поосторожнее, и не особенно соблазняться возможностью легкой добычи при нападении на поселения, принадлежавшие Строгановым.

Есть также все основания полагать, что Ермак и Строгановы, организуя поход в Сибирь, вовсе не думали о том, что совершают преступление против государя. Напротив! У них, казалось, были все основания полагать, что они блюдут не только свои, но и государевы интересы. Они начинали военные действия против ослушников царских, против «неверных подданных», которые, вопреки присяге, не только не шлют установленной дани, но и организуют нападения на русские земли, поднимая, следовательно, мятеж против своего государя.

Соответственно и цели казачьей экспедиции в Сибирь рисовались им не только, как возможность получения легкой наживы. Они делали, по их представлениям, очень важное государственное дело, за которое ничего кроме одобрения со стороны государя не могли ждать. Но в этой связи неизбежно возникает вопрос о том, обладали ли Строгановы достаточными полномочиями для того, чтобы начинать такое предприятие, не получив специально санкции от правительства. Не присваивали ли они не принадлежавшие им государственные прерогативы? В том-то и дело, что нет!

Анализируя обстоятельства, связанные с подготовкой похода Ермака в Сибирь, мы ни в коем случае не вправе игнорировать существовавшую на этот счет обычную практику. О том, какой была эта практика, весьма красноречиво говорит грамота, направленная Иваном Грозным Якову и Григорию Строгановым 6 августа 1572 года, т. е. за 9 лет до похода Ермака. Грамота написана в связи с тем, что черемисы,

остяки, вогуличи и другие «инородцы», проживавшие на территории Урала и Сибири и считавшиеся подданными Московского царя, организовали летом 1572 года нападение на торговых людей по Каме. Царь предписывал Строгановым сразу же после получения грамоты направить охочих казаков во главе с подходящим командиром против «бунтовщиков». Он не только разрешал, а прямо требовал, разгромив «изменников», привести черемисов, остяков и вогуличей к присяге¹⁷.

Написанная 6 ноября 1581 года грамота Пермскому наместнику князю Ивану Елецкому и Никите Строганову в связи с набегами вогуличей на слободы и деревни Семена и Максима Строгановых, также требовала принять все меры для вооруженного подавления изменников¹⁸. Таким образом, финансируя экспедицию Ермака в Сибирь, Строгановы придерживались лишь вполне обычной, принятой у них уже не первый день практики.

Собственно и Иван Грозный в своей опальной грамоте Строгановым от 16 ноября 1582 года не отрицает их права посылать казаков против остяков и вогуличей, подвластных сибирскому хану. Он лишь считает, что Строгановы выбрали для этого время самое неподходящее, отправили Ермака воевать в Сибирь, в тот самый день когда на Пермскую землю напал Пельинский князь с сибирскими людьми. Он опасается также, что экспедиция Ермака поссорит его с сибирским ханом, а на это Иван Грозный, учитывая, что руки у него были связаны на Западе, идти в тот момент остерегался. О том, что Ермак сможет разгромить Сибирское царство и привести его действительно, а не на словах к подданству, Московский царь тогда и не думал, как не думали по-видимому и Строгановы, и казачий атаман Ермак Тимофеевич.

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о численности и составе ермакова отряда. Уже Есиповская и Строгановская летописи определяли численность ермаковых казаков в 500—540 человек. Начиная с Н. М. Карамзина, эта цифра является почти общепризнанной. Однако еще с XVII века находились и скептики, которые брали эту цифру под сомнение. Слишком уж ничтожно малой казалась она по сравнению с полученным Ермаком результатом — завоеванием промаднейшей и богатейшей территории для Российского государства. С. У. Ремезов, опираясь, видимо, на какие-то местные предания, а, возможно, и документы, увеличил эту цифру в 10 раз. По его данным, отряд Ермака, с которым он действовал на Волге и в Каспийском море, насчитывал семь

тысяч человек, примерно пять тысяч казаков ушли с Ермаком в Сибирь²⁰. Г. Ф. Миллер вполне доверял цифрам С. У. Ремезова, подчеркивая: «Надо удивляться еще благосклонности судьбы, что такое важное завоевание было приведено к счастливому окончанию таким все же малым количеством людей»²¹.

По нашему мнению, ближе к истине все же Есиповская и Строгановская летописи, а также авторы, которые на них опираются. Дело в том, что безотносительно даже к конкретным цифрам все имеющиеся в нашем распоряжении источники, не исключая даже и Ремезовскую летопись, подчеркивают значительный численный перевес, имевшийся на стороне Кучума. Но вдумаясь: мог ли он быть реальным, исходя из численности ермаковых казаков в пять с лишним тысяч человек. Напомним, что посольство хана Едигера в Москву при установлении размера дани, которую следовало выплачивать Московскому царю, исчисляло «черное» население Сибири в 30 тысяч 700 человек на все громадное по территории Сибирское царство. Но это «черные» люди. Воинов же, а они были преимущественно татары, естественно, было гораздо меньше (обычное в подобных случаях соотношение было один к восьми или один к десяти). Если же учесть, какие громадные территории входили в тогдашнее Сибирское царство, то легко понять, что легенды о насчитывавших будто бы десятки тысяч человек отрядах хана Кучума не имеют под собой сколько-нибудь серьезных оснований. Фактически, если принять за исходные данные численность ермакова отряда в 500—540 человек, то соотношение сил в стычках с противником было по-видимому не таким уж разительно неравным, как это может на первый взгляд представляться. Отряд Ермака был достаточно велик для осуществленного им предприятия.

Надо учесть также, что имевшееся все-таки неравенство в силах уравновешивалось еще двумя факторами. Во-первых, тем, что местное население (не татарское) в подавляющем большинстве своем довольно-таки индифферентно относилось к борьбе между казаками и войсками Кучума. Для него не было особой разницы кому платить дань: хану Едигеру, хану Кучуму или же Московскому царю в лице прибывших из Пермской земли казаков. Именно поэтому местные остяцкие и вогульские князьки с такой легкостью переходили на службу от Кучума к Ермаку и от Ермака к Кучуму. Во-вторых, необходимо учитывать при подсчете численности ермаковых войск летописные известия о том, что кроме казаков в поход

с Ермаком отправились до 300 ратных людей, данных ему Строгановыми. Строгановская летопись поясняет, что это были за люди: — литовцы и немцы (по-видимому из числа пленных, захваченных в Ливонской войне), татары и русские люди буйственные и храбрые²². С учетом этого численность отряда Ермака достигала 800 человек. Наконец, сравнительная малочисленность казаков в Сибири до известной степени компенсировалась лучшим их вооружением, боевыми качествами, лучшей организацией их отряда.

Летописные известия не оставляют никаких сомнений на счет того, что отряд Ермака ни в малейшей степени не напоминал воровскую шайку, как его порой изображают. Напротив, его организация и дисциплина, поддерживавшаяся Ермаком среди казаков, не уступали, а возможно даже и превосходили дисциплину и организацию регулярных войск. Судя по данным Ремезовской летописи, ближайшими соратниками Ермака в походе были атаманы Иван Кольцо, к тому времени уже осужденный на смерть Иваном Грозным, Яков Михайлов, Матвей Мещеряк, Никита Пан, а также четверо выбранных есаулов, сотники, пятидесятники и десятники. Каждая из сотен имела свое знамя и выделенных специально знаменщиков. Кроме того, в отряде было 4 полковых писаря, трубачи, зурначи, литаврички. Весьма показательно и то, что среди казаков были три священника, а также видимо бывший монах или поп-расстрига, о котором в летописи говорится «старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и кашу варил и припасы знал и круг церковный справно знал»²³. Если к этому добавить летописные известия о том, что Ермак в походе добивался соблюдения казаками обрядов, карал не только за совершенные преступления, но и за грехи, то мы получим достаточно полное представление о ермаковом войске.

Обращает на себя внимание установленная Ермаком весьма жесткая дисциплина. За мелкие преступления и проступки наказывали жгутами или тем, что садили на цепь, за преступления более крупные и особенно за дезертирство по казачьему обычаю преступнику насыпали песку за пазуху, садили в мешок и топили в воде. За время похода Ермак казнил таким образом больше 20 человек. Показательно и следующее замечание Ремезовской летописи: «Блуд же и нечистота в них в великом запрещении и мерска, а сопрешившаго обмывши 3 дни держат на чепах»²⁴. Подчеркнем, что это сообщал не Есипов, стремившийся представить Ермака и его казаков не

просто борцами за веру, но еще и идеальными христианами, а С. У. Ремезов, вообщем говоря вполне реалистично без прикрас описывавший нравы казачьей вольницы и отнюдь не умалчивавший, например, о занятиях Ермака на Волге.

Оружие ермакова отряда было несомненно смешанным. Судя по летописям, казаки имели на вооружении пищали, саадаки, топоры, копья, а также 3 пушки.

Передвигался отряд Ермака на лодках или стругах. В каждой лодке размещалось по 15—20 человек. В них же грузили оружие, боеприпасы, продовольствие. Лодки эти были особенно удобны потому, что они сравнительно легко могли быть перенесены «по суху» с одной реки на другую. На берегу казаки сражались обычно пешими. Летописи сообщают также о том, что в Сибири мелкие отряды казаков нередко передвигались на конях.

Начатый 1 сентября 1581 года²⁵ поход Ермака многократно описан историками и известен сегодня, если не в деталях (споры о них еще продолжают), то по крайней мере в общих чертах. В течение четырех дней ермаковы казаки шли вверх по течению реки Чусовой до впадения в нее Серебряной, а затем по Серебряной плыли два дня до Сибирского пути. Отсюда волоком перетащили более легкие струги до течения реки Жаравли. Пройдя по Жаравли и Тагилу они вышли в Туру, где собственно и начинались владения сибирских ханов. Плывая по Туре казаки скоро убедились в том, что сибирская земля довольно густо населена. Встречавшиеся племена были настроены по отношению к казакам миролюбиво. Однако уже сама их численность заставляла думать о том, что предпринятая экспедиция вряд ли будет легкой. К тому же взятые казаками с собою припасы были ограничены. Начались обычные в таких случаях реквизиции продовольствия у местного населения и, как результат — стычки с ними. Правда, первое время Ермак проявлял известную осторожность. Он даже подаривал встречавшихся ему кучумовых чиновников, передал со встретившимся ему ханским сборщиком дани подарки Кучуму, его женам и наиболее влиятельным мурзам. А главное: постоянно заверял администрацию Кучума в том, что он прибыл в Сибирь с самыми мирными намерениями и вскоре удалится восвояси за Урал в русские пределы. Конечно, Кучум этому не особенно верил.

Первая вооруженная стычка казаков с местным населением произошла в районе нынешнего Туринска, который даже много времени спустя в просторечии назывался не Туринском,

а Епанчинным. Здесь проживало тогда вогульское племя, во главе которого был мурза Епанча — подданный хана Кучума. Собрав довольно большое число своих людей Епанча, то пытался обстрелять пльвшие по Туре струги казаков, то, наконец, у самого городка выстроил своих подданных в боевой порядок, угрожая атаковать Ермака, если он высадится на берег. Оценив обстановку, Ермак приказал еще со стругов дать по воинам Епанчи залп из пищалей. Этого оказалось достаточно. Противник ударился в бегство, Высадившись на берег казаки захватили Епанчин городок, взяли все, что представлялось им ценным. Самый же городок Ермак приказал сжечь в назидание местным жителям²⁶.

Казаки продолжали свой путь. Не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления Ермак взял Чинги-туру — столицу бывшего Тюменского ханства. Но главные сражения были еще впереди. Кучум не думал складывать оружия. Слишком пожилой, чтобы самому предводительствовать войском и к тому же больной хан поручил военное командование своему родственнику царевичу Маметкулу. Маметкул с войском встретил Ермака на берегу Тобола, близ урочища Бабаган. Несмотря на значительный численный перевес татар казаки разгромили войска царевича Маметкула и открыли путь к Искеру — столице ханства.

Битва, решившая судьбу столицы, произошла 23 октября на берегу Иртыша у Чувацкого мыса. Татары, которыми командовали Маметкул и сам Кучум, сражались отчаянно, тем более, что они вновь значительно превосходили казаков по численности. Но после упорного рукопашного боя победа осталась за Ермаком. Его отряд потерял убитыми (судя по данным синодика соборной церкви в Тобольске) 107 казаков. Но враг был разгромлен. Бежал с поля боя хан Кучум. Раненый царевич Маметкул едва не был взят в плен казаками. Остяцкие князья, подданные Кучума, оставив хана, разбежались по собственным владениям. 26 октября казаки вошли в оставленную татарами столицу владений Кучума — Искер. Захват казаками столицы ханства произвел колоссальное впечатление на местное население. Уже на четвертый день прибытия Ермака в столицу, пришел с дарами местный князь, привез продовольствие, припасы. Его примеру последовали и другие остяцкие князья, а затем даже и татары. В довершение всех несчастий на Кучума пошел войной князь Сейдек, отец которого был когда-то убит ханом. «Кого Бог не милует, —

воскликает в отчаянии Кучум, — тому и честь на бесчестье приходит, того и любимые друзья оставляют»²⁷.

Военные успехи, достигнутые казаками, были однако очень не прочны. Разбитый в многочисленных боях хан Кучум не признавал своего поражения, а самое главное атаману и его казакам приходилось по существу завоевывать где миром, где угрозой, а где вооруженной силой повиновение многочисленных мелких князьков, сидевших по медвежьим углам Сибирского ханства и чувствовавших себя полными хозяевами в своем княжестве или улусе. Начались изнурительные походы более или менее крупных казачьих отрядов для усмирения подданных Сибирского хана. Каждый из этих походов кончался победой, но и сопровождался зато потерями казаков. Например, в такой мелкой стычке против отрядов остяцкого князя, владевшего городом Назым, Ермак потерял одного из ближайших своих сподвижников атамана Никиту Пана. Ермак взял Назым, захватив в плен князя, но это не уменьшило горечь потери. И без того небольшой отряд Ермака сокращался.

Между тем об успехах ермакова похода, разгроме войск хана Кучума и захвате его столицы было дано знать Строгановым, которые сообщили об этом царю. Со своей стороны казаки направили станицу в Москву с известием царю Ивану Грозному об усмирении мятежных подданных Сибирского царства. Иван Грозный на радостях пожаловал Семена Строганова городами Солью Большою на Волге и Солью Малою, а Максиму и Никите Строгановым дал право в их городах и острожках производить беспощадную торговлю как им самим, так и всяким приезжим людям. Казаков Иван Грозный пожаловал деньгами, сукнами, камками, тех кто оставался еще в Сибири награждал большим жалованьем²⁸. Именно тогда Ермак, если верить преданию, получил свой знаменитый панцирь, ставший невольной причиной его гибели. Предание говорит, что государь Иван Васильевич пожаловал Ермака Тимофеевича титулом князя Сибирского. Подтверждения этому, однако, нет, да и вообще вплоть до XVIII века примеров пожалования княжеских титулов, насколько известно, не было.

Для принятия сибирских городов у казаков были отправлены царские воеводы князь Семен Болховский и Иван Глухов. В царской грамоте, направленной по этому случаю к Строгановым говорилось: «По нашему указу велено было у вас взяти с острогов ваших князю Семену Дмитриевичу Бол-

ховскому на нашу службу, в Сибирский в зимней поход 50 человек на конех; и ныне нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конех пройти нечмочно, и мы князю Семену ныне ис Перми зимним путем в Сибирь до весны, до полые воды ходить есмя не велели, и ратных людей по прежнему нашему указу 50 человек конных имати и есмя у вас не велели, а на весне велели есмя князю Семену, идучи в Сибирь, взяти у вас под нашу рать и под запас 15 стругов со всем судовым запасом, которые б струги поднял по 20-ти человек с запасом, а людей ратных и подвод и проводников и кормов имать есмя у вас не велели; и обиды есмя идучи в Сибирь вашим людям и крестьяном никакие чинить не велели. А не дадите судов под наши ратные люди вскоре со всем судовым запасом тотчас, а нашему делу учинитца поруха, и вам от нас быти в великой опале»²⁹.

Победа победой, а характер у Ивана Васильевича Грозного оставался прежним. Любую оплошку, неисправность он как и прежде склонен был считать государственным преступлением и уже заранее угрожал подданным всеми возможными карами. Этот, датированный 7 январем 1584 года, указ Ивана Грозного был последним его указом, относящимся к Сибири. 18 марта 1584 года царь умер. Вступивший на престол Федор Иоаннович был, по общему признанию современников, человеком гуманным и мягким, но крайне слабым самодержцем. При нем правили фавориты: сначала Никита Романов, Иван Шуйский и Борис Годунов, потом один лишь Годунов. Борьба боярских «партий», развернувшаяся после смерти Ивана Грозного в Москве, на некоторое время ослабила руководство государством. Это сказалось и в недавно присоединенной Сибири. Вновь назначенные воеводы и отряды ратных людей все не приходили. Ермак и его казаки по-прежнему оставались здесь единственной реальной опорой власти Московского царя.

Положение Ермака было крайне сложным. То в одном, то в другом районе громадного Сибирского царства вспыхивали мятежи. Все большими были потери среди казаков и атаманов. Особенно тяжелой была для Ермака Тимофеевича потеря ближайшего помощника — Ивана Кольцо. В кампанию 1584 года Ермак с небольшим отрядом казаков приводил к подданству жившие по Иртышу, Тоболу и Тавде племена. Это ему удалось. Между тем противник нанес ему весьма чувствительный удар в Искере. Ермак поручил охранять столицу казакам во главе с атаманами Иваном Кольцо, Яковым

Михайловым и Матвеем Мещеряком. 10 сентября в Искер прибыл посланец от бывшего визиря хана Кучума, который заявил о готовности вступить в подданство Московскому царю и просил оказать военную помощь от нападений киргиз-кайсацких племен. Во главе отряда в 40 конных казаков Иван Кольцо отправился на помощь бывшему визирю. Он попал в ловушку. Прибывший к визирю русский отряд неожиданно подвергся нападению и был полностью истреблен. Такого крупного поражения в Сибири казаки еще не знали.

Гибель Ивана Кольцо и поражение его отряда стали сигналом для целой серии выступлений татар против казаков. Повстанцы развернули партизанскую войну, уклонялись от сражений с крупными отрядами, нападая на мелкие группы казаков, отправлявшихся на охоту или рыбную ловлю, сбор ясака или по другим делам. «Начаша во многих местах, в волостех и в улусех, побивати Русских», — говорит летопись³⁰.

Визирь, стремясь максимально использовать выгоды от убийства Ивана Кольцо, решил поставить казакам новую ловушку. К оставшемуся старшим в Искере атаману Якову Михайлову был подослан лазутчик, который, сообщив о гибели атамана Кольцо, должен был спровоцировать казаков на вылазку. Этот план полностью удался. По сообщению Строгановской летописи, атаман Яков Михайлов с немногими казаками поскакал к месту гибели Ивана Кольцо, чтобы отомстить за него. Казаки попали в засаду и были перебиты³¹.

Все меньше казаков и атаманов оставалось в отряде у Ермака. Обещанная же из России помощь запаздывала. Наконец, в ноябре 1584 года отряд воеводы С. Д. Болховского прибыл в Сибирь. Но отряд был невелик — около 300 ратных людей. К тому же воевода Болховский не имел сколько-нибудь серьезного военного и административного опыта. До назначения в Сибирь он занимал пост второго воеводы в Курмыше — маленьком городишке под Нижним Новгородом. Оказавшись перед необходимостью решать громадные по масштабам и сложности задачи, он растерялся, не принял необходимых мер даже для обеспечения запасами продовольствия ратных людей в столице. Тех же запасов, которые заготовили казаки, хватить не могло. Отряды татар обложили Искер, стремясь выморить русских голодом. Попытки казаков прорвать кольцо кончались неудачей. Описывая муки голода, летописцы сообщают, что в пищу пошло решительно все: лошади и вороны и кора росших вблизи сосен. От голода и бо-

лезни ратные люди гибли десятками. Умер и воевода Болховский. В такой обстановке Ермак решился на отчаянно смелый шаг. 9 мая 1585 года атаман Матвей Мещеряк с группой наиболее здоровых казаков, пользуясь ночной темнотой, вышел из города и внезапно напал на противника. Большая часть татар, в том числе два сына визиря, погибли, не успев даже схватиться за оружие. Сам бывший визирь бежал. В стане осаждавших Искер татар началась паника. Именно в этот момент по ним нанес удар Ермак с казаками и стрельцами. Победа была полной. Армия визиря была разгромлена. Те, кто остались живы — разбежались³².

Новая победа Ермака заставила местных князьков переменить свое отношение к нему. Возобновился подвоз продовольствия и дани, вновь местные племена начали заявлять о полном повиновении царю Московскому.

Однако Кучум продолжал сопротивление. Его отряды, обосновавшиеся в верховьях Иртыша, собирали с местного населения дань в пользу своего хана, грабили купеческие караваны, направлявшиеся в Искер, нападали на русских ратных людей и тех местных князьков, которые ориентировались на Россию. Учитывая это, Ермак с небольшим отрядом казаков (около 50 человек) направился вверх по Иртышу, а затем по реке Вагай, против Кучума. Первые стычки с татарами были успешными для казаков. Но в ночь с 5 на 6 августа, когда казаки расположились на ночлег на берегу реки, Кучум со своим отрядом неожиданно нанес удар. Большинство казаков были перебиты сонными. Ермак, если верить преданию, раненный в бою, пытался достичь своего струга и утонул. Разгром отряда Ермака и гибель атамана сделали невозможным, по крайней мере на какое-то время, русский контроль в Сибири. Атаман Матвей Мещеряк с небольшим отрядом казаков (если верить преданию от 90 до 150 человек), покинув сибирскую столицу, на стругах по Иртышу и его притокам, а затем по Оби, Конде и Лозве (или Сосве) вернулись в 1585 году в Россию³³.

Казалось, что дело Ермака погибло. Хан Кучум вновь захватил власть в Сибирском царстве, правда, ненадолго, поскольку вскоре был изгнан из столицы соперничавшим с ним князем Сейдяком. Вновь в очередной раз отложились от Московского царства князьки остяцких, вогульских и других сибирских племен. Но, как выяснилось вскоре, возврата к старому уже не было. Сибирскому ханству Ермак и его казаки

нанесли такой сокрушительный удар, от которого оно уже не оправилось.

Осенью 1585 года в Сибирь по стопам Ермака были двинуты отряды ратных людей под командованием воеводы Мансурова. Есть данные о том, что к ним присоединились и остатки ермаковых казаков. За отрядом Мансурова были снаряжены в Сибирь отряды воевод Василия Сукина и Ивана Мясного, а затем и ряд других. При этом едва ли не в каждом из московских отрядов были партии казаков с Урала и Поволжья и даже самого Дона. В одних случаях казаки выполняли прямой указ царя, в других шли воевать в Сибирь, по собственной инициативе привлеченные рассказами о сказочных богатствах края, легендами о Ермаке и его сподвижниках. Но в любом случае это была уже не горстка смельчаков, отправлявшихся в поход на свой страх и риск. За нами отрядами ратных людей, направлявшихся на завоевание Сибири, стояло Московское государство. Прекращение Ливонской войны дало возможность сосредоточить усилия на Востоке. И это сказалось на результатах. Русские войска, преодолевая сопротивление сторонников Сейдяка и Кучума, постепенно устанавливали полный контроль над Сибирским царством. Этому в немалой степени способствовало то, что местные сибирские племена, прекрасно помнившие еще власть царей Едигера и Кучума, и власть казачьего атамана Ермака Тимофеевича, были настроены либо нейтрально, либо даже благожелательно по отношению к русским.

К тому же русские войска не просто вооруженной рукой подавляли сопротивление. Они строили новые города и села, распахивали пашни и заводили промыслы, вовлекая в новую жизнь местное население. В 1586 году отряд воевод Сукина и Мясного, в котором были казаки атамана Мещеряка, выйдя на Туру, построили Тюменский острог. В 1587 году воевода Д. Чулков основал Тобольск. Хан Сейдяк, прекрасно понимая особую важность этого, находившегося в непосредственной близости от старой столицы Сибири города, пытался взять его и сжечь, но был разгромлен в бою и захвачен в плен. К концу 90-х годов отряды стрельцов и казаков построили в Сибири Пелым, Березов, Сургут, Тару и ряд других городов и острогов.

В борьбе за присоединение Сибири, в освоении новых земель казаки по-прежнему играли роль первопроходцев. Дошедшие до нас царские указы конца XVI—начала XVII веков постоянно отмечают роль казаков в освоении Сибири.

Именно тогда впервые встречаются упоминания о казаках тюменских и тобольских, пелымских, сургутских, березовских, которые несли нелегкую ратную службу. В одной из таких грамот, датированной июнем 1595 года, царь Федор Иоаннович особо отмечает военные заслуги тобольских и пелымских казаков, которые под командованием атамана Казарина Волнина сыграли большую роль в разгроме отряда бывшего сибирского хана Кучума. Царь приказал вручить им, кроме обычного в таких случаях жалования, также специальные награды³⁴.

В боях и походах в Сибири неизменно отличались ермаковы сподвижники, уцелевшие несмотря на громадные потери. Сохранилась датированная 1623 годом грамота царя Михаила Федоровича, касающаяся одного из сподвижников Ермака Тимофеевича, атамана тюменских казаков Гаврилы Иванова, которая представляет собой по существу уникальный перечень служб этого казака Российскому государству: «От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь, в Тюменский город, воеводам нашим князю Михаилу Борисовичю Долгорукову да Юрию Анфиногеновичю Редрикову. Бил нам челом Тюменского города конной казак Гаврилко Иванов а сказал: служил де он блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси, и царю Борису Федоровичю всеа Руси, и царю Василью Ивановичю всеа Руси и нам великому государю в Сибири 42 года; а прежде де того он служил нам на поле 20 лет у Ермака в станице и с ыными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли, и Кучума царя с куреня збили, а царство Сибирское нам взяли, и мурз и татар розорили, он де был послан с Ондреем с Воейковым на нашу службу на тово же Кучума царя, и божиею де милостию и нашим счастьем тово царя Кучума на Обе реке погромили и его убили, и жены его и дети взяли. Да его же де посылал на Алея царя боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов с воеводою с Назарьем Изъединовым, и того де Алея царя взяли и жон и детей поимали. Да он же де в Сибири ставил Томской город при воеводе Гавриле Писемском; да он же де ставил

город Тюмень при воеводе Василье Сукине; да он же де посылан был в Кузнецы для нашего ясаку, и первой де ясак взяли; да он же де Тобольской город ставил при воеводе Даниле Чулокве; да он же де Тарской город ставил при воеводе при князе Ондрее Елецком; да он же де ставил Пелымский город при воеводе при князе Петре Горчакове; да ево же де посылал на нашу службу боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов головством на калмацких людей, и они де колмацких людей погромили, и жон и детей в полон взяли. А ныне де на Тюмени у них у конных казаков атамана нет. И нам бы его пожаловати, велети ему быти в Тюменском городе у конных казаков в атаманах на Степаново место Онтропьева, а Степан де ныне служит на Тюмени в детех боярских. И как к вам ся наша грамота придет, а то будет Степана Онтропьева место порозжо, атамана на его место у конных казаков нет, и вы б Гаврилку Иванова за те его многие службы велели в Тюменском городе быти у Тюменских у конных казаков в атаманах. Писан на Москве 7131-го февраля в 27 день»³⁵.

Конечно, пример с Гаврилом Ивановым просто уникален. Известно, однако, что в начале 20-х годов XVII века, когда архиепископ Киприан приступил к сбору материалов о походе Ермака в Сибирь, то он застал еще часть ермаковых сподвижников живыми, хотя в большинстве своем они были уже на покое. Это и не удивительно, поскольку со времени похода прошло 40 лет. В начале же 1600 годов по сведениям, собранным П. Н. Буцынским, в Тобольске еще существовала так называемая «старая сотня» казаков — бывших сподвижников Ермака. Члены этой сотни не только пользовались значительным уважением, но имели и некоторые особые привилегии, оставшиеся еще с ермаковых времен, в частности право выбирать своих атаманов. В делах Сибирского приказа сохранилась челобитная казаков «старой сотни», жаловавшихся царю Михаилу Федоровичу Романову на назначение к ним вместо бывшего атамана Гаврилы Ильина начальником Тобольского сына боярского Богдана Аршинского. Казаки писали, что служат они государю в Сибири «от Ермакова взятыя лет по 40 и по 50 с атаманами, а не с головами». Михаил Федорович уважил просьбу казаков «старой сотни», оставив в должности атамана Гаврилу Ильина³⁶.

В общем же на рубеже XVI—XVII веков в ходе освоения Сибири Московском государством шел весьма интенсивно процесс формирования сибирского казачества. Оно не было тогда чем-то единым. Существовали отдельные казачьи общины: Тюменская, Тобольская, Пелымская и ряд других. У них не было единого командования. Каждая из этих общин, возглавляемая назначенным правительством атаманом, подчинялась местным воеводам, а через них непосредственно Москве.

Заслуживает внимания также то обстоятельство, что сибирское казачество формировалось с самого начала как казачество служилое. Оно мало напоминало по своим обычаям и нравам донскую, яицкую или волжскую вольницу. Сибирские казаки были государевыми ратными людьми фактически со времени поступления Ермака Тимофеевича на службу к Ивану Грозному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XV—XVI века были временем зарождения и формирования казачества в России и Польско-Литовском государстве. Не только летописи, но и документы, мемуары современников, сведения, дошедшие из сопредельных с Россией государств, свидетельствуют о том, что именно в это время на южных, юго-восточных, а отчасти и на западных окраинах Московского государства складываются мощные и достаточно влиятельные казачьи общины. Уже громадная численность казачества в Российском и Польско-Литовском государствах, то обстоятельство, что оно формировалось на полиэтнической основе, да и сама география распространения казачьих общин делают весьма сомнительными любые теории о происхождении казаков от сравнительно мелких племен и «народцев» вроде торков, берендеев, турпеев или же бродников, которых одни называют племенем, другие — сословием, третьи — профессиональной группой, четвертые — шайкой разбойников. Сейчас с полной определенностью можно сказать, что предпринимавшиеся не раз за последние два века поиски протоказаков не увенчались успехом. Оставаясь на почве твердо установленных фактов, вряд ли можно доказать идеи о происхождении казачества от парфян, «казахов» Константина Богрянородного, не говоря уже об амазонках. Даже точку зрения о зарождении казачества в Киевской Руси во времена домонгольского нашествия сегодня следует считать лишь гипотезой, не подкрепленной пока сколько-нибудь убедительными доказательствами.

Вряд ли можно также связывать происхождение казаков с какой-либо одной или несколькими причинами, какими-то конкретными фактами или событиями, будь то монголо-татарское нашествие или захват Киева поляками.

Как и многие сложные явления общественной жизни казачество не было вызвано каким-то одним толчком, а стало результатом весьма сложных процессов, протекавших в XV—XVI веках в Польско-Литовском и Московском государствах, которые при всех своих немалых различиях имели также в XVI—XVII веках много общих или сходных черт.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении Руси и Польши: оба государства занимали по существу пограничное положение на рубеже европейского и азиатского миров. Дело здесь, конечно, не столько в географии, сколько в том, что последняя мощная волна переселения азиатских народов на Запад выплеснулась в XIII веке на территорию Восточной Европы и дошла предгорьев Карпат. Эта волна захлестнула враждовавшие между собой многочисленные русские княжества, нанесла серьезный удар по Польше и Чехии. Ослабленная сопротивлением оставшихся в тылу русских и выступавших в борьбе с монголами поляков, она остановилась, а потом постепенно начала откатываться назад. Но пограничное положение Польши и русских земель продолжало сохраняться на протяжении пяти веков.

У России и Польско-Литовского государства границы с азиатским Востоком на протяжении веков были растянуты на сотни, а потом даже на тысячи километров. Сама протяженность границ делала невозможной их оборону с помощью только регулярных войск. На это не хватило бы ни материальных, ни людских ресурсов, особенно, если учесть, что здесь в приграничной полосе никогда не было мира, даже такого непрочного как в средневековой Европе. Использование для обороны границ казаков как служилых, так и вольных помогало решить эту проблему.

Во-вторых, серьезный отпечаток на развитие как Польско-Литовского, так и Московского государств оказало то, что их довольно быстрое расширение в XV—XVII веках происходило преимущественно за счет освоения Дикого поля, расположенного к востоку от польской, к югу и юго-востоку от русской границ. Сходные направления колонизации, один в общем-то или по крайней мере односторонний противник — монгольские княжества и ханства, диктовали во многом сходную тактику колонизации и защиты осваиваемых районов.

В-третьих, национальный состав приграничных со степью районов Польского и Русского государств был в общем-то тоже одинаков или во всяком случае очень схож: русские, украинцы, белорусы. Все они или по крайней мере подавляющее большинство были православными.

Наконец, в-четвертых, весьма существенным моментом, серьезно сказавшимся в период возникновения и формирования казачества, был проходивший почти параллельно в

Польше и России во многом сходный процесс закрепощения сельского населения, увеличения его повинностей в пользу помещиков. Поэтому именно в XV—XVII веках резко увеличился приток населения в приграничные районы, где хотя и существовала военная опасность, но зато хватало плодородной земли для тех, кто собирался жить крестьянским трудом, влияние же помещиков, а также царских и королевских чиновников было значительно слабее. В результате было немало вполне достаточное количество удальцов, стремившихся к вольной казачьей жизни.

Разумеется, что казачество при своем формировании усваивало многие черты институтов и явлений, существовавших до него. От военных поселений на окраинах Киевской Руси казаки во многом унаследовали не только практику расселения военных, служилых людей в приграничьи, но и методы организации оборонительных линий. От ушкуйников — практику морских и речных экспедиций за добычей; от монголов — тактику ведения степной войны и, по-видимому, само название «казак». Казачья демократия, организация управления казачьими общинами во многом копировала отчасти памятную еще народом вечевую демократию, отчасти же методы самоуправления в сельских общинах, сохранившиеся не только в XV—XVI веках, но и значительно позднее. В том, что касается запорожцев и вообще малороссийских казаков, не исключено влияние польских и литовских порядков, времен наибольшего расцвета шляхетских вольностей. Как видим, исторические корни этих явлений казачьей жизни весьма различны, многообразны.

Сложность, противоречивость процесса формирования казачества в России и Польско-Литовском государстве предопределили многозначность самого термина «казак». Фактически уже в XVI веке достаточно четко определяются как в Московском, так и в Польско-Литовском государствах три основных категории казачества: казачество служилое или городовое, казачество «воровское» или вольное и, наконец, казачество на службе у частных лиц вроде Строгановых или князей Вишневецких. Конечно, четкой границы между этими категориями казачества в реальной жизни не было. Городовой казак или казак Строгановых нередко бросали службу, шли в составе вольных артелей за добычей. С другой стороны «воровские» казаки сплошь и рядом поступали на панскую или государеву службу, их не только принимали, но зачастую даже всякими способами пытались заманить.

Весьма характерный в этом смысле пример — приглашение Строгановыми на службу «воровских» волжских казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем, а затем финансирование их экспедиции в Сибирь.

В XVI веке казачество становится одной из наиболее мощных сил Московского государства, игравшей чрезвычайно важную роль в завоевании и освоении новых территорий, их защите от иностранных государств. Именно тогда отряды вольных удальцов наряду с городовыми казаками осваивают громадные территории в Диком поле, на Северном Кавказе, на Волге, Урале и в Сибири. Именно они, казаки, были по существу первопроходцами, указывавшими основные направления колонизации, первыми защитниками, возникавших на новых местах поселений, земледельцами, промышленниками, торговцами и воинами одновременно.

Казачье движение на Восток и на Юг не было чем-то совершенно обособленным от государственной политики польских королей или московских самодержцев. Не говоря уже о городских казаках, выполнявших распоряжения царских воевод, а нередко и непосредственно государеву волю, даже вольные казаки, постоянно ссорившиеся с Московским правительством и именовавшиеся обычно в официальных документах «ворами», разбойниками», выполняли по существу важнейшую с точки зрения государственных интересов задачу. Не случайно поэтому правительство сплошь и рядом шло на союз с этими «ворами» и «разбойниками», платило им жалование из государственной казны, щедро награждало наиболее удачливых атаманов. Не случайно и то, что вольные казаки, вчера еще захватывавшие государевы суда и сражавшиеся с отрядами стрельцов, назавтра с великой легкостью сами поступали на государственную службу, участвовали в походах вместе с царскими войсками, при этом не принимая даже российского подданства, как, например, яцкие казаки, участвовавшие в 1591 году в походе войск Феодора Иоанновича против Шамхала Тарковского.

К концу XVI века наряду с весьма значительными контингентами размещенных преимущественно в приграничных районах Русского государства городских казаков складываются весьма крупные общины казаков вольных: запорожская, донская, терская, яцкая, волжская. Эти общины, превратившиеся позднее в крупные казачьи войска, обязаны

своим рождением и развитием не только деятельности вольных казаков, но и достаточно продуманной, последовательно проводившейся московским, а отчасти и польским правительствами политике, направленной на привлечение казачества к освоению громадных территорий на юге и юго-востоке. Конечно, как польское так и московское правительства, покровительствуя казакам, при этом самым тщательным образом оберегали собственные интересы, следили за тем, чтобы казачьи вольности не стали слишком уж опасными для государственной власти. В целом отношения с казаками королевского и царского правительств очень мало напоминали идиллию. Мир, сотрудничество между казачьими общинами и правительственными органами, как известно, нередко нарушались по вине то одной, то другой стороны. Казачество России и Украины играло весьма активную роль в социальных конфликтах, причем выступало в них по большей части на стороне оппозиции. Это естественно, учитывая состав, происхождение и настроения казаков.

При своем формировании казачьи общины вобрали самые различные элементы с точки зрения социальной и этнической. Но несомненно, что в плане национальном в общинах вольных казаков преобладали русские (великороссы и малороссы), в плане же социальном — крестьяне, бежавшие на восток и юг от прелестей крепостного права и искавшие в казачьих общинах свободной жизни или возможности получения военной добычи.

Разумеется, что реальная жизнь казаков была достаточно далека от идеальной мечты о казачьей безграничной вольности. И житье-бытье на поверку было не таким уж беззаботным, и вольности не были безграничными. В постоянных трудах мирных и ратных, в постоянных опасностях текла жизнь казаков на пограничной линии. Сам уклад ее выработывал из них особый тип людей, отличавшихся предприимчивостью, товарищеской спайкой, смелостью и мужеством. Также абсолютно необходимо для каждого казака было в совершенстве владеть оружием, подчиняться весьма своеобразной, но в случае необходимости и очень жестокой воинской дисциплине. Как бы там ни было опасности и трудности не отпугивали смелых предприимчивых людей. Поэтому несмотря на весьма значительные потери, которые казаки несли на государственной службе и в самостоятельных военных экспедициях за зипунами, ряды российского и украинского казачества на протяжении XVI века довольно быстро

росли. К рубежу XVI—XVII веков казачество представляло уже как в Московском, так и в Польско-Литовском государствах чрезвычайно мощную силу, которую одни боялись, другие стремились уничтожить или, напротив, привлечь на свою сторону, но во всяком случае ни друзья, ни враги не могли игнорировать.

И сами казаки вполне осознавали эту свою силу. Ко временам царствования Бориса Годунова относится следующий весьма характерный случай. Направил царь Борис своего родственника окольного Семена Годунова с войсками по Волге в Астрахань, для усмирения волнений инородцев. Добравшись до Саратова, Семен Годунов узнал, что на Волге разбойничают казаки большими шайками. Дальше плыть нельзя, говорили Годунову купцы. Он не послушал, поплыл дальше. Казаки напали на отряд царева родственника. Сам Годунов спасся бегством, но многих его спутников казаки побили или взяли в плен. Пленных, обобрав до нитки, отпустили к царю Борису, велев ему передать: «вот мы, казаки, скоро придем в Москву...»¹

В Московском государстве начиналось Смутное время, которое многие историки называли «казачьей революцией».

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, ПРИМЕЧАНИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Казачьи войска. По 1-е Апреля 1912 года. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Репринтное издание, 1992. — С. 5.
- ² Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 5. — Пр. 416. Савельев Е. П. Древняя история казачества (Историческое исследование). — Ч. 1. — Новочеркасск, 1915. — С. 8.
- ³ Первое летописное упоминание о русских казаках (рязанских) относится к 1444 году. Рассказывая о нападении царевича Золотой орды Мустафы на Рязанские земли, летописец сообщает: «Посла (великий князь Василий Васильевич Московский) князя Василья Оболенского и Андрея Федоровича Голтяева, да двор свой, да мордву на ртах (лыжах)..., а казаки рязанские тако же на ртах...». Отряд царевича Мустафы был разгромлен.
- ⁴ См.: Курбский А. М. Сочинения. — Т. 1. — СПб. 1914.
- ⁵ Миллер Г. Ф. О начале и происхождении казаков//Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. — СПб, 1760, апрель. — С. 291—334 (без указания автора); Миллер Г. Ф. Известия о запорожских казаках//Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. — СПб, 1760, май. — С. 388—444 (без указания имени автора).
- ⁶ Миллер Г. Ф. О начале и происхождении казаков. — С. 293.
- ⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — М.-Л., 1937, Т. 2. — М.-Л., 1941.
- ⁸ Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). — Оренбург, 1896; Его же. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии Наук корреспондентом Петром Рычковым. — Ч. 1—2. — СПб., 1762.
- ⁹ Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют и по каким случаям они ныне на своих местах витают, как-то: черкасские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от них яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волжские, терские, неграсовские и прочие казаки, как равно и слободские полки. Собрано и составлено через труды инженер-генерал-майера и кавалера Александра Ригельмана, 1785—1786 гг. Ч. 1—4. — М., 1847; Его же. История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем они прославились и прочая, собранная и составленная из многих вернейших российских иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок из журнала Петра Великого через труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана. 1778 г. — М., 1846.
- ¹⁰ Паллас П. С. Путешествия по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии Наук. — Ч. 2. — Кн. 1—2. — СПб, 1786.
- ¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 5. — С. 230—231.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времён // Соч. — Кн. 3. — Т. 5. — М., 1989. — С. 304—306.

¹³ Костомаров Н. И. Бунт Степкин Разина // Собр. соч. — Кн. 1. — Т. 2. — СПб, 1903. — С. 409.

¹⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. — Ч. 3. — Лекция XLV // Соч. в 9 т. — Т. 3. — М., 1989. — С. 98—103.

¹⁵ Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. — Т. 1—3. — СПб, 1892—1897; Грушевский М. С. История украинского казачества до соединения с Московским государством. — Т. 1—2. — Киев, 1913—1914; Мышецкий С. И. История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся, сочиненная от инженерной команды. — Одесса, 1862; Кулиш П. А. История воссоединения Руси — Т. 1—3. — СПб — М., 1874—1877; Падалак Л. В. По вопросу о существовании Запорожской Сечи в первые времена запорожского казачества. — Киев, 1894; Скальковский А. А. История Новороссии, или последнего Коша Запорожского. — Ч. 1—3. — Одесса, 1846; Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 1—2. — Харьков, 1833—1838 и др.

¹⁶ Абаза К. К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе. — СПб, 1890; Его же. Донцы. — СПб, 1889; Броневский В. М. История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод: В 4-х ч. — СПб, 1834; Краснов И. И. О донской казачьей службе. — СПб, 1852; Попов А. История о донском войске, сочиненная директором училищ в Войске Донском Алексеем Поповым 1815 года в Новочеркасске: В 2-х ч. — Харьков, 1816; Пудавов В. М. История Войска Донского и старобытность начал казачества: В 2-х ч. — Новочеркасск, 1898; Савельев А. М. Трехсотлетие Войска Донского (1570—1870): Очерки по истории донских казаков. — СПб, 1870; Савельев Е. П. История Дона и донского казачества. — Новочеркасск, 1915; Сениюткин История Дона и донского казачества. — Новочеркасск, 1915; Сениюткин М. Х. Донцы: Ист. очерки воен. действий, биограф. старшин прошлого века, заметки из соврем. быта и взгляд на историю Войска Донского. В 2-х ч. С прил. актов и табл. регалий Войска Донского. — М., 1866; Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. — Новочеркасск, 1903; Его же. Историческое описание Земли Войска Донского с начала XVI века до конца первого десятилетия XVIII века. — Новочеркасск, 1902 и др.

¹⁷ Авдеев П. И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником войскового хозяйственного правления полковником П. И. Авдеевым. — Оренбург, 1904; Бородин Н. (А). Уральское казачье войско: Статистическое описание в 2-х томах с 10 картами. — Т. 1—2. — Уральск, 1891—1892; Железнов И. И. Полное собрание сочинений И. И. Железнова. — Т. 1—3. — СПб, 1888; Левшин А. (И.). Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. — СПб, 1823; Небольсин П. И. Уральцы, 1855; Рябинин А. Н. Уральское казачье войско: В 2-х ч. — СПб, 1866; Витевский В. Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военнотражданской власти в XVIII и XIX вв. — Казань, 1877; Его же И. И. Неплюев. — Казань, 1891; Кривошеков А. И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке. — Вып. 1. — Троицк, 1913; Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. — Оренбург, 1890; Его же. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских

казаков, рисунков со знамен и карты. — Оренбург, 1891; Его же. Откуда взялись казаки: Исторический очерк. — Оренбург, 1881; Его же. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. — Оренбург, 1891 и др.

¹⁸ Васильев А. П. Забайкальские казаки: Ист. очерк. Т. 1—3. — Чита, 1916—1918; Элов Н. И. Забайкальское казачье войско. — Нерчинск, 1889; Усов Ф. Н. Сибирское казачье войско. Список населенных мест по сведениям за 1876 г. — Омск, 1877; Катанаев Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. — Вып. 1. Конец XVI и начало XVII ст. — СПб, 1908; Его же. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582—1908 г. — СПб, 1908; Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Со времен водворения зап.-сиб. казаков на занимаемой ими ныне территории. — Омск, 1891 и др.

¹⁹ Дмитриенко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: В 3-х т. — СПб, 1896; Короленко П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696—1896. (Ист. очерк). — Екатеринодар, 1896; Дукмасов И. А. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. — М., 1887; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. — Екатеринодар, 1910—1913; Бентковский И. В. Гребенцы: Ист. исслед. — М., 1889; Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Ист. очерк. — Вып. 1. — Гребенское войско. — СПб, 1880; Потто В. А. Два века Терского казачества (1577—1801). — Т. 1—2. — Владикавказ, 1912—1913 и др.

²⁰ Антонович В. Б. Исследование о казачестве по актам с 1500 по 1648 год. — Киев, 1863; Багалай Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII ст. Т. 1—2. — Харьков, 1886—1890; Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской окраине Московского государства. — М., 1846; Иловойцкий Д. И. История Рязанского княжества. — М., 1858; Маркевич Н. А. О казаках. — М., 1859; Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв.: Монография. — Киев, 1884; Фотинский О. А. О происхождении южнорусского казачества. — Житомир, 1903 и др.

²¹ Столетие Военного Министерства. 1802—1902. — Т. 11. — Ч. 1—4. — Казачьи войска. Исторический очерк/Сост. А. И. Никольский — СПб, 1902.

²² Савельев Е. П. Историческое исследование. — Ч. 1—2. — Новочеркасск, 1915—1916.

²³ «...Козаки были самые вредные для общества социалисты, коммунисты и нигилисты», — писал П. А. Кулиш (См.: Русский Архив. — 1877. — № 3. — С. 357).

²⁴ См., например, страницы, посвященные Ермаку и его казакам. — Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 9. — С. 224—242.

²⁵ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. — Т. 2. — Гл. 9/Избранные произведения. — Кн. 1. — М., 1963.

²⁶ Глаголев В. П. Движение на Дону и на юге России весной 1682 года/Ученые записи Московского гос. заочн. пед. ин-та. — 1958. — Т. 1; Голобуцкий В. А. Гайдамацкое движение в Запорожье за время «колливинщины» и крестьянского восстания под предводительством Е. И. Пугачева// Исторические записки. — Т. 55; Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Сборник статей. — М.-Л., 1966; Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. — Иркутск, 1939; Лебедев В. И. Булавинское восстание в 1707—1708 гг. —

М.-Л., 1934; **Лебедев В. И.** Крестьянская война под предводительством Степана Разина. 1667—1671 гг. — М., 1955; **Лунин Б. В.** Степан Разин. Ростов, 1960; **Мавродин В. В.** Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. — Л., 1961; **Подъяпольская Е. Н.** Восстание Булавина 1707—1709. — М., 1962; **Савич А. А.** Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. — М., 1931; **Степанов И. В.** Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. — Л., 1966; **Черепнин Л. В.** Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства//Исторические записки. — Т. 4. и др.

²⁷ **Донецкий М.** Донское казачество: Историко-публицистические очерки. — Ростов на Дону, 1926; Из истории Дона (XVII—XX вв.): Сб. статей/Под ред. Хмелевского К. А. — Вып. 1. — Ростов на Дону, 1956; История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ростов на Дону, 1965; К истории донского казачества. — Ростов на Дону, 1939; **Корчин М. Н.** Донское казачество. — Ростов на Дону, 1949; **Лунин Б. В.** К истории донского казачества. — Ростов на Дону, 1939; **Лола М. И.** О кубанском казачестве. — Ростов на Дону — Краснодар, 1926; **Голобуцкий В. А.** Черноморское казачество. — Киев, 1956; **Евсеев Н.** О прошлом и настоящем оренбургских казаков. — Самара, 1929; **Машин М. Д.** Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. — Челябинск, 1976; **Ишмаев Н. Е.** Сибирское казачество. Стат. и экон. очерки. — Самара, 1920; **Бахрушин С. В.** Казаки на Амуре. — Л., 1925 и др.

²⁸ **Апанович Е. М.** Исторические места событий освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. — Киев, 1954; **Баранович А. И.** Украина накануне освободительной войны середины XVII в. (Социально-экономические предпосылки войны). — М., 1969; Воссоединение Украины с Россией. Сб. статей. — М., 1954; **Голобуцкий В. А.** Запорожское казачество. — Киев, 1957; Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией/Под ред. В. Дядченко, А. Касименко, Ф. Шевченко. — Киев, 1954; **Шутой В.** Канун освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг./Исторические записки. — Т. 46. — М., 1954 и др.

²⁹ **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири. — 2-е изд. — Вып. 1. — М.-Л., 1960; **Бахрушин С. В.** Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе. — Научные труды. — Т. 3. — Ч. 1. — М., 1955; Он же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — М., 1928; **Бояршинова З. Я.** К вопросу о присоединении Западной Сибири к русскому государству//Труды Томского гос. ун-та. — Т. 136. — Томск, 1957; **Введенский А. А.** Дом Строгановых в XVI—XVII вв. — М., 1962; **Дворецкая Н. А.** Археографический обзор списков повестей о походе Ермака//Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. — Т. 13. — М.-Л., 1957; **Колесников А. Д.** Ермак. Исторический очерк. Омск, 1983; **Копылов Д. И.** Ермак. — Иркутск, 1989; **Мирзоев В. Г.** Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. — М., 1960; **Огородников В. П.** Очерк истории Сибири до начала XIX в. — Ч. 1. — Иркутск, 1920; **Преображенский А. А.** Неизвестный автор сибирского летописца Саввы Есилова//Советские архивы, 1983 — № 2; Он же. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России//Проблемы истории общественной мысли и историографии. — М., 1976; Он же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVII в. — М., 1972; **Ромодановская Е. К.** Синодик ермаковым казакам (Предварительное сообщение). — Изв. СО АН СССР. — 1970. — Сер. обществ. наук. — Вып. 3; Она же. Строгановы и Ермак//История СССР. — 1976. — № 3; **Сергеев В. И.** К вопросу о походе в Сибирь

дружины Ермака//Вопросы истории. — 1959. — № 1; Он же. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков//Актуальные проблемы истории СССР. — М., 1976; **Скрынников Р. Г.** Сибирская экспедиция Ермака. — 2-е изд. — Новосибирск, 1986 и др.

³⁰ **Деникин А. И.** Очерки русской Смуты. — Т. 1—5. — Париж, 1921—1926; **Краснов П. Н.** От Двуглавого Орла к Красному знамени. — Берлин, 1922; **Акулинин И. Г.** Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—1920. — Шанхай, 1937; **Шкуро А. Г.** Записки белого партизана. — Буэнос-Айрес, 1961; **Енборисов Г. В.** От Урала до Харбина. — Шанхай, 1932; **Зуев А. В.** Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом (1918—1922). — Харбин, 1937; **Макеев А.** Бог войны — барон Унгерн. Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. — Шанхай, 1934 и др.

³¹ Казачий словарь-справочник. — Т. 1—3. — Кливленд — Сен-Асельмо, 1966—1970.

³² **Харламов П. К.** Казаки. — Париж, 1956.

³³ **Гордеев А. А.** История казаков. — Ч. 1—4. — Париж, 1968.

³⁴ **Гордеев А. А.** История казаков. — Ч. 1. — М., 1991. — С. 14.

³⁵ За други своя или все о казачестве. Авт. — сост. А. М. Гнеденко, В. М. Гнеденко. — М., 1993.

³⁶ Казаки России: прошлое, настоящее, будущее. — М., 1992; Казаки России. — М., 1993; Казаки России (Проблемы истории казачества). М., 1993; Народная память о казачестве. — Запорожье, 1991; **Станиславский А. Л.** Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. — М., 1990; **Селищев Н. Ю.** Казаки и Россия: Дорогами прошлого. Очерки. — М., 1992; **Астапенко М. П.** Донские казаки. 1550—1920. Учеб. пособие. — Ростов на Дону, 1992; Он же. Подвиг дивный. — Ростов на Дону, 1991; Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. — Ростов на Дону, 1990; **Мининков Н. А.** Донское казачество на заре своей истории: Учеб. пособие для студентов и учителей средних школ. — Ростов на Дону, 1992; **Рябов С. И.** Донская земля в XVII веке. — Волгоград, 1992; **Тикиджьян Р. Г.** Донское казачество: история и современность. — Шахты, 1992; **Скорик А. П.** Возникновение донского казачества как этноса. Изначальные культурные традиции. — Новочеркасск, 1992; Казачий круг: История кубанского казачества. — М., 1991; **Куценко И. Я.** Кубанское казачество. — 2-е изд. — Краснодар, 1993; **Якаев С. Н.** Одиссея казачьих регалий: Кубанское казачество за рубежом. — Краснодар, 1992; Казаки Урала и Сибири в XVIII—XX вв. — Екатеринбург, 1993; Казачество на государственной службе. — Екатеринбург, 1993; История казачества Урала. — Оренбург — Челябинск, 1992; **Мамонов В. Ф.** Гибель русской Ванды: Казачество востока России в революционной и гражданской войне. — Челябинск — Екатеринбург, 1994; **Шовунов К. П.** Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII—XIX вв.). — Элиста, 1992; История запорожского казачества: современное состояние и проблемы исследования. — Днепрпетровск, 1990; **Омельченко И. Л.** Терское казачество. — Владикавказ, 1991.

³⁷ Наиболее важные в этом смысле конференции состоялись в Москве, Ростове на Дону, Екатеринбурге, Томске.

ГЛАВА I

РОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА: ЛЕГЕНДЫ, ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ.

§ 1. Легенда о казаках

¹ См.: Савельев Е. П. Древняя история казачества. (Историческое исследование). — Ч. 1. — Новочеркасск, 1915. За други своя или все о каза-

честве. Авт.-сост. А. М. Гнеденко, В. М. Гнеденко. — М., 1993; Гордеев А. А. История казаков. — Ч. 1. — Париж, 1968; Харламов П. К. Казаки. — Париж, 1956.

- ² За други своя или все о казачестве. — С. 15.
- ³ Савельев Е. П. Древняя история казачества. — Ч. 1. — С. 149.
- ⁴ Там же. — С. 118.
- ⁵ Гордеев А. А. История казаков. — Ч. 1. — М., 1991. — С. 16.
- ⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 5. — Пр. 416.
- ⁷ За други своя или все о казачестве. — С. 23.
- ⁸ Гордеев А. А. История казаков. — Ч. 1. — С. 16.
- ⁹ Харламов П. К. Казаки. — С. 6.
- ¹⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 5. — С. 230—231.
- ¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 3. — Т. 5. — М., 1960. — С. 316.
- ¹² Маркевич Н. О казаках. — М., 1859. — С. 2.
- ¹³ Там же. — С. 2—3.
- ¹⁴ Гордеев А. А. Указ. соч. — Ч. 1. — С. 7—8.
- ¹⁵ Столетие Военного Министерства. — Т. 11. — Ч. 1. — СПб, 1902. — С. 45—46.
- ¹⁶ Военный сборник. — 1877. — № 6. — С. 272.
- ¹⁷ Харламов П. К. Указ. соч. — С. 9.
- ¹⁸ Столетие Военного Министерства. — Т. 11. — С. 45—46.
- ¹⁹ Ключевский В. О. Соч. в 9 т. — Т. 3. — М., 1989. — С. 98.
- ²⁰ Там же. — С. 100.
- ²¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. — Т. 2. — Гл. 9//Избранные произведения. — Кн. 1. — М., 1966.

§ 2. Русские норманны

- ¹ Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки)//Собрание сочинений. — СПб. 1903. — Кн. 3. — Т. 7. — С. 14; Т. 8. — С. 297—299.
- ² См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 6. — Гл. 3.
- ³ Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). — Т. 35. — СПб, 1902. — С. 132—133.
- ⁴ См.: например, Патриаршую (Никоновскую) летопись: «Того же лета (6874 г. — от сотворения мира или 1366 г. от рождения Христова — В. М.) приидоше из Новгорода Великого Новгородци разбойници, и бысть их двесте ушкуев...». Того же лета (6882 г. — от сотворения мира или 1374 г. от рождения Христова — В. М.) идоша на Низ, за Вятку ушкунници разбойници...» ПСРЛ. — Т. 11. — С. 6, 20. Владимирский летописец: «Того же лета (6881 г. — от сотворения мира или 1373 г. — от рождения Христова — В. М.) идоша на низ Вяткою ушкунници, разбойници...» ПСРЛ. — Т. 30. — С. 120.
- ⁵ От ярости норманнов избави нас, Господи!
- ⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. — Ч. 1. — Л., 1958//Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. — Т. 138. — С. 213—214; Никитский А. И. Военный быт Великого Новгорода//Русская старина. — Т. 1. — 1870. — С. 17.
- ⁷ Бернадский В. Н. Указ. соч. — С. 214.

⁸ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. — Изд. 2-е. — Т. 4. — СПб-М., — С. 529.

⁹ На это обстоятельство обращали внимание еще Г. Е. Кочин и В. Н. Бернадский. (См.: Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. — ИАН, 1927. — С. 378; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. — Ч. 1. — Л., 1958//Ученые записки Ленинградского гос. пед. инст-та им. А. И. Герцена. — Т. 138. — С. 213).

¹⁰ Черепнин Л. В. Указ. соч. — С. 391.

¹¹ Бернадский В. Н. Указ. соч.

¹² См.: Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки)//Собр. соч. — Кн. 3. — Т. 7—8. — СПб, 1903. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Т. 2.//Соч. В 18 кн. — М., 1988. — Кн. 1. — С. 357, 676.

¹³ Повесть временных лет//Памятники литературы древней Руси. — М., 1978. — С. 218.

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. — Т. 2. — М., 1773. — С. 106.

¹⁵ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 676.

¹⁶ См.: Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада//Собр. соч. — Кн. 3. — Т. 8. — С. 297.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Бернадский В. Н. Указ. соч. — С. 215.

¹⁹ ПСРЛ. — Т. 4. — С. 63; Т. 5. — С. 227; Т. 8. — С. 11; Т. 10. — С. 232; Т. 15. — Вып. 1. — С. 69; Т. 18. — С. 100.

²⁰ Вот как говорит об этом Никоновская летопись: «За то разбойничество (ушкунников, взявших Жукотин — В. М.) крестьяне пограблены были в Болгарех». (ПСРЛ. — Т. 10. — С. 232).

²¹ ПСРЛ. — Т. 15. — Вып. 1. — С. 81; Т. 24. — С. 124.

²² Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. — М., 1960. — С. 394.

²³ Вот как говорится об этом в летописи Авраамки: «Пришли Новгородци в ушкуних, а воеводы Есиф Вальфромеевич, Александр Обакумович, на нижний Новгород и много бесермен избиша под Нижним Новым городом, а наших пострелише Филипа Утреткина и Бориса Квашенькина и два человека (ПСРЛ. — Т. 16. — С. 92).

²⁴ Бернадский В. Н. Указ. соч. — С. 219.

²⁵ ПСРЛ. — Т. 4. — С. 66.

²⁶ См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. — С. 394—395.

²⁷ ПСРЛ. — Т. 8. — С. 21; Т. 9. — С. 20; Т. 15. — Вып. 1. — С. 106.

²⁸ ПСРЛ. — Т. 3. — С. 231; Т. 4. — С. 71—72; Т. 5. — С. 235; Т. 11. — С. 23—24, 126; Т. 15. — Вып. 1. — С. 113—114; Т. 16. — С. 101—102; Т. 20. — С. 196; Т. 23. — С. 119—120.

²⁹ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 160—161; Т. 18. — С. 132, 141.

³⁰ Бернадский В. Н. Указ. соч. — С. 224.

³¹ ПСРЛ. — Т. 11. — С. 45.

³² ПСРЛ. — Т. 5. — С. 240.

³³ Костомаров Н. И. Указ. соч. — С. 299.

³⁴ Например, Г. Е. Катанаев, И. Д. Попко, В. А. Потто.

§ 3. Первые известия о казаках.

Казаки служилые и вольные

- ¹ Ключевский В. О. Соч. в 9 т. — Т. 3. — С. 99.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 5. — С. 179; Пр. 321; Иловайский Д. (И.). История Рязанского княжества. — М., 1858. — С. 255.

³ Там же.

⁴ Имя атамана сообщает Н. М. Карамзин. (См.: Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 6. Пр. 17).

⁵ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 224. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина говорится (Т. 6. — С. 12), что русский отряд шел пешим путем по берегам Вятки, Камы и т. д. Но это противоречит данным Вологодско-Пермской летописи, где поход описан наиболее полно.

⁶ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 9.

⁷ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 193.

⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. — Т. 2. 1508—1521//Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 95. — СПб, 1895. — С. 17.

⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — Т. 1//Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 41. — СПб. — 1884. — С. 270.

¹⁰ Там же. — С. 47—49.

¹¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. — Т. 2. 1508—1521//Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 95. — СПб, 1895. — С. 229—230.

¹² Там же. — С. 376.

¹³ Там же. — С. 379, 385.

¹⁴ Базилевич К. В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III//Вестник Московского университета. — 1948. — № 1. — С. 32.

¹⁵ Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею Наук под редакцією Н. А. Попова. — Т. 1. — Разрядный приказ. Московский стол. 1571—1634. — СПб, 1890. — С. 49.

¹⁶ Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360—852 до 7106—1598 г. — М., 1819. — С. 188.

¹⁷ ПСРЛ. — Т. 4. — С. 161. Об этом эпизоде упоминается также в Воскресенской летописи (ПСРЛ. — Т. 8. — С. 224—225).

¹⁸ ПСРЛ. — Т. 8. — С. 226.

¹⁹ ПСРЛ. — Т. 4. — С. 163; Т. 8. — С. 227.

²⁰ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 44; Т. 8. — С. 237.

²¹ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 44; Т. 8. — С. 238. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — Т. 1//Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 41. — СПб, 1884. — С. 321—322, 332, 381, 403.

²² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — Т. 1. — С. 357, 381.

²³ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 46; Т. 8. — С. 240.

²⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — Т. 1. — С. 381.

²⁵ Там же. — С. 321—322, 332, 357, 381, 403, 406.

²⁶ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 6. — Прим. 495.

²⁷ Там же. — С. 332.

²⁸ Там же. — С. 403.

²⁹ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 44; Т. 8. — С. 238.

³⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — Т. 1. — С. 321—322, 403; Соловьев С. М. Соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 696; РГАДА — Ф. 89. — Сноше-

ния России с Турцией. — Кн. 2. — Л. 37—38, 50; ф. 123—Сношения России с Крымом. — Кн. 14. — Л. 269.

³¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен//Соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 696.

³² Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерстве Иностранных дел. — Симферополь, 1891. — С. 23, 24, 25.

³³ Такие факты отмечались в записке, представленной в 1573 году польскому королю Генриху, составленной Блезом де Виженом. Он писал в частности о судьбе пленных в Крымском ханстве: «Что же касается малолетних детей и стариков, неспособных к работе, то их предоставляют молодым татарским мальчикам для забавы и для того, чтобы приучить их к виду человеческой крови... Дети, получившие этих несчастных в свое распоряжение, придумывают для них всевозможные мучения: терзают тупыми, иззубренными ножичками, побивают маленькими камешками, или заставляют по несколько раз бросаться с высокой скалы до тех пор, пока они не разобьются на части (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — Киев, 1890. — С. 81—82).

³⁴ См.: Наказ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года//Записки императорского Русского археологического общества. — Т. 8. — Вып. 1—2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. — Кн. 1. — СПб, 1896. — С. 55—57.

³⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 4. — Т. 7. — С. 118—119.

³⁶ Ключевский В. О. История сословий в России//Соч. в 8 т. — Т. 6. — С. 412.

³⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 4. — Т. 7. — С. 92.

³⁸ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича. — М., 1846. — С. 9—11.

³⁹ Там же. — С. 6.

⁴⁰ Наказ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года... — С. 58—62.

⁴¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — Т. 1//Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 41. — СПб, 1884. — С. 413.

⁴² Акты, собранные Археологической экспедицией. — Т. 2. — СПб, 1836. — № 81.

⁴³ Наказ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года... С. 59.

Г Л А В А II ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАЧЬИХ ОБЩИН НА ДОНУ И В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

§ 1. Казачество в Польско-Литовском государстве. Запорожская Сечь

¹ Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. — Т. 2. — Киев, 1990. С. 8.

² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. — СПб, 1846. — № 170.

³ Например, В. А. Голобуцкий очень четко отделял «собственно казаков» от «старостинских слуг», которых он «настоящими» казаками не счи-

- тал. См. Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. — Киев, 1957. — С. 45.
- ⁴ Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. — Ч. 7. — Т. 1. — № 16.
- ⁵ Там же. — Ч. 3. — Т. 1. — № 1; Т. 2. — № 11.
- ⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 2. — СПб, 1865. — № 143.
- ⁷ Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. — Киев, 1957. — С. 89—92.
- ⁸ Стороженко А. Стефан Баторий и днепровские казаки. — Киев, 1904. — С. 72—73; Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. — Киев, 1957. — С. 93.
- ⁹ Ефименко А. Я. Малорусское дворянство и его судьба//Вестник Европы. — 1891. — Август. — С. 555.
- ¹⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 2. — СПб, 1865. — № 143.
- ¹¹ Выражение из грамоты короля Сигизмунда Августа к старосте Черкасскому и Каневскому князю Михаилу Вишневецкому (См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 2. — СПб, 1865. — № 140).
- ¹² Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. — Ч. 3. — Т. 1. — № 1.
- ¹³ Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 8—9.
- ¹⁴ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 70.
- ¹⁵ Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 9.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Летопись самовидца по новооткрытым спискам: С приложением трех малороссийских хроник: «Хмельницкий», «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». — Киев, 1878. — С. 329.
- ¹⁸ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. — Т. 2// Избранные произведения в 4-х кн. — Кн. 1. — М., 1966. — С. 471.
- ¹⁹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — Киев, 1890. — С. 4—58; Исторические песни малорусского народа. С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. — Т. 1. — Киев, 1874; Голобуцкий В. А. Указ. соч.; Эварницкий Д. И. Указ. соч. и др.
- ²⁰ Покровский М. Н. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 467.
- ²¹ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 70.
- ²² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — С. 154—155.
- ²³ Там же. — С. 94.
- ²⁴ Покровский М. Н. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 472.
- ²⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — С. 89.
- ²⁶ Там же. — С. 110—111.
- ²⁷ Там же. — С. 108.
- ²⁸ Там же. — С. 116—117.
- ²⁹ Там же. — С. 136.
- ³⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 5. — С. 230—231.
- ³¹ Миллер Г. Ф. О начале и происхождении козаков//Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. — СПб, 1760. — Ачель, — С. 293.

- ³² Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 1. — С. 99—100.
- ³³ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 67.
- ³⁴ Столетие Военного Министерства. — Т. 11. — Ч. 1. — СПб 1902. — С. 28.
- ³⁵ Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 31—32.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 69.
- ³⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 2. — СПб, 1865. — № 19.
- ³⁹ Архив Юго-Западной России... — Ч. 7. — Т. 2. — № 17.
- ⁴⁰ ПСРЛ — 13. — Первая половина. — С. 281.
- СПб, 1904. — С. 275.
- ⁴¹ ПСРЛ. — 13. — Первая половина. — С. 281.
- ⁴² Сборник Русского исторического общества. — Т. 71. — СПб, 1892. — С. 156.
- ⁴³ Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 24—25.
- ⁴⁴ См., например, Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2; а также работы Н. И. Костомарова, М. С. Грушевского и ряда других авторов.
- ⁴⁵ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 71—87.
- ⁴⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. 2. — С. 148. Книга Посольская. Метрики Великого княжества Литовского. — Т. 1. — М., 1843. — № 86, 88.
- ⁴⁷ Книга Посольская. Метрики Великого княжества Литовского. — Т. 1. — № 86.
- ⁴⁸ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 78—79.
- ⁴⁹ Архив Юго-Западной России... — Ч. 3. — Т. 1. — № 1.
- ⁵⁰ Книга Посольская. Метрики Великого княжества Литовского. — Т. 1. — № 86.
- ⁵¹ Это особенно характерно для работ М. С. Грушевского, Д. И. Эварницкого, А. И. Никольского, а отчасти и Н. И. Костомарова.
- ⁵² Наиболее отчетливо это проявляется в работах М. Н. Покровского.
- ⁵³ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 21.
- ⁵⁴ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — Киев, 1890. — С. 173.
- ⁵⁵ Там же. — С. 177—178.
- ⁵⁶ Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 1. — С. 145—146.
- ⁵⁷ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — Киев, 1890. — С. 170.
- ⁵⁸ Кулиш П. А. История воссоединения Руси. — Т. 1. — СПб, 1874. — С. 68.
- ⁵⁹ Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 65—66. Книга Посольская. Метрики Великого княжества Литовского (с 1454 по 1572 г.) — Т. 1. — М., 1843. — № 17, 18, 21, 22.
- ⁶⁰ Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 31.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Грабянка Г. Действия презельной и от начала поляков кривавой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, с поляками за найяснейших королей польских Владислава, потом и Казимира, в року 1648, отправоватися начатой и за лет десять до смерти Хмельницкого неоконченной, з разных летописцев и з Диаруша, на той войне писанного, а градеГадячу трудом Григория Грабянки, собранная и самобытные старожиллов свидетельства утвержденная. Року 1710. — Киев; Врем. комис. для разбора древн. актов, 1854. — С. 349—350.

- 63 Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 61—62.
 64 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. — Т. 2. — С. 175.
 65 Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 91.
 66 Там же. — С. 92.
 67 Акты, относящиеся к истории Западной России... — Т. 3. — № 84.
 68 Голобуцкий В. А. Указ. соч. — С. 41—42.
 69 Там же. — С. 107.
 70 Архив Юго-Западной России... — Ч. 3. — Т. 1. — № 38.
 71 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Т. 6. — Кн. 3. — С. 492—493.
 72 Там же. — С. 495.
 73 Эварницкий Д. И. Указ. соч. — Т. 2. — С. 28.
 74 Там же.
 75 Соловьев С. М. Указ. соч. — Т. 7. — Кн. 4. — С. 234.
 76 Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — С. 179.

§ 2. Формирование донского казачества

- 1 Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 8. — С. 86.
 2 «Мы видели, что уже при Василии Иоанновиче рязанские казаки хорошо знали места по Дону; при сыне Василия они здесь утверждают, принимают от места название донских...» — писал С. М. Соловьев. (См.: История России с древнейших времен. Кн. 3. — Т. 6. — С. 694).
 3 Голубовский П. В. Движение и жизнь народов степной полосы до татарского нашествия. — Киев, 1883. — С. 19.
 4 Казачий круг. — 1991. — Вып. 2. — С. 45.
 5 См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М., 1982. — С. 143; Казаки России (Проблемы истории казачества). — М., 1993. — С. 43.
 6 Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1. — Киев, 1890. — С. 68.
 7 Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360—852 до 7103—1598 г. — М., 1819. — С. 188.
 8 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 695; РГАДА — Ф. 123. Сношения с Крымом. — Кн. 2—3.
 9 ПСРЛ. — Т. III. — Стб. 342; Памятники литературы Древней Руси. — М., 1981. — С. 117, 121, 158.
 10 Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 1991. — С. 66.
 11 Аверин И. А. Бродники: миф и реальность//Казаки России (Проблемы истории казачества). — М., 1993. — С. 46.
 12 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 694.
 13 Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 7. — Пр. 136.
 14 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 694.
 15 Там же.
 16 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 5. — С. 277—278.
 17 Там же. — С. 315—316.
 18 История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ростов н/Д, 1965. — С. 98.
 19 Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. — М., 1846. — С. 23.
 20 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 694.

- 21 История Дона с древнейших времен... — С. 95.
 22 Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 8. — Пр. 251.
 23 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 694—695.
 24 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 8. — Пр. 251.
 25 История Дона с древнейших времен... — С. 101.
 26 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 9. — С. 165.
 27 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6.; РГАДА. — Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. — Кн. 2—3.
 28 Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Военное обозрение земли войска Донского, составил генерального штаба капитан Краснов — СПб, 1864 — С. 2; Пудавов В. М. История войска Донского и старобитность начал казачества. — Вып. 1. — Новочеркасск, 1890. — С. 165; Столетие Военного Министерства. — Т. 41. — Ч. 1. — СПб, 1902. — С. 46.
 29 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 695.
 30 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 8. — Пр. 412.
 31 Там же. — Т. 9. — С. 65.
 32 Там же. — Пр. 348.
 33 Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лихиным. — Т. 1. — Новочеркасск, 1891. — №№ 1, 2.
 34 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 695—696.
 35 Там же. — С. 696.
 36 Там же. — С. 695.
 37 Середонин С. М. Наказ кн. М. И. Воротынского и роспись полкам 1572 года//Записки императорского Русского археологического общества. — Т. 8. — Вып. 1—2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. — Кн. 1. — СПб, 1896. — С. 59.
 38 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 9. — Пр. 452.
 39 Там же. — Т. 9. — С. 175—176. — Пр. 525.
 40 Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. — Киев, 1957. — С. 94.
 41 Русская историческая песня. — Л., 1990. — С. 73—74. Приведем здесь полностью эту песню, опубликованную впервые в сборнике Кириши Данилова:

(За) Зарайским городом,
 За Рязанью за старую,
 Из далеча чиста поля,
 Из раздолья широкого
 Как бы гнедого тура
 Привезли убитого —
 Привезли убитого
 Атамана польского
 Атамана польского,
 А по имени
 Михаила Черкашенина,
 А птицы ластицы
 Круг гнезда убиваются —
 Еще плачут малы его дети
 Над белым телом,
 С высокого терема
 Зазрела молодая жена,
 А плачет, убивается
 Над его белым телом,
 Сквозь слезы свои она

Едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи
Ко его белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебе, света моего,
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского
А по имени
Михайла Черкашенина».

По-видимому, это была не единственная песня, посвященная донскому атаману. На такую мысль наводит, в частности, анализ народной исторической песни «Иван Грозный под Серпуховым», посвященной событиям, связанным с отражением набега крымского хана на русскую землю. В этой песне главным героем является Иван Матвеевич Краснощеков, который был действительно вполне реальной личностью, правда, из совсем другой эпохи. Будучи бригадиром Донского казачьего войска, он участвовал в первой половине XVIII века в войнах с Турцией, Персией и Швецией, был захвачен в плен шведами в бою под Гельсингфорсом и погиб в плену. Он является героем многих исторических песен. Любопытно, однако, что в песне «Иван Грозный под Серпуховым» Краснощекова называют не Иваном, а Мишенькой. Донской атаман Михаил Краснощеков во времена Ивана Грозного не известен. Не произошло ли здесь то, что очень часто бывало в народных песнях вообще: объединение двух различных героев, в данном случае, донского атамана Михаила Черкашенина и бригадира Ивана Краснощекова? (Там же. — С. 72—73).

- 42 Русская историческая песня. — Л., 1990. — С. 76.
43 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 10. — С. 37—38.
44 Там же. — С. 56.
45 Акты, относящиеся к истории Войска Донского... — № 4.
46 Там же.
47 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. — Т. 18. — Донские дела. — Кн. 1. — СПб, 1898. — № 1.
48 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 9. — Пр. 407.
49 Там же. — Т. 8. — Пр. 254; Т. 10. — Пр. 297.
50 Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 696.
51 Карамзин Н. М. — Указ. соч. — Т. 8. — С. 86—87; История Дона с древнейших времен... — С. 99.
52 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 8. — Пр. 254.
53 Исторические записки. — Т. 22. — М., 1947. — С. 153—159.
54 Маркевич Н. История Малороссии. — Ч. 1. — М., 1842. — С. 50.
55 История Дона с древнейших времен... — С. 99.
56 Броневский В. Описание Донской земли, нравов и обычаев жителей. — Ч. 3. — СПб, 1834. — С. 123—125, 150.

Г Л А В А III

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ. ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬИХ ОБЩИН В ПОВОЛЖЬЕ, НА ТЕРЕКЕ, УРАЛЕ И В СИБИРИ

§ 1. Борьба Русского государства за Волжский путь и формирование казачьих общин в Поволжье.

- 1 См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 5. —

С. 179—180.; Пр. № 321, Казачья войска. Под ред. В. К. Шенк. Составил В. Х. Казин. — 1912. — СПб. — С. 5.

2 Полное собрание русских летописей. — Т. 113. — М., 1985. — С. 163—164.

3 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 8. — С. 94, Пр. 284.

4 Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 8. — Пр. № 260.

5 Курбский А. М. Сочинения. — Т. 1. — СПб, 1914. — С. 180—181;

Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 8. — С. 98—99, 102—103.

6 См.: Курбский А. М. Сочинения. — Т. 1. — С. 182—188. Соловьев С. М. Сочинения. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 446—458.

7 Приведем здесь одну из таких песен:

«Как проходит, братцы, лето теплое,
Настает, братцы, зима холодная,
И где-то мы, братцы, зимовать будем?
На Яик нам пойтить — переход велик,
А на Волгу пойтить — нам ворами слыть,
Нам ворами слыть, быть половленными,
По разным по тюрьмам порассаженными,
А мне, Ермаку, быть повешену.
Как вы думаете, братцы, да подумайте,
Меня, Ермака, вы послушайте!»
Ермак говорит, как в трубу трубит:
«Пойдемте мы, братцы, под Казань-город,
Под тем ли под городом сам царь стоит,
Грозный царь Иван Васильевич.
Он стоит, братцы, ровню три года,
И не может он, братцы, Казань-город взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся,
И под власть его ему покоримся!»
Как пришел Ермак к царю, на колени стал,
Как взговорит царь Ермаку-казаку:
«Не ты ли Ермак, воровской атаманушка?
Не ты ли разбивал бусы-корабли мои военные?»
«Я разбивал, государь, бусы-корабли,
Бусы-корабли не орленые, не клейменные.
Отслужу я тебе, государь, службу важную:
Ты позволь мне, царь, Казань-город взять,
А возьму я Казань ровню в три часа.
Да и чем меня будешь жаловать?»
Как надел Ермак сужку старческую,
Платье ветхое, все истасканное,
И пошел Ермак в Казань за милостыню,
Побираться, христарядничать.
Заприметил там Ермак пороховую казну,
И с тем вернулся он к товарищам.
«Ой вы, братцы мой, атаманы-молодцы!
Да копайте вы ров под пороховую казну.
Скоро вырыли глубокий ров донские казаки.
Как поставил там Ермак свечу воску ярого,
Во бочонок ли поставил полный с порохом,
А другую он поставил, где с царем сидел.
А сказал Ермак царю Грозному:
«Догорит свеча — я Казань возьму!»

Догорела свеча — В Казани поднялось облако,
Как крикнет Ермак донским казакам,
Донским казакам, гребенским и яиковским:
«Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Вы бегите в город Казань скорехонько,
Вы гоните из города вон всех бусурман,
Не берите вы в полон ни одной души,
Плен донским казакам не надобен.»
Ермак тремя стами казаками город взял,
Город взял он Казань и царю отдал,
Избавил Ермак войско царское от урона.
За то царь пожаловал Ермака князем
И наградил его медалью именнойю,
Да подарил Ермаку славный Тихий Дон,
Со всеми его речками и приточками.
Как возговорит Ермак донским казакам:
«Пойдемте, братцы, на Тихий Дон, покоимся,
Неженатые, братцы, все поженимся!»

См.: Исторические песни XIV—XVI вв. — М.—Л., 1960. — С. 529—530. Сюжет о взятии Ермаком Казани развивается и в других исторических песнях. См.: Народные исторические песни. — М., 1962. — С. 124. Ермак легендарный. Донские песни и предания. — Ростов на Дону, 1987. — С. 52—55, 58—62 и др.

⁸ Карамзин Н. М. Указ. соч. — Т. 8. — Пр. 408.
⁹ РГАДА, Ф. 127. Сношения России с Ногайскими татарами. — Кн. 2. — 6.

¹⁰ Исторические записки. — Т. 22. — М., 1947. — С. 154.
¹¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. — Пр. 407.

¹² Сибирские летописи. — С. 296, 307—308.
¹³ Там же. — С. 313.

¹⁴ Исторические песни XIV—XVI вв. — С. 529.
¹⁵ Сибирские летописи. — С. 296, 307—308.

¹⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 1. — 1334—1598. — СПб, 1841. — № 230.

¹⁷ Там же.
¹⁸ Савельев Е. П. История казачества. — Ч. 2. — Новочеркасск, 1916. — С. 240—241.

¹⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 1. — № 230.

§ 2. Терское казачество

¹ Потто В. А. Два века Терского казачества (1577—1801). — Т. 1. — Владикавказ, 1912. — С. 1, 15, 24.

² См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 2. — Пр. 64.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 1. — Т. 1. — М., 1960. — С. 216.

⁴ Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. — Вып. 1. — СПб, 1880. Караулов М. А. Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. — СПб, 1902.

⁵ Потто В. А. Указ. соч. — С. 24—34.
⁶ Попко И. Указ. соч. — С. 11—19.

⁷ Там же. — С. 13.

⁸ Там же. — С. 14—16.

⁹ Караулов М. А. Указ. соч. — С. 21.

¹⁰ Бенгтовский И. В. Гребенцы. — М., 1889; Кравцов И. Очерк о начале Терского казачьего войска. — Харьков, 1882.

¹¹ Попко И. Указ. соч. — С. 11.

¹² Там же. — С. 318.

¹³ Там же. — С. 25—26.

¹⁴ Там же. — С. 15, 318.

¹⁵ В указе на этот счет (от 31 мая 1721 года) говорилось: «Яицким казакам дать по челобитью их на все Яицкое войско 3 знамени из Москвы из обретающихся там прежних стрелецких знамен, выбрав кои поновее и легче с росписью...» (См.: Мамонов В. Ф., Кобзов В. С. Пограничная линия: Казаки Урала на защите рубежей Отечества. — Челябинск, 1992. — С. 31, 97).

¹⁶ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. — М., 1950; Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 9; Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. — М., 1823; Дебу И. Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. — СПб, 1829; Ржевский А. Терцы. — Владикавказ, 1888.

¹⁷ Гальцов В. С. Из истории колонизации Северного Кавказа. ИСОНИИ. — Т. 19. — Орджоникидзе, 1957; Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI—начало XX в.). Историко-этнографические очерки. — М., 1974; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. — М., 1963 и др.

¹⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 3. — Т. 6. — М., 1960. — С. 489—490.

¹⁹ Попко И. Указ. соч. — С. 27.

²⁰ Там же.

²¹ Кравцов И. Указ. соч. — С. 5.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 9. — Пр. 255.

²³ Заседателева Л. Б. Указ. соч. — С. 191.

²⁴ Кравцов И. Указ. соч. — С. 5.

²⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 3. — Т. 6. — М., 1960. — С. 605—606.

²⁶ Попко И. Указ. соч. — С. 3.

²⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Т. 1. — СПб, 1851. — С. 944.

²⁸ Попко И. Указ. соч. — С. 32.

²⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 10. — С. 36.

³⁰ Попко И. Указ. соч. — С. 32.

³¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 10. — Пр. 119.

³² Там же.

³³ Заседателева Л. Б. Указ. соч. — С. 192.

³⁴ Потто В. А. Указ. соч. — Т. 1. — С. 47.

³⁵ Хожденне купца Федота Котова в Персию. — М., 1958. — С. 33.

³⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук (ААЭ). — Т. 2. — № 87. — С. 173—176.

- 37 **Потто В. А.** Указ. соч. — Т. 1. — С. 51.
 38 Там же. — С. 54—55.
 39 Там же. — С. 48.
 40 **Заседателева Л. Б.** Указ. соч. — С. 193—194.
 41 ААЭ. — Т. 2. — № 87. — С. 174—175. Р. Г. Скрынников, исследовавший специально биографии казаков, извлеченные из подлинных кабальных книг конца XVI — начала XVII веков, пришел к выводу о том, что особенно большую роль в формировании вольного казачества сыграли «боярские послужилцы — боевые холопы». (См.: Россия в начале XVII века. «Смута». — М., 1988. — С. 110—111).
 42 См.: **Карамзин Н. М.** История государства Российского. — Т. 10. — С. 36; **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. — Кн. 4. — Т. 7. — М., 1960.
 43 **Станиславский А. Л.** Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. — М., 1990. — С. 9.
 44 **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. — Кн. 4. — Т. 8. — С. 448.
 45 Там же. Кн. 4. — Т. 7. — С. 262.
 46 Там же. — С. 267.
 47 **Потто В. А.** Указ. соч. — Т. 1. — С. 57.
 48 Там же. — С. 58.
 49 Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею (АИ). — Т. 1. — № 227. — С. 423—433; РГАДА. — Ф. 110. Сношение России с Грузией. — Д. 1.
 50 **Карамзин Н. М.** История государства Российского. — Т. 10. — С. 39.

§ 3. Казаки на Урале.

- 1 **Карамзин Н. М.** История государства Российского. — Т. 3. — С. 22—23.
 2 Там же. — С. 23—24.
 3 **Соловьев С. М.** Соч. в 18 кн. — Кн. 1. — Т. 2. — С. 623.
 4 ПСРЛ. — Т. 11. — С. 126; Т. 4. — С. 160—161; Т. 18. — С. 132, 141.
 5 ПСРЛ. — Т. 26. — С. 224.
 6 ПСРЛ. — Т. 26. — С. 276—277.
 7 **Рычков П. И.** Топография Оренбургская. — Ч. 2. СПб., 1762. — С. 60—69. П. И. Рычков записал это предание в 1741 году в Яицком городке у атамана И. Г. Меркурьева и других казаков. Достоверность предания особенно с точки зрения хронологии неоднократно оспаривалась историками, начиная с А. И. Левшина (См.: Левшин А. (И.). Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. — СПб., 1823. — С. 5—8). По нашему мнению, предание, приводимое в «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова несомненно содержит немало противоречий и анахронизмов. Подходить к сообщаемым в нем сведениям надо поэтому критически. И все же более детальный анализ предания свидетельствует, что оно, судя по всему, основано на действительно имевших место фактах. См.: **Мамонов В. Ф.** Рождение казачества Урала: легенды, факты, гипотезы. — Челябинск, 1991. — С. 10—17.
 8 РГВИА. Ф. 13. — Казачья экспедиция канцелярии военной коллегии. Оп. 1/107. — Св. 30. — Д. 10. — Л. 289—289 об.
 9 Там же. — Л. 289.
 10 Точку зрения И. И. Железнова разделял также Н. Бородин (См.:

- Бородин Н.** Уральское казачье войско: Статистическое описание в двух томах с 10 картами. — Т. 1. — С. 2).
 11 История казачества Урала. — Оренбург—Челябинск, 1992. — С. 14.
 12 **Карамзин Н. М.** Указ. соч. — Т. 9. — Пр. 663; РГАДА. — Ф. 127. Ногайские дела. — Оп. 1. — Кн. 10 (3). — Л. 247.
 13 **Дарненко В. Н.** Классовая борьба на Яике в XVII — начале XVIII вв. — М., 1966. — С. 8.
 14 Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. — Т. 1. — 1334—1598. — СПб., 1841. — № 230.
 15 Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 313—316.
 16 Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археологическою комиссиею. — Т. 1. — СПб., 1846. — № 128.
 17 **Миллер Г. Ф.** История Сибири. — Т. 1. — М., Л., 1937. — С. 350—380.
 18 История казачества Урала. — С. 28—32.

§ 4. Ермак. Начало формирования сибирского казачества.

- 1 **Катанаев Г. Е.** Западно-Сибирское казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. — Вып. 1. — СПб., 1908. — С. 21.
 2 **Бахрушин С. В.** Научные труды. — Т. 3. — Ч. 1. — М., 1955. — С. 74—75.
 3 Полное собрание русских летописей. — Т. 37. — Л., 1982. — С. 49.
 4 Разрядная книга, 1475—1598 гг. — М., 1966. — С. 29.
 5 **Миллер Г. Ф.** История Сибири. — Т. 1. — М.—Л., 1937. — С. 205—206.
 6 ПСРЛ. — Т. 29. — С. 233.
 7 **Преображенский А. А.** Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири//Исследования по отечественному источниковедению. — М.—Л., 1964. — С. 384.
 8 ПСРЛ. — Т. 13. — С. 276, 285.
 9 Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археологическою комиссиею. — Т. 1. — СПб., 1846. — № 118, 119, 120, 126.
 10 **Красинский Г.** Покорение Сибири и Иван Грозный//Вопросы истории. — 1947. — № 3. — С. 97.
 11 Дополнения к актам историческим... — Т. 1. — № 128.
 12 Там же.
 13 Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 1—46.
 14 **Карамзин Н. М.** История государства Российского. — Т. 9. — С. 219—235.
 15 Сибирские летописи. — С. 315.
 16 **Миллер Г. Ф.** Указ. соч. — Т. 1. — С. 215.
 17 Дополнения к актам историческим... — Т. 1. — № 120.
 18 Там же. — № 126.
 19 Там же. — № 128.
 20 Сибирские летописи. — С. 313, 316.
 21 **Миллер Г. Ф.** Указ. соч. — Т. 1. — С. 215.
 22 Сибирские летописи. — С. 10.
 23 Там же. — С. 316.
 24 Там же.
 25 Эта дата указана в Строгановской летописи. Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и большинство крупнейших исследователей Сибири (С. В. Бахрушин, А. И. Андреева, А. А. Преображенский и др.) ей вполне доверяли. Р. Г. Скрынников в своей книге «Сибирская экспедиция Ермака»

ставит эту дату под сомнение. Он считает, что поход был начат на год позже—1 сентября 1582 г. (См.: **Скрынников Р. Г.** Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1986. — С. 150—170). Однако эта точка зрения нуждается, по нашему мнению, в дополнительном обосновании.

- ²⁶ **Миллер Г. Ф.** Указ. соч. — Т. 1. — С. 221.
²⁷ Сибирские летописи. — С. 28.
²⁸ **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. — Кн. 3. — Т. 6. — С. 701.
²⁹ **Миллер Г. Ф.** Указ. соч. — Т. 1. — С. 343—344.
³⁰ Сибирские летописи. — С. 340.
³¹ Там же. — С. 34.
³² ПСРЛ. — Т. 36. — С. 134.
³³ См.: **Катанаев Г. Е.** Указ. соч. — С. 55; **Копылов Д. И.** Ермак. — Иркутск, 1989. — С. 174—175.
³⁴ **Миллер Г. Ф.** Указ. соч. — Т. 1. — С. 367—368.
³⁵ Там же. — С. 455—456.
³⁶ **Катанаев Г. Е.** Указ. соч. — С. 59.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. — М., 1994. — С. 51—52.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
ГЛАВА I. Рождение казачества: легенды, факты, гипотезы	23
§ 1. Легенда о казаках	42
§ 2. Русские норманны	42
§ 3. Первые известия о казаках. Казаки служилые и вольные	59
ГЛАВА II. Образование казачьих общин на Дону и в Польско-Литовском государстве	83
§ 1. Казачество в Польско-Литовском государстве, Запорожская Сечь	83
§ 2. Формирование донского казачества	119
ГЛАВА III. Присоединение к Русскому государству Казани и Астрахани. Формирование казачьих общин в Поволжье, на Тереке, Урале и в Сибири	130
§ 1. Борьба Русского государства за Волжский путь и формирование казачьих общин в Поволжье	130
§ 2. Терское казачество	154
§ 3. Казаки на Урале	172
§ 4. Ермак. Начало формирования сибирского казачества	185
Заклучение	208
Источники, литература, примечания и приложения	215